

Серия «Рассекреченные жизни»

UB271

R92

S52

1996

С. 1

Gen

Елисей Сеницын

РЕЗИДЕНТ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ

ТОО «Гей», Москва
1996

ББК 67.99 (2)

116.1

С 384

УДК 351.746 (47+57) (091)

5/a

Ответственный редактор серии
Виталий Черняевский

Обложка:
дизайн — Д.Захаров
вёрстка — А.Панов

Автор — крупный советский разведчик (8.06.1909–31.03.1995).
Из-за чего начался советско-финляндский вооруженный конфликт зимой 1939–40 годов? Чем занималась разведка Кремля в Швеции во время второй мировой войны? Какие тайные маневры Москвы заставили Хельсинки разорвать союз с гитлеровским Берлином? Почему Финляндия не стала страной «народной демократии» после крушения гитлеровского рейха? Как сгинул в застенках Лубянки шведский дипломат Рауль Валленберг?

Ответы на эти и многие другие вопросы, касающиеся тайн сталинской дипломатии на севере Европы в первой половине 40-х годов, можно найти в предлагаемых записках.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Издательство не несёт ответственности за факты, изложенные в книге.

ISBN 5–85589–028–7

© Текст. Оформление.
Разработка серии ТОО «Гей», 1996

ИНЖЕНЕРОМ В СИБИРЬ ИЛИ СОТРУДНИКОМ ВО ВНЕШНЮЮ РАЗВЕДКУ?

Летом 1934 года, после окончания Московского института химического машиностроения, меня распределили на Дорогомиловский химический завод (г. Москва) на должность механика трех ведущих цехов этого предприятия. Как молодой инженер, я сначала занялся освоением техники и технологических процессов предприятия. Я заинтересовался исследованием электромагнитных сил разной величины в качестве защиты металла от серной и соляной кислот.

Эти исследования проводились довольно успешно. Но однажды меня пригласили в партийное бюро для собеседования. Там оказались два незнакомых человека. Один из них, здороваясь, сказал, что они являются работниками Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) и хотели бы переговорить со мной по некоторым вопросам. Это было летом 1937 года, когда слово НКВД чаще всего сопрягалось со словом — арест. Старший по возрасту, осмотрев меня с головы до ног, сказал, что по решению ЦК ВКП(б) они подбирают кандидатов на работу в НКВД и в этой связи хотят переговорить со мной — не соглашусь ли перейти к ним на работу.

Я вежливо отказался, сославшись на занятость по работе одним серьезным исследованием. Второй, до тех пор молчаливый, заметил, что в НКВД я могу продолжить свои исследования. «Партийная организация завода, — сказал он, — рекомендует вас на работу к нам». Пришлось согласиться.

Спустя месяца четыре меня опять пригласили в дирекцию завода, где ожидали три других незнакомых человека. Старший из них, как оказалось, инженер главка угольной промышленности, повел разговор о том, что по решению ЦК ВКП(б) я мобилизовываюсь в Кузнецкий бассейн в качестве старшего инженера угольной шахты по опытной подземной газификации угля.

Придя домой, я объявил жене о скором отъезде в Кузбасс на работу. Моя маленькая семья — Зоя Михайловна и сын Игорь — от такого сообщения сильно огорчились. Жена даже расплакалась. По правде говоря, мне тоже не хотелось уезжать из Москвы.

Инженер-механик Елисей Сеницын с женой Зоей. 1936 год

Через месяц я получил повестку, в которой сообщалось, что должен явиться в управление угольной промышленности за получением билетов на поезд.

Когда я пришел в управление за документами, то вспомнил, что представитель НКВД дал мне свой телефон на случай возможных перемещений по службе. Чтобы избежать всяких неприятностей для себя, решил ему позвонить и поставить в известность о своем отъезде в Кузбасс. К телефону подошел один из тех двоих, кто вел со мной разговор пять месяцев тому назад. Выслушав мой рассказ об отъезде в Сибирь, он повелительным тоном сказал: «Сейчас же откажитесь от поездки, возвращайтесь домой, а завтра получите извещение о зачислении вас слушателем в Центральную школу НКВД».

На следующий день я явился по адресу в Центральную школу (ЦШ), где приемная комиссия без лишних формальностей зачислила меня в слушатели. В школе преподавали старые, опытные работники контрразведки, уцелевшие от массовых репрессий. Правда, позднее,

в 1938 году, все они были расстреляны как враги народа. Целью обучения были основы ведения контрразведки, вербовка агентуры во враждебной социальной среде, методы и способы наружного наблюдения, подслушивание, задержание и арест шпиона.

За первое полугодие было пройдено больше половины программы, и руководство наркомата решило из числа отличников ЦШ создать «школу особого назначения» (ШОН) по подготовке разведчиков для работы в ка-

Нелегкие думы будущего нелегала

капиталистических странах с нелегальных позиций. Из шестисот слушателей Центральной школы отобрали всего 50 человек, в основном с высшим образованием и с начальным знанием иностранного языка.

Школа особого назначения находилась в сорока километрах от Москвы в сосновом бору, окруженном высоким забором с колючей проволокой по верхнему периметру. Обстановка и убранство двухэтажного особняка были выполнены на западноевропейский манер.

Преподавателями специальных дисциплин были опытные разведчики-нелегалы, которые уже отработали свое время в нелегальных условиях в капиталистических странах и возвратились на родину. Ученые из Московского государственного университета читали лекции и вели семинары по дисциплинам: основы марксистской философии, идеалистическая философия Гегеля, Канта, государство и право, экономическая география капиталистических стран, этика и эстетика в буржуазном обществе, иностранный язык (у меня был немецкий), современные танцы. Днями и длинными вечерами нас учили, притирали, шлифовали, нам разъясняли, в нас вколачивали, чтобы довести до нашего сознания и закрепить в нем все, что необходимо для жизни и деятельности нелегала в шкуре интеллигентного, высокообразованного гражданина страны будущего пребывания.

Надо прямо сказать, некоторые из нас испугались трудностей и начали искать предлоги, чтобы избежать судьбы нелегала. Один, например, прикинулся человеком, страдающим лунатизмом, и по ночам, завернувшись в простыню, стал ходить по карнизу здания. Другой слушатель тяжело «заболел» радикулитом и стал требовать, чтобы его срочно отправили в госпиталь. Вслед за этими появились и другие ловкачи. Всех их уволили из НКВД за трусость. Допускаю, что в дальнейшем их судьба сложилась весьма печально.

Из преподавателей по вербовке агентов хочется отметить полковника В.В. и полковника А.Б., которые много сделали, чтобы убедить нас в том, что нелегальная

разведка — это высшая форма разведывательной деятельности.

Свое преподавание В.В. начал с обучения этике и эстетике поведения в обществе, т. е. на приемах, на службе и т. д. «Очень важно, — говорил он, — чтобы каждый из вас свободно, без стеснения чувствовал себя в любой социальной среде и особенно в интеллектуальных кругах общества». Свои беседы в этом направлении полковник подкреплял практическим показом. После одной из таких бесед он организовал имитацию приема в доме западного государственного чиновника. Когда мы вошли в зал приема (нашу столовую), то в глаза бросилась торжественность сервировки. Вдоль середины стола были красиво, гирляндой уложены голубые, белые, желтые цветы, которые гармонировали с желто-голубой скатертью. На столе за каждой тарелкой в ряд по нисходящей стояло пять хрустальных рюмок различной величины и назначения, замыкал эту пятерку хрустальный стакан. С правой стороны тарелки лежало четыре ножа, с левой — четыре вилки разной формы и размеров, перед тарелкой виднелась салфетка. На столе перед каждым прибором лежала карточка небольшого размера с указанием фамилии приглашенного.

Когда мы все собрались в зале, хозяин приема, в данном случае В.В., игравший эту роль, попросил приглашенных рассаживаться, найдя свое место, на плане у входа в зал. Поясняя нам порядок размещения, В.В. предупредил, что процедура размещения за столом приглашенных по рангам и званиям — весьма ответственная. По ходу приема он объяснял нам назначение приборов на столе, при каких обстоятельствах можно курить, и т. д. Одним словом, это было подробнейшее занятие, включающее все мелочи поведения на приеме светского интеллигентного человека.

Заканчивая разбор нашего поведения на имитированном приеме, В.В. подчеркнул, что каждый промах в поведении нашего нелегала может послужить основанием для подозрений — тот ли он, за кого себя выдает? А это уже провал.

Профессор из МГУ большое внимание уделил эстетике как учению о восприятии искусства и его формах.

На высоком профессиональном уровне вели нашу подготовку специалисты-разведчики и ученые из МГУ в течение семи месяцев. Но неожиданно в школу приехал ее начальник и объявил, что все мы раскрыты перед итальянской разведкой. В связи с этим ШОН закрывается, а мы с завтрашнего дня переходим на работу в центральный аппарат разведки.

«Этим предателем, — сказал зав. школой, — является А.Б., который на днях был арестован как шпион и уже дал показания о выдаче врагу поименного списка всех слушателей». Это сообщение нас потрясло. Мы онемело стояли перед начальником школы, пока он не скомандовал: «Разойдись!» Все мы в тот же день разъехались по домам.

На следующий день я явился в отдел кадров Наркомвнудела, где оказалось, что меня три дня тому назад утвердили старшим оперуполномоченным отдела внешнеполитической разведки с присвоением звания капитана государственной безопасности. О своем обещании зачислить меня на работу по исследованию противокоррозийной защиты металла кадровики даже не вспоминали.

Так наступило время оперативной работы в центральном аппарате разведки СССР. Проработав месяца два, мы узнали, что наш преподаватель А.Б. расстрелян, а еще месяц спустя стало известно, что он стал жертвой оговора и клеветы. В тот страшный,

Что нового сегодня?

1938 год, безвинно ушли из жизни многие опытные и талантливые разведчики.

Весна и лето 1939 года были для нашей родины тревожными и напряженными.

В начале июля меня вызвал к себе начальник разведки и сказал, чтобы в конце этого месяца я выехал на работу в Польшу в качестве заместителя резидента варшавской резидентуры. Моим постоянным местом работы будет город Львов, консульство СССР. Оформление прошло быстро, и я с женой и сыном выехал в Варшаву.

В дипломатическом паспорте стоял вместо моей фамилии псевдоним — Елисеев. Почти два десятилетия я проработал под этим именем.

Когда прибыл в Варшаву, меня сразу же пригласил к себе посол¹ СССР в Польше Николай Иванович Шаронов. Он сказал, чтобы я воздержался от поездки во Львов, поскольку здесь мне придется некоторое время заниматься срочными делами.

Дел оказалось действительно много. После того, как гитлеровская Германия захватила всю Чехословакию, коммунисты этой страны, среди них было немало евреев, стали нелегально переходить границу в Польшу. Москва согласилась на прием значительной части политических эмигрантов. Шаронов поручил мне организовать нелегальный прием их в Варшаве и отправку в СССР. Эта работа заняла почти весь август, фактически до нападения гитлеровской Германии на Польшу 1 сентября 1939 года.

Немцы стремительно продвигались к Варшаве. Посол Шаронов предложил военному атташе Павлу Семеновичу Рыбалко и мне посетить с ним министра иностранных дел Бека и договориться по всем вопросам, связанным с эвакуацией.

На встрече с Беком посол напомнил ему, что месяца четыре тому назад советское правительство в интересах совместной обороны от нападения гитлеровской Германии предложило польскому правительству передать Советскому Союзу несколько аэродромов для базирования советской военной авиации.

— Каковы же сейчас намерения польского правительства в связи с вероломным нападением немцев и их быстрым продвижением к Варшаве? — спросил Шаронов у Бека.

На вопрос нашего посла он ничего не ответил. Мы увидели перед собой жалкого, трусливого человека. Куда девались его надменность и высокомерие. Перед нами стоял человек, совсем не похожий на прежнего министра — полковника Бека. Затем Шаронов заявил, что он возмущен немецко-фашистской агрессией против Польши, и пожелал успеха польской армии. На это министр Бек ответил, что польские войска не могут противостоять германскому вермахту и вынуждены отступать по всей линии фронта.

Шаронов посочувствовал такому развитию дел. Он сказал, что целью нашего прихода является просьба оказать помощь посольству транспортом для эвакуации советских граждан в СССР.

— Мы просим также польское правительство открыть на польско-советской границе несколько переходных пунктов, — добавил он.

Бек ответил, что даст распоряжение пограничным войскам беспрепятственно пропускать советских граждан по всей линии границы, где имеются сторожевые посты. Что касается вопроса эвакуации из Варшавы советского посольства, то он думает, что в этом нет нужды. Польская армия и ее союзники не допустят, чтобы немцы заняли Варшаву.

В это время как раз прозвучал сигнал воздушной тревоги. Через минут пять немецкие самолеты начали бомбить восточный район Варшавы. При первых взрывах бомб Бек вскочил с места как ужаленный и громким дребезжащим голосом закричал:

— Мы погибли!..

Шаронов заявил на прощанье, что если обстоятельства сложатся так, что Беку и другим деятелям придется уезжать из Польши, то Советский Союз будет готов принять их. На это Бек ничего не ответил.

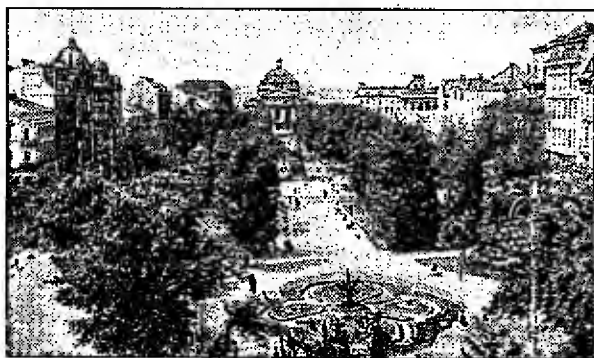
Когда немцы подошли к Варшаве, Бек бежал в Румынию и там вскоре покончил жизнь самоубийством.

В день посещения Бека из Москвы была получена телеграмма, в которой мне предлагалось ежедневно сообщать о внутрисполитическом положении в Польше и особенно в восточных воеводствах.

На следующее утро я выехал во Львов на автомашине, проводя визуальное наблюдение по всей трассе. По дороге много раз останавливался в местах, где на обочинах отдыхали, по виду, крестьяне и горожане.

В результате разговоров с ними удалось составить представление о настроениях и политической атмосфере населения воеводства. Люди, с кем встречался, узнав, что я русский, просили, чтобы русские первыми пришли

Львов.
Место первой
заграничной
командировки
будущего
генерала

и заняли их воеводство, не допустив к ним немцев. Немцы, по их разумению, идут к ним помочь панам еще больше грабить простой народ. Это была основная мысль всех поляков и украинцев, с кем удалось поговорить в пути.

Только поздно вечером приехал во Львов. Город сильно пострадал от немецких бомбардировок. Горели при вокзальные постройки, железнодорожные вагоны и само здание вокзала. Прилетающий к нему квартал жилых домов, где находилось здание консульства, также пострадал. К счастью, консульство уцелело, выбитыми оказались только стекла окон и дверей. Меня с нетерпением ждали, и особенно секретарь консульства, который рассказал, что его захлестнула волна посетителей с просьбами ввести советские войска в Польшу для совместной борьбы против немцев.

На следующее утро к началу приема посетителей около консульства собралась большая группа — более 300 человек, в большинстве украинцы из восточных польских воеводств. Группу представляло пять человек, среди которых была вдова известного писателя Ивана Франко. Они просили приема у консула. Я принял их. Вдова Ивана Франко оказалась небольшого роста, худая, словно высохшая, с морщинистым лицом. Казалось, что природа пощадила только ее глаза, которые были ясными, с острым взглядом. Ей было около 80 лет.

Она заговорила первой, волнуясь и запинаясь.

— Целью нашего прихода к вам является просьба значительной части украинской интеллигенции спасти их от фашистской армии, которая почти без сопротивления продвигается на восток. Если немцы займут Львовское воеводство, то прогрессивные и демократические люди будут истреблены. Мы просим Советский Союз разрешить переход польско-советской границы всем украинцам, кто пожелает этого.

Я сказал, что советские люди знают Ивана Яковлевича Франко как великого украинского писателя, выдающегося ученого и общественного деятеля и мне приятно встретиться с женой и другом такого человека. О ее желании и желании единомышленников перейти в СССР

при приближении ко Львову немцев я немедленно сообщу в Москву, однако не могу сказать, каково будет решение по этому вопросу, но со своей стороны буду просить об этом.

Вдова Ивана Франко не дала мне договорить:

— Если быстрого ответа не последует, можем ли мы перейти границу, когда немцы будут подходить ко Львову?

Я сказал, что у кого чиста совесть перед Советским Союзом, те, конечно, будут приняты и обласканы, а с нечистой совестью сами, наверное, не пойдут. Видимо, мои ответы удовлетворили ее.

Старушка — ей было тяжело подниматься — печально сказала:

— Я получаю от польского правительства крохотную пенсию. Я нищенствую. Все, что у меня было — заложено или продано. Если даже представится возможность бежать от немцев к вам — и на это нет злотых. У меня осталась единственная надежда — просить советское правительство установить мне хотя бы небольшую пенсию.

Я сказал, что напишу письмо в Москву и думаю, что пенсию ей установят. На неотложные расходы в ближайшие месяцы могу выдать единовременно три тысячи злотых и тут же выдал их. Как же она была рада помощи! Посол Шаронов полностью одобрил мои действия и утвердил расход.

Между тем немецкая армия двумя колоннами приближалась к Варшаве, совершая воздушные налеты на крупные города.

Из нашего посольства мне дали знать, что все сотрудники советских учреждений выезжают на польско-советскую границу, и было предложено сделать то же самое консульским работникам. Я решил: жен и детей отправить автомашиной на советский пограничный пункт, а мне, секретарю и шоферу остаться пока во Львове, чтобы посетить районы воеводства и посмотреть, что предпринимают польские власти в этом приграничном крае с СССР, каково настроение различных слоев населения, их отношение к Советскому Союзу.

В течение следующих пяти дней мы исколесили водство вдоль и поперек по главным и проселочным дорогам. Беседа с местными жителями, чаще всего слышали:

— Приходит наш конец. Почему Советский Союз отдает нас немцам?

Один из собеседников, учитель гимназии, сказал, что их правительство бросило свой народ и разбежалось.

После того, как немцы захватили Варшаву и без сопротивления начали наступление на восток, мы 15 сентября 1939 года с секретарем консульства выехали к границе. По дороге продолжали визуальную разведку и опрос населения. К вечеру того же дня пересекли польско-советскую границу в направлении Шепетовки. Не успели перевести дух и оглядеться, как к нам подъехала легковая машина, из которой вышли два командира Красной Армии и попросили предъявить документы. Узнав, что перед ними советский консул, секретарь и шофер консульства во Львове, нас вежливо попросили следовать за ними, поскольку без их помощи мы не проедем. И действительно, левая сторона дороги, ведущей к границе, все съезды с нее в поле и лес были заняты нашими войсками и техникой. Огромное количество автомашин с пехотой и артиллерией вызвало у меня чувство гордости. Я был рад, что наша родина бдительно следит за фашистской Германией и готова дать отпор.

Мы еще не знали, что Сталин и Гитлер заключили пакт о ненападении, а Риббентроп и Молотов подписали известный протокол к нему о разделе Польши и сфер влияния.

Приехали мы в крупный поселок рядом с железнодорожной станцией. Командиры указали нам гостиницу, где мы можем разместиться до отъезда в Киев.

Вскоре они сообщили нам, что командующий группы войск приглашает на ужин. Это было очень кстати. Мы здорово проголодались.

Оказалось, что привезли меня не на ужин, а прямо в большой зал какого-то клуба, где уже находилось много офицеров, а на сцене за столом сидел командующий со своим штабом. На петлицах его гимнастерки виднелось

по четыре ромба. Когда я вошел, он встал и, назвав себя, попросил меня рассказать собравшимся все, что мне известно о нынешнем политическом положении в Польше и особенно в ее восточных районах. Он задал вопросы также о пропускных возможностях железных и шоссейных дорог, об укрепленных районах в восточных областях, о настроении украинцев по отношению к СССР и поляков к фашистской Германии.

Я постарался кратко и точно суммировать свои наблюдения в своем ответе на вопросы, подчеркнул, что правительство польских панов распалось. Министры разбегаются, полковник Бек бежал в Румынию, президент Польши Мостицкий «приглашен» в Швейцарию, гражданином которой, как оказалось, он давно уже является. Не упустил даже встречу с вдовой Ивана Франко. Подробно коснулся железных и шоссейных дорог, мостов, их постоянных бомбежек. Разбита железнодорожная станция во Львове. Шоссейные дороги по всему воеводству узкие, запущенные, полуразвалившиеся, мосты ветхие. Значительных воинских гарнизонов в городах восточных районов мной не замечено. Небольшие группы гражданских лиц из местной обороны с дробовыми ружьями и старыми винтовками попадались у дорожных мостов и общественных зданий. Укрепленных районов не видел. С самого начала войны с немцами не отмечалось движения военных эшелонов на восток, к советской границе.

На заключительный вопрос, как относятся к Советскому Союзу верующие и духовенство, я ответил, что влияние ксендзов на население очень сильное и в подавляющем большинстве своем они фанатичные анти-советчики.

Тут я вспомнил такой случай. В один из дней усиленной бомбежки Львова мы, стоя у входной двери консульства, увидели бегущего по улице к нашему дому ксендза, которому быстро открыли дверь. Он вбежал в дом. Прислушавшись к нашему разговору, ксендз спросил:

— Где я?

Ему ответили:

— В советском консульстве.

Не говоря ни слова, ксендз, задржав свою рясу, выбежал из консульства и как шальной помчался вдоль улицы. Убегая от «дьявола большевизма», он попал прямо к Богу — его убило осколками бомбы.

Рано утром следующего дня мы на консульской автомашине выехали в Киев, а вечером следующего дня отбыли поездом из столицы Украины в Москву.

Так закончилась моя первая командировка за границу, длившаяся два с половиной месяца. Она стала началом долгого, сорокапятилетнего пути моей разведывательной деятельности.

В МОСКВЕ И ХЕЛЬСИНКИ ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА. СТАЛИН НА ПОЛИТБЮРО

По прибытии в Москву я по поручению начальника Иностранного отдела (так называлась тогда внешнеполитическая разведка НКВД²) Павла Михайловича Фитина, моего однокашника по Центральной школе, срочно составил записку о внутривнутриполитическом и военном положении Польши для доклада наркому. Вскоре записка на восьми страницах была готова и передана Берии для Политбюро.

Утром 17 сентября Павел Михайлович пригласил к себе всех работников отделения по Польше и заявил примерно следующее:

— Товарищи, сегодня рано утром Советский Союз ввел свои войска в Западную Белоруссию и Западную Украину. Наша партия не могла не считаться с изменившейся обстановкой в связи с поражением Польши. В соответствии с задачами создания фронта против гитлеровской агрессии, исправления исторической несправедливости в отношении западной части Украины и западной части Белоруссии и были предприняты эти действия. Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Он потребовал от работников отделения повышенной дисциплины, исполнительности и бдительности. В отношении меня сказал, что я назначен в группу, созданную при наркомате по разбору и изучению разведывательных и контрразведывательных документов Генерального штаба Польши.

В то время ни Фитин, ни я не знали, что наши войска посылаются в Польшу для захвата части ее восточных воеводств по договоренности Сталина с Гитлером.

Первые дни работы нашей группы позволили раскрыть польских агентов львовской «пляцувки» (разведотделения), действовавших в Ташкенте, Новосибирске и Киеве. Это было удивительно. Ведь по инструкции эта «пляцувка» должна была заниматься разведкой только в приграничных районах Советского Союза. Они же сумели проникнуть в Сибирь и Среднюю Азию. По приметам агентов, их кличкам и местам работы они вскоре были обнаружены и обезврежены.

Недели две спустя, когда работа группы подходила к концу, меня пригласил к себе Фитин и сказал, что по решению руководства наркомата мне необходимо выехать в долгосрочную командировку в Финляндию не позднее начала ноября в качестве резидента разведки под дипломатическим прикрытием. Моя попытка отказаться от поездки в Финляндию по причине незнания финского языка вызвала у него резкую реакцию:

— Разведчика посылают туда, где, по мнению руководства, он больше всего нужен в настоящий момент, — и добавил, что посланник Советского Союза отозван из Финляндии. — По приезде в страну сразу же станешь поверенным в делах СССР в Финляндии.

В скандинавском отделе наркомата иностранных дел меня встретили с любопытством и предубежденностью. Я вежливо объяснил, что по заданию наркома должен ознакомиться с протоколами переговоров советской и финской делегаций 1938–1939 гг. Эти протоколы имеются в отделе, и я прошу их мне выдать.

Протоколы и особенно приложения к ним в виде справки-обзора взаимоотношений Советского Союза с Фин-

ляндией со дня предоставления ей независимости были настолько важными для меня, что основные положения и выводы я выписал.

Из этих документов, в частности, было видно, что фашистская Германия, расправившись с европейскими странами, может начать войну и против СССР, втянув в нее Финляндию. В апреле 1938 года в наших предложениях Финляндии указывалось, что в случае войны между СССР и Германией немцы попытаются напасть на Ленинград с финской территории через Карельский перешеек. Имея это в виду, следует заранее договориться, на какой основе советские войска смогут действовать на территории Финляндии. Финская сторона, не вдаваясь в обсуждение существования советских предложений, отклонила их, заявив, что не допустит создания германских военных баз на своей территории.

В августе того же, 1938 года, мы предложили финнам сделать одностороннее письменное обязательство о том, что в случае немецкой агрессии против Финляндии она воспротивится ей и запросит помощь у Советского Союза. СССР в этом случае окажет финнам помощь оружием и обеспечит береговое прикрытие своими военно-морскими силами. И на это предложение финское правительство дало отрицательный ответ.

Весной 1939 года мы вновь обратились к финляндскому правительству с предложением сдать СССР в аренду на 30 лет остров Гогланд с четырьмя окружающими его островками для создания там укрепленного района, прикрывающего Ленинград.² Финское правительство отклонило и это предложение.

Между тем обстановка в Европе продолжала накаляться. 1 сентября немцы напали на Польшу, началась вторая мировая война. Советско-финляндские отношения осложнились. И все же советское правительство, учитывая складывающуюся опасную ситуацию в районе Балтики и Финского залива, пригласило в Москву финляндскую правительственную делегацию, чтобы обсудить «конкретные политические вопросы». В Москву прибыли Ю. Паасикиви³ и В. Таннер⁴. Переговоры нача-

лись 11 октября 1939 года. В первые дни в них участвовали И. Сталин и В. Молотов. На предложение советской стороны заключить с Финляндией оборонительный союз, Паасикиви заявил, что у них нет таких полномочий. Тогда Советский Союз предложил решить чисто военные вопросы, такие как перенос границы на Карельском перешейке на запад с таким расчетом, чтобы к Советскому Союзу отошло северное побережье Кронштадского залива. Кроме этого, финской стороне было предложено уступить нам небольшую часть полуострова Ханко или любой остров на крайнем юго-западе Финского залива, чтобы можно было создать военно-морскую базу, которая закрывала бы вход в Финский залив. В обмен на уступку территории на Карельском перешейке Советский Союз предложил финнам вдвое большую территорию советской Карелии. Ни с одним из высказанных советской стороной предложений финляндское правительство не согласилось, и было видно, что оно, как и раньше, враждебно относится к политическому и военному сотрудничеству.

Протоколы переговоров с финской делегацией и обзорная записка заканчивалась концом октября.

Возвратившись к себе в Наркомвнудел, я сразу же попросил встречу у Фитина и высказал ему свои опасения о разрыве переговоров, поскольку финская делегация, особенно Таннер, ведет себя нагло и агрессивно. В этой же связи высказал просьбу выехать в Финляндию без семьи. Ответ получил на следующий день:

— Вам необходимо выехать не позднее 2 ноября вместе с семьей, — сказал начальник. В беседе я не уловил беспокрйства о том, что переговоры могут быть сорваны финнами.

Перед отъездом мне в Наркомвнуделе выдали за деньги пальто, костюм и ботинки ярко оранжевого цвета, других не оказалось. В магазинах обуви вообще не было.

Когда по приезде к месту работы мы встретились с сотрудниками посольства (постпредства) и их семьями, моя жена, придя домой, сказала, что на совещании видела двух моих работников.

— Откуда ты взяла это? — удивился я.

— У них одинаковые, не по сезону ярко-оранжевые ботинки, как у тебя, — был ответ.

Вот тебе и конспирация!

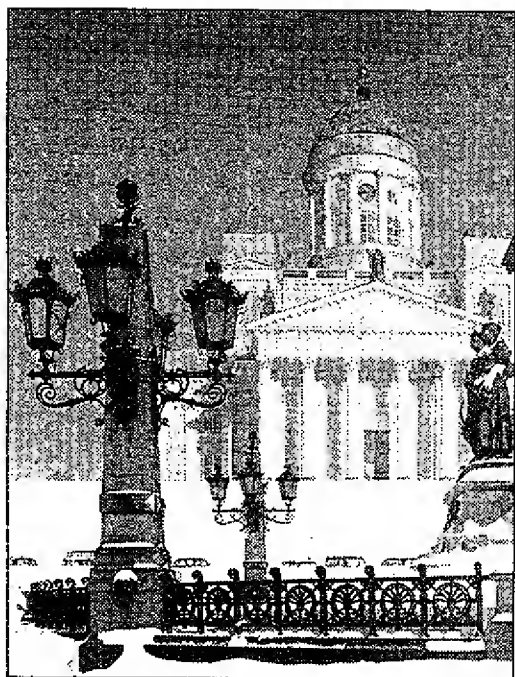
Сразу по приезде в Хельсинки я поехал в МИД для аккредитации в качестве временного поверенного в делах СССР в Финляндии. После этой акции нанес визиты некоторым министрам, политическим и общественным

деятелям страны, дипломатам иностранных посольств. Вечером встретился с работниками резидентуры.

На совещании дипломатических работников Представительства рассказал о неуступчивой позиции финской делегации на переговорах в Москве, попросил участников совещания использовать свои возможности при встречах с финскими гражданами и дипломатами других стран в Хельсинки для выяснения ситуации в стране. Обратил их внимание на использование предстоящего приема в посольстве для этих целей.

Для себя решил — не упустить шанс установить связь с нашими старыми источниками информации — «Графом» и «Анной».

И вот наступил день первого моего приема. Конечно, я волновался. Как бы не осрамиться молодому советскому разведчику. Минут за двадцать до начала приема ко мне подошел завхоз посольства и взволнованно сказал, что

Хельсинки. Лютеранский собор
на Сенатской площади

на прием раньше времени пришел Хелениус, губернатор Ньюландской губернии, куда входят Хельсинки. Он хотел бы поздравить нового поверенного в делах с наступающим праздником Великой Октябрьской революции. При этом завхоз рассказал, что приход Хелениуса раньше начала приема — это его уже известный всем фокус. Ему в таком случае в салоне ставят бутылку русской водки, подают черную икру, севрюгу. К началу приема он один выпивает до дна бутылку водки, закусывает и входит затем в зал уже навеселе.

Гости стали подходить сразу после назначенного времени. Одни из них шли с улыбкой, называли себя и поздравляли с праздником, другие с серьезным видом только бормотали свою фамилию, третьи проходили молчаливо, без приветствий. Стало ясно, что на прием пришли и друзья и недруги.

В самом разгаре приема, когда возле меня никого не было, подошел Граф и сильно пожал руку. Я ответил ему таким же крепким рукопожатием.

После этого я сказал, что мой предшественник шлет ему привет и наилучшие пожелания. Было видно, как Граф обрадовался. Он предложил встретиться на другой день после приема. Я тогда и не подозревал, насколько важной для меня окажется эта встреча.

С губернатором Хелениусом зашел разговор о его хорошем русском языке, что в Финляндии было вообще-то редкостью. Хелениус оживился и стал рассказывать о своей учебе в Петербургском университете, о молодости, которая проходила среди русской интеллигенции и оставила в его памяти глубокие впечатления, о доброте и сердечности русских людей. Я в свою очередь рассказал ему, что в Финляндию прибыл недавно, всего три дня тому назад, пожаловался на опоздание поезда, на котором прибыл в Хельсинки (на целых три часа), сказал, что проводник вагона объяснял нам, будто пропускают на восток полупассажирские и товарные поезда с солдатами.

— Разве объявлена мобилизация? — вежливо спросил я его.

— Нет. На Восток перевозят новобранцев из западных и центральных губерний пока без шума, но скоро объявят и мобилизацию, солдат из южных губерний будут размещать вдоль побережья Финского залива, — сказал Хелениус. Дальше разговора не получилось. Он стал прощаться и нетвердой походкой вышел из зала. Вслед ему я послал завхоза помочь одеться и проводить до двери.

Для меня было не ясно, почему Хелениус рассказал мне о мобилизации в Финляндии и переброске войск на Восток. Во всяком случае, слишком важным было его сообщение, чтобы не заняться его срочной перепроверкой.

Надежды услышать подобные сведения от Графа не оправдались. Как только встретились, моим первым вопросом было: что известно о скрытой мобилизации в стране и с какого времени она проводится?

Он ответил:

— Не знаю.

Однако ему точно известно, что премьер-министр Каяндер и министр иностранных дел Эрко принимают меры к срыву переговоров в Москве. В стране усиливается антисоветская пропаганда, готовится введение карточек на продовольственные и промышленные товары. Спросил его, есть ли возможность проверить факт передвижения войск к восточной границе. Он тут же вспомнил, что его товарищ, проживающий на Карельском перешейке в районном центре, прислал приглашение приехать к нему и сделать доклад в общественном доме поселка. Завтра он пошлет ему телеграмму о согласии, а послезавтра рано выедет, не дожидаясь ответа, чтобы в случае отказа все равно проехать по дороге к нему. В пути он постарается понаблюдать и, конечно, обязательно переговорить с другом. По возвращении он сразу же просигналил о встрече.

Не прошло и пяти дней, как позвонил Граф и попросил о срочном свидании. При встрече он рассказал, что по полученным сведениям финская делегация во главе с Паасикиви в ближайшие дни прекратит переговоры в Москве и возвратится в Хельсинки. Во время своей поездки к другу ему удалось узнать, что скрытая мобили-

зация проводится по всей стране уже с 10 октября. Полным ходом идет размещение войск на Карельском направлении в поселках и деревнях, из которых все население эвакуировано вглубь страны. По возвращении в Хельсинки на вокзале он заметил большое число семей, покидающих город. Выходит, губернатор Хелениус был прав, когда говорил о скрытой мобилизации. Обсудив с Графом его следующее задание, я возвратился в представительство, чтобы подготовить срочное сообщение в НКВД о военных приготовлениях Финляндии.

Послать телеграмму в Москву я, однако, не смог из-за небрежности в моей подготовке по шифровальному делу. Инструктор забыл показать, как перевести цифровой текст шифротелеграммы в буквенный. Попытка выяснить это у шифровальщика представительства не дала результата. Решил лететь в Таллинн, где резидентом работал мой добрый товарищ. Прилетев к другу, рассказал о своей беде. Он вызвал своего шифровальщика, и через пять минут я снова мчался на аэродром, потратив на всю поездку пять часов.

С нетерпением я сел за расшифровку накопившихся телеграмм. В одной из них мне предписывалось срочно выехать в город Турку для проверки данных, имеющих-ся в Центре, о высадке немецких войск в этом порту.

К вечеру того же дня я со своим товарищем на автомашине диппредставительства, но с шофером резидентуры, выехал в Турку. Казалось, что за нами нет наблюдения, но мы ошиблись. Дальнейшие события развивались по поговорке: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». На полпути до Турку на хорошей и ровной дороге я сел за руль бьюика, чтобы поупражняться в вождении этой большой и тяжелой машины. На первом же крутом повороте я резко повернул руль, и мы мгновенно очутились в глубоком кювете — в опрокинутой на бок машине с сильно помятым передним крылом, разбитыми фарами и смятой облицовкой радиатора. Первым впечатлением было, что наступил конец поездки. К счастью, никто не покалечился, только у моего товарища пострадал янтарный мундштук, который он перекусил, когда нас

бросило в кювет. Выбравшись из машины, мы заметили, как на малой скорости мимо нас проехал автомобиль с двумя седоками. Через километра три он развернулся в сторону Хельсинки и остановился. Минут через сорок, когда мы с помощью трактора, арендованного у хозяина близлежащего хутора, начали вытаскивать машину, наблюдатели медленно подъехали к нам, взглянули на разбитый бьюик и проехали мимо, видимо решив, что своим ходом мы далеко не уедем.

Однако, когда мы вытащили автомобиль на дорогу, выправили крыло и включили мотор, оказалось, что машина сможет своим ходом доехать до Турку. В город прибыли вечером. Разыскали автомастерскую и упросили ее владельца к утру привести машину в порядок за цену, которую он сам назовет. Оставив водителя в мастерской, мы ушли выполнять задание.

До поздней ночи прогуливались по городу и порту, но никаких признаков высадки немецких войск не обнаружили. Ночевать остановились в одной из самых лучших гостиниц, а утром следующего дня отправились, как туристы, на осмотр древней крепости. Это наиболее попу-

Город Турку

лярный туристический объект в городе. Проверив, нет ли наблюдения, снова начали исследовать территорию порта, город и его окрестности, но ни войск, ни следов их высадки не обнаружили. Для большей уверенности в том, что немцев нет на западном побережье, решили выехать на север вдоль побережья Ботнического залива. Обследовали два порта — Раума и Пори, но и в этих районах иностранных солдат не обнаружили, хотя увидели выгрузку со шведских кораблей крупнокалиберных орудий.

Разведчики за работой

Пришла пора возвращаться в Хельсинки. Нам осталась последняя часть работы — проверить сведения Графа о скрытой мобилизации в западных и центральных губерниях страны. С этой целью мы из города Пори поехали в Хельсинки через Тампере—Лахти—Хювинкя. На всех железнодорожных станциях мы фиксировали финские войска,двигающиеся на восток в полной боевой готовности. В пути мы неоднократно проверялись, но наблюдения за собой не заметили. Видимо, поломка нашей автомашины сбила финскую «наружку» с толку. В Хельсинки вернулись только вечером следующего дня. Я сразу же послал в Центр срочную телеграмму о том, что удалось увидеть.

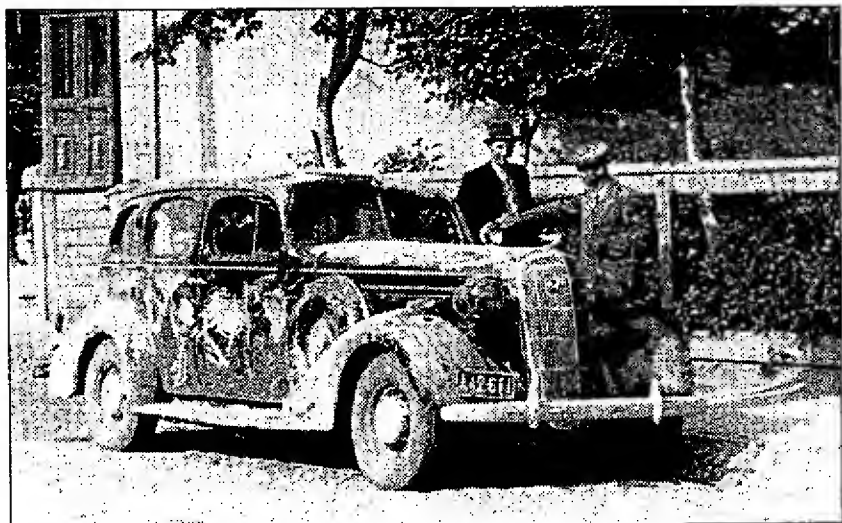
На следующий день в представительство к моему сыну пришла на первый урок немецкого языка преподавательница Герта Куусинен. Перед занятиями она зашла ко мне и рассказала, что в стране полным ходом идет подготовка к войне. Шюцкоровцы⁵ формируют специальные отряды для фронта и тыла, в задачу которых будет входить подавление антивоенных настроений. Происходит мобилизация женщин. По ее словам, рабочие и крестьяне недовольны и выступают против развязывания войны с Советским Союзом.

Поблагодарив за сообщение, я высказал пожелание — иногда перед уроком с сыном уделять мне несколько минут. Она охотно согласилась. О себе рассказала, что в

Герта Куусинен

начале 30-х годов нелегально перешла в Советский Союз. Обучалась в школе по линии Коминтерна. Вышла замуж за финна, у них родился сын. Мужа репрессировали. В 1934 году, оставив сына на воспитание своему отцу Отто Вильгельмовичу Куусинену⁶, нелегально возвратилась в Финляндию, где в течение года находилась на подпольной партийной работе. Из-за предательства была схвачена охранкой и осуждена

В разведке главное — замаскировать технические средства

на 5 лет тюремного заключения. В начале 1939 года, по отбытию срока, выпущена на свободу. В настоящее время работает преподавателем немецкого языка, дает уроки сотрудникам советского диппредставительства.

Дня через четыре после первой встречи Граф просигналил о необходимости встречи. Вечером, как условились, я пошел к нему на квартиру. Он был взволнован. Сказал, что их делегация демонстративно прервала переговоры и вчера (16 ноября) возвратилась в Хельсинки. На вокзале ее встречала большая толпа сторонников войны с Советским Союзом. Обстановка в Хельсинки, по его словам, крайне напряженная. Граф спросил, как ему поступить? Остаться в Финляндии или переехать в Швецию и оттуда вести работу? Я ответил ему, что если он в трудный для страны момент исчезнет, то среди его окружения возникнет недоумение.

— Во всяком случае, — сказал я, — этот вопрос вы должны решить сами.

Подумав немного, Граф твердо сказал: он решил остаться в Хельсинки, и мы можем всегда встретиться с ним, когда в этом будет необходимость. На случай срочно-го вызова с той или другой стороны обусловили сигнал.

Хельсинки жил в предчувствии войны. Начались демонстрации шюцкоровских молодчиков у здания нашего представительства. Полиция усилила охрану советских учреждений. Учитывая нарастание враждебности в стране, я решил на дипломатической автомашине проехать главной дорогой по Карельскому перешейку и своими глазами убедиться, что там происходит.

Рано утром, в воскресенье, 25 ноября, я с переводчиком резидентуры и шофером покинули Хельсинки. В случае задержания нашей легендой была поездка в Куоккала к семье русского художника Репина. Самое большое, что полиция может сделать, если она контролирует движение по дороге, это запретить дальнейшую поездку и предложить вернуться в Хельсинки.

Приехав в Выборг, мы основательно проверили, нет ли за нами наблюдения, и выехали на дорогу, ведущую к границе. Отъехав километров двадцать от города, мы свернули на проселок в сторону залива и были поражены увиденным. В сосновом лесу в шахматном порядке лежали поваленные деревья, торчали высокие пни. Сразу за лесом, вдоль дороги установлены в три ряда огромные базальтовые глыбы, конусом кверху. С правой стороны проселочной дороги, в пятистах метрах от этих глыб мы увидели три мощных бетонных дота, хорошо замаскированных, в шестистах метрах друг от друга. Опасаясь нарваться на охрану, мы возвратились на главную дорогу и переехали на левую сторону вглубь до десяти километров. И там на открытой местности увидели надолбы из огромных базальтовых камней. Стало ясно, что мы попали в одну из укрепленных зон, из которой поспешили выбраться на главную дорогу.

Проехав по ней еще километров двадцать, остановились в безлюдном месте у лесочка слева от дороги, чтобы отдохнуть, перекусить и полюбоваться панорамой ясных полей, уходящих вдаль к горизонту. День был теплый, солнечный, несмотря на конец ноября. Когда мы приготовились пить чай и притихли, из леса услышали отдаленный

шум работающей техники и голоса людей. Сначала мы не обратили внимания на шум, но затем решили узнать, что там происходит. Углубившись в лесок метров на двести, увидели перед собой огромное озеро, уходящее за горизонт. От него по направлению к дороге люди в гражданской одежде рыли широкий и глубокий канал.

Сразу мы не сообразили, для чего это делается, но когда вернулись к дороге и увидели, что она проходит по высокому склону между полем и озером, поняли, что в случае необходимости финны могут затопить все открытое пространство с правой стороны дороги. Такое серьезное военно-инженерное мероприятие финнов мы увидели впервые. Когда мы наблюдали за работой у озера, нас тоже заметили и три человека стали приближаться к нам. Мы быстро вернулись к машине и уехали с этого места, пока они не записали номер нашей автомашины.

Километрах в десяти от места нашего чаепития мы въехали в густой лес, подступающий к дороге с двух сторон. В нем также были повалены деревья, а на обочинах дороги расставлены в три ряда базальтовые глыбы и построены замаскированные доты. За лесом открывалась широкая равнина, на которой справа от дороги, километрах в двух, был виден большой поселок, а слева ровное поле. Вдоль окраины леса, пересекая нашу дорогу, проходила грунтовая дорога, по которой, как нам показалось, должно было идти усиленное движение транспорта. Впереди мы увидели перекресток дорог и остановились для «смены» колеса, которое оказалось «проколотым».

Наблюдая в бинокль за поселком, мы увидели, что он занят какой-то группой войск с большим количеством артиллерии. Гражданского населения в поселке мы не обнаружили. Рядом с поселком проводились учения солдат. Одеты они были в теплые куртки и шапки-ушанки. Но странное дело, каждый из них вместо обычной винтовки со штыком имел в руках не то больших размеров пистолет со стволом длиной примерно 40–50 см, не то пулемет. Ствол покрыт железным ячеистым кожухом, по всей видимости, для охлаждения его. С нижней стороны приклада к стволу вмонтирована круглая коробка, по диаметру и толщине похо-

жая на два вместе сложенные чайные блюдца. Эта коробка могла вмещать до 30–40 патронов. Когда солдаты поднимались и бежали в наступление, они стреляли из своего оружия как бы с рук, без прицеливания. Скорострельность была как из обычного пулемета, но хлопки выстрелов были значительно слабее. Учение солдат разворачивалось по направлению к дороге, метрах в двухстах от нас, и мы могли наблюдать в бинокль новое финское автоматическое оружие. Меня это крайне встревожило, поскольку никто из информаторов не говорил нам о нем.

Между тем дорога становилась все оживленнее. В сторону границы двигались колонны войск. Солдаты моторизованных частей имели увиденное нами новое оружие, за исключением двух-трех, у которых были обычные винтовки с оптическим прицелом.

На окраине леса мы заметили группу войск и решили проехать мимо них, чтобы посмотреть, что там происходит. Присмотревшись, мы обнаружили хорошо укрытые ДОТы, по два с правой и левой стороны дороги.

День клонился к вечеру. Оставаться нам дальше в этом переполненном войсками районе было рискованно.

«Просеивание информации»

В Хельсинки я выслушал доклады работников резидентуры. Общим мнением было — финны готовятся к войне, но только один человек сказал, что вместо винтовок финские солдаты и офицеры вооружены каким-то новым видом стрелкового оружия, но что это многозарядные скорострельные автоматы — не сказал никто.

Я кратко объяснил товарищам, что финны в случае войны выступят с автоматами вместо обычных винтовок.

Во время беседы мне принесли телеграмму из Наркоминдела, в которой значилось: «Срочно выезжайте в Москву для доклада. Молотов».

Полученная телеграмма взволновала меня. Почему вызывает Молотов, а не нарком внудел Берия? Кому и о чем я должен докладывать? Решил выехать в этот же день. О выезде сообщение послал в свой наркомат. На сборы оставалось два часа, и, конечно, времени на подготовку доклада не было. Но в Ленинграде во время ожидания поезда на Москву я имел возможность основательно подготовиться к докладу о военной ситуации в Финляндии.

Москва встретила холодным, пронизывающим ветром. На перроне вокзала меня поджидал работник скандинавского отдела Наркоминдела, сообщивший, что сопроводит меня к Молотову. Прибыв туда, через пять минут я вошел в его кабинет. Предложив мне сесть, нарком продолжал рассматривать географическую карту Скандинавии. Вид у него был усталый и какой-то тусклый, без заинтересованности к моему появлению. Повернувшись ко мне, Молотов сказал:

— Доложите, что вам известно о военной и политической ситуации в Финляндии.

Я начал с изложения содержания ранее посланных в Наркоминдел телеграмм, затем подробно рассказал о положении в стране после разрыва переговоров, о военной подготовке финнов к войне с нами. Но о результатах своей поездки на Карельский перешеек не доложил, видимо интуиция подсказала.

Когда я закончил свое сообщение, Молотов вышел из-за стола, протянул руку и сказал:

— Вы свободны и можете идти к товарищу Берия.

Через десять минут я был уже у Фитина и заметил, что он чем-то взволнован.

— Где ты ходишь и почему сразу не пришел в наркомат? — зло спросил он.

Я начал объяснять, почему это произошло, как вдруг по домофону послышался резкий не голос, а бич:

— Явился ли этот дурак к тебе?

На этот голос Фитин как ужаленный вскочил со стула и ответил:

— Явился.

— Вместе с ним ко мне, — послышалось из домофона.

Когда вошли в кабинет, Берия полулежал на кожаном диване и угрюмо, через пенсне, молча осматривал нас. Перебравшись затем к столу и тяжело усевшись в кресло, неожиданно выкрикнул, глядя на меня:

— Ты знаешь, кто ты? — Через короткую паузу добавил: — Ты большой дурак.

Я молчал.

Видимо, ему показалось, что я слабо реагирую на его замечание, схватил карандаш и еще резче выкрикнул:

— Ты большой ноль с точкой.

При этом на листе бумаги начертил ноль, карандаш от большой силы нажима сломался, и он резко бросил его на стол в мою сторону. Я сразу понял, что виной такой выходки наркома явился мой доклад Молотову, и хотел сказать, почему это получилось. Но Фитин, наступив мне на ногу, просигналил молчать. Я не считал правильным молчаливо выслушивать брань Берии и, улучив минутку, когда он замолк, сказал, что товарищу Молотову мною не были доложены важные сведения, лично полученные позавчера, о положении на Карельском перешейке и о новом оружии в финской армии.

Берия как-то странно, вопросительно посмотрел на меня и резко выкрикнул:

— Рассказывай все, о чем не говорил Молотову.

Прежде всего я рассказал о новой форме одежды, введенной в финской армии, о новом автоматическом оружии вместо обычной винтовки и подробно описал его. Доложил о своих личных наблюдениях в двух укрепленных

районах на «линии Маннергейма» на Карельском перешейке. Внимательно выслушав сказанное мною, Берия удовлетворенным голосом проговорил:

— Запомни, у тебя один нарком!

Мы вышли из кабинета. В свою очередь и Фитин правоучительно сказал:

— Ты, наверно, понял, что гнев Берии был вызван твоим докладом Молотову, а не ему. При всех случаях ты обязан был сначала доложить своему наркому. Не повторяй этой ошибки.

Вскоре в кабинете начальника разведки из домофона раздался голос Берии:

— Пришли ко мне Сеницына.

Когда пришел в приемную, нарком выходил из кабинета уже одетым и буркнул:

— Пойдем, — и стал спускаться к выходу.

У подъезда стояла его автомашина, он молча сел на переднее сиденье, я прыгнул, без приказанья, на заднее. Поехали, как оказалось, в Кремль. Войдя в приемную комнату, Берия, снимая макинтош, вслух стал перечислять, глядя на вешалку:

— Молотов тут, Каганович и Ворошилов тоже здесь.

Раздевшись, он направился к двери, около которой за столом сидел дежурный офицер. Я тоже пошел за ним, но мне быстро перегородил дорогу этот дежурный и вежливо сказал:

— Вам надо подождать, — и указал на другую дверь.

Тут я понял, что нахожусь в приемной Сталина и, возможно, буду принят им.

Ожидание длилось около сорока минут. Много мыслей пронеслось у меня в голове. Почему-то промелькнуло нищенское, голодное детство в деревне, работа на заводе подсобным рабочим, учеба на рабочем факультете и в институте. Все нынешнее куда-то исчезло, и я позабыл, о чем следовало говорить у Сталина. К счастью, такое душевное состояние быстро прошло.

Войдя в кабинет, увидел Сталина стоящим в конце длинного стола, за которым сидели члены Политбюро ЦК ВКП(б).

На одно мгновение я все же растерялся. Когда я сказал генсеку, что моя фамилия Сеницын, он, видимо, заметил мое смущение и, чтобы рассеять его, обратился к Ворошилову:

— Ты помнишь, Клементий Ефремович, как мы в Царичино национализировали пароходы у купца Сеницына? — и, повернувшись ко мне, спросил, чуть улыбнувшись: — Не ваш ли это был родственник?

Я спокойно ответил, что таких родственников у меня не было и нет. Что я сын батрака и в детстве был подпаском. Что родился на Смоленщине.

Сталин предложил мне садиться, но вблизи стула не было. Он тут же вызвал секретаря и попросил принести стул. Когда стул был принесен, я оказался в затруднении, где его поставить, поскольку первым от генсека сидел Молотов. Заметив это, он попросил Молотова подвинуться в сторону сидящих. Стулья всего ряда задвигались, и место мне освободили.

Сталин, продолжая ходить около стола, глуховатым голосом сказал:

— Товарищ Сеницын, расскажите нам о положении в Финляндии и о ваших личных наблюдениях и впечатлениях об этой стране.

Информацию свою я начал о военном положении в Финляндии, считая, что это больше всего может интересовать членов Политбюро.

— По данным надежного источника НКВД, — сказал я, — финское правительство свою армию привело в боевую готовность. В стране закончена мобилизация резервистов. Солдаты и офицеры обмундированы в теплые, ватные куртки, чуть ниже колен, чтобы не застревать в снегу, покрытые тканью цвета хаки. На голове — шапки-ушанки. Завершено обмундирование армии в октябре этого года.

Сталин остановился около Ворошилова, хотел что-то спросить, но промолчал.

— Третьего дня мне удалось проехать на автомашине вдоль Карельского перешейка к советской границе. Примерно в тридцати километрах от Выборга я попал в ук-

репленный район «линии Маннергейма», пересекающей перешеек от Финского залива до Ладожского озера. Глубина этого укрепленного района не менее 20–30 километров. Дороги, ведущие от советской границы к Выборгу, в этом укрепленном районе защищены мощными дотами. Некоторые районы подготовлены к затоплению. В лесу непроходимые завалы из крупных деревьев. На открытой местности, вправо и влево от дороги, в три ряда шахматным порядком расставлены конусообразные надолбы большого веса из базальтового камня.

В этом месте меня прервал Ворошилов и громким голосом сказал:

— Эти надолбы мы раскидаем снарядами тяжелых гаубиц, — и замолк.

Я, видевший их, не мог согласиться с его утверждением и заметил, что каждая надолба весит не менее двух-трех тонн, и гаубицами их трудно разбросать.

Сталин подошел к Ворошилову и спросил:

— А у вас есть такие гаубицы?

Ворошилов ответил утвердительно. Мне показалось, что Сталин не был удовлетворен ответом, и спросил меня:

— С какого расстояния вы видели эти глыбы?

— Я подходил к ним вплотную. Расчистить проход между ними, по-моему, можно только взрывом большой силы.

Своим ответом Сталину я поставил в затруднительное положение Ворошилова, но он промолчал.

Далее я рассказал о защите Карельского перешейка путем затопления равнинной местности водами из больших озер.

Затем я рассказал, что мы обнаружили мощные сооружения типа дотов, расположенных в шахматном порядке, отстоящих от надолбов на 500–600 метров.

В заключение первой части доклада подчеркнул, что по данным наших источников Карельский перешеек перекрыт мощной линией укреплений, называемой «линией Маннергейма». Они значительно мощнее, чем была «линия Мажино» во Франции.

Продолжая информацию, доложил, что финны ввели в армии новое оружие. Вместо обычных винтовок солда-

ты вооружены ручными пулеметами (автоматами). Ствол длиною примерно 40—50 см, покрытый ячеистым металлическим кожухом для отвода тепла, вмонтирован в небольшого размера приклад, снизу которого к стволу подведена круглая патронная коробка диаметром около 15 см и толщиной около 4—5 см. По нашей прикидке в коробку должно входить до 30—40 патронов, напоминающих патроны нагана, но только чуть толще. Носят автомат с ремнем на плече. На Карельском перешейке мы наблюдали обучение роты солдат. Все они имели автоматы, за исключением одного солдата, у которого была обычная винтовка с оптическим прицелом.

Когда мой рассказ подошел к концу, Сталин, слушавший внимательно, обратился к Ворошилову и недовольным голосом спросил:

— Что вам известно о новом оружии в финской армии?

— У нас имеется несколько экземпляров этих автоматов, — нетвердо ответил Ворошилов.

— К концу заседания Политбюро доставьте один автомат для ознакомления всех нас с этим оружием, — строго сказал Сталин.

Я был крайне удивлен, что он, да, наверно, и члены Политбюро, впервые услышали о новом оружии в финской армии.

Продолжая рассказ о положении в стране, подчеркнул, что в нынешнем году в Финляндии был плохой урожай, введены карточки на хлеб и другие продукты питания. Вместо хлеба финн может получать: пиво из расчета один килограмм хлеба — литр пива или 150 грамм кофе в день, хотя с кофе у них весьма плохо. Это сообщение заинтересовало генсека. Обращаясь к Микояну, он спросил:

— Анастас, можем ли мы из нашего запаса кофе помочь финнам?

Анастас Иванович быстро ответил:

— Мы можем поставить им турецкий кофе в зернах.

На это Сталин иронически проговорил:

— Турки не производят кофе на продажу, «турецким» кофе называется только по способу его приготовления.

Замечание Сталина сразило наркома пищевой промышленности СССР. Он сидел бледный, изменившийся в лице, мало похожий на обычно бравого Микояна.

По другому вел себя на заседании Молотов. Он с самого начала совещания раскрыл красную папку с телеграммами и стал их внимательно читать. Примерно в середине моего выступления Сталин прервал меня и, обращаясь к Молотову, сказал:

— Вячеслав Михайлович, Синицын рассказывает важные вещи, а вы читаете диппочту.

Молотов без смущения ответил, что он слушал меня о ситуации в Финляндии сегодня утром. Сказав это, он все же послушался Сталина и закрыл свою папку.

Мои размышления прервал Сталин.

— Возьмите карандаш и запишите несколько фамилий финнов, которым надо срочно выехать в Швецию, — сказал он и стал называть имена.

Все названные финны мне были известны, и я сказал, что хорошо их помню. Генсек не спеша положил листок в папку, встал, прошелся вдоль стола и, рассуждая как бы сам с собой, задумчиво спросил:

— Почему человечество изобрело бумагу и карандаш?

Все молчали. Тогда он, прохаживаясь, мягким голосом сказал примерно следующее:

— Наш мозг способен к бесконечному познанию мира и все новых явлений и процессов. Однако мозг человека не обладает способностью бесконечно удерживать в памяти познанное. Со временем оно стирается, забывается. Правда, память под влиянием каких-то импульсов иногда возвращает давно позабытые факты, явления, но также не надолго. Для того, чтобы сохранить и передать грядущим поколениям все познанное и открытое, человек изобрел бумагу и карандаш.

Было видно, что философское рассуждение генсека о языке, слове и памяти человека относилось не только ко мне, но и к сидящим членам Политбюро. Видимо, мой ответ послужил ему поводом, чтобы убедительно внушить сидящим, для чего нужны бумага и карандаш. Что касается меня, то я долго не раздумывал. Быстро взял со сто-

ла несколько листов чистой бумаги и карандаш. Бумага оказалась толстой, твердой, и я заколебался. Генсек, заметив это, спросил:

— Чем вам не нравится бумага?

— В случае задержания или обыска ее трудно разжевать и проглотить.

И жестом показал, как бы вытащил бумажку из верхнего наружного кармана пиджака и положил в рот. Это вызвало улыбку генсека. Обращаясь к Ворошилову, он ностальгически сказал:

— Ты помнишь, Клемент, ведь это прием большевиков, и он действовал безотказно.

Ворошилов в знак согласия качнул головой. Мне принесли тонкую бумагу и химический карандаш, которыми я и записал продиктованные мне фамилии.

Укладывая свой листок в папку, генсек обратился к Жданову с просьбой назвать в Ленинграде несколько адресов, куда финские коммунисты из Швеции могли бы направлять письма. Жданов оказался в затруднительном положении, покраснел, быстро встал и хотел связаться с Ленинградом по телефону, чтобы получить адреса. Однако генсек удержал его и заметил, что если бы мы чаще ходили по городу, то могли бы лучше знать улицы и дома.

— Кстати, не можете ли дать адрес дома, где мы останавливались, когда приезжали в Ленинград к покойному Кирову? — спросил он.

Жданов и этого адреса не мог назвать. Он стоял в большом смущении. Я рискнул вмешаться, сказав, что завтра проездом буду в Ленинграде и получу подходящие адреса у начальника НКВД Ленинграда. Вопрос об адресах был снят.

После этого Сталин пригласил на заседание Политбюро Отто Вильгельмовича Куусинена, представил нас друг другу. Я поднялся, уступив свое место Куусинену, и вышел. Вслед за мной вышел Берия и сказал, чтобы я был у него в 22 часа, и распорядился отвезти меня в наркомат на его машине.

С тяжелым сердцем выехал я из Кремля. Мне стало ясно, что война стоит уже у порогов нашего и финского

домов. Много крови прольется с той и другой стороны. Поведение членов Политбюро меня удивило. Микоян, Жданов, Каганович, да и Ворошилов вели себя как плохие ученики перед строгим учителем, а вернее, как манекены.

Ровно в 22 часа я зашел в кабинет Берии, где уже были Отто Куусинен и председатель Госбанка СССР Н.А.Булганин. Увидев меня, Берия, обращаясь к Булганину, сказал:

— Это тот человек, которому надо выдать деньги.

Булганин, раскрывая большой брезентовый мешок, спросил меня:

— Сколько вам?

За меня ответил нарком:

— Дайте ему миллионов десять, у него будут большие расходы, связанные с переправкой финнов в Швецию.

Когда Булганин начал отсчитывать пачки по одному миллиону финских марок, которые были довольно объемными, я смог разместить по карманам только 6 пачек, т. е. 6 миллионов. Берия подошел ко мне и доброжелательным голосом, как будто утреннего злого разговора и не было, сказал:

— Ты верно поступил, что три недели в Хельсинки не просидел дураком, а сделал полезное дело, — и запихнул во внутренний карман моего пальто еще один миллион.

Целый мешок денег получил Куусинен. Он спросил меня, через кого я намерен передать полученные деньги. Я ответил, скорее для Берии, чем для него, что самым подходящим для этого дела человеком является Герта Куусинен, с нынешнего года — она член ЦК КПФ.

— Полагаю, — сказал я, — что Герта Оттовна оперативнее других передаст деньги в секретариат партии и организует переправу в Швецию названных коммунистов.

О.Куусинен одобрил это предложение и добавил, что Герта может знать и других коммунистов, кроме тех, которых он рекомендовал. Вопрос — кого переправлять, пусть она решит в ЦК КПФ. Прощаясь, Куусинен пригласил меня в свой вагон, в котором он уезжал в 24 часа в Ленинград.

Когда он и Булганин ушли, Берия жестом показал мне на стул, а сам пересел на диван и спросил:

— Все ли ты усвоил, о чем шла речь на Политбюро и что тебе говорил товарищ Сталин?

— Все понял, товарищ нарком. Если финны навяжут нам войну, будем защищаться. Но не могу ли я узнать, каким временем буду располагать для выполнения задания? — в свою очередь спросил я.

Берия подумал, прикинул на пальцах и сказал:

— Если ты приедешь в Хельсинки послезавтра, то у тебя будет еще три дня.

Когда вышел от Берии, в приемной меня ожидал Фитин. На его машине со спецсигналами мы еле успели к поезду.

В вагоне, прицепленном к поезду «Красная стрела», уже был Куусинен и несколько мужчин. Поезд отошел ровно в 24 часа. В спецвагоне приятно пахло вкусной едой, и только здесь я почувствовал, как голоден. Со времени отъезда из Ленинграда до нынешнего часа мне так и не удалось хотя бы немного перекусить. Полагая, что Куусинен и его кампания уже поужинали, я занял свободное купе и сразу же уснул.

Около часа ночи меня разбудил сильный стук в дверь. Сотрудник охраны сообщил, что меня приглашают на ужин.

Когда я вошел в салон, Куусинен подошел ко мне и сказал:

— Хочу представить вам министров правительства Финляндии, сформированного мною в Москве из числа финских граждан и финских эмигрантов, проживающих в Советском Союзе. На днях в Москве будет объявлено о признании моего правительства Советским Союзом и через 2–3 дня последует сообщение о подписании с правительством Демократической Республики Финляндии, т.е. с моим правительством, договора о сотрудничестве и взаимопомощи.

Я поздравил Отто Вильгельмовича Куусинена с назначением его премьер-министром и его министров, которых было человек восемь. Все они были примерно од-

ного возраста — около 50 лет, физически крепкие. Говорили они, соблюдая такт, но не страдали излишней скромностью.

Куусинен оказался остроумным человеком. Много шутил и рассказывал забавные истории про финнов, попадавших в затруднительные ситуации.

— Отто Вильгельмович, послушав вас, Калевала можно и не читать, — заметил я, чтобы вызвать его на продолжение беседы.

— Калевала — это суть и судьба финского народа. Яснее и правдивее еще никто не сказал о Суоми, — ответил он.

Во время ужина будущие министры задавали мне много вопросов о современной Финляндии, об основных социальных группах страны, о подготовке финского населения к войне с нами.

К концу ужина я почувствовал доброе расположение к себе со стороны Куусинена. Когда мы остались вдвоем, я подробно рассказал ему о своем сообщении на Политбюро ЦК ВКП(б) и осторожно спросил:

— Какая была необходимость создавать правительство, когда на Карельском перешейке к настоящему времени не осталось гражданского населения. Ведь уже к середине ноября все жители были эвакуированы в центральные районы страны?

Отто Куусинен

Куусинен не торопился с ответом, размышлял и, отпив немного вина, сказал:

— В начале сентября 1939 года, когда немецкая армия фактически без сопротивления заняла Варшаву, Сталин, пригласив меня к себе, где уже был нарком обороны Ворошилов, сказал, что в Европе сложилась кризисная военная ситуация, угрожающая безопасности Советского Союза, а наши северо-западные грани-

цы слабо защищены от нападения потенциального агрессора. В случае, если Финляндия добровольно не согласится на обмен территориями, нам придется применить военную силу. Проведение такой операции Сталин поручил Ворошилову и мне.

Такое сообщение взволновало меня, и я спросил:

— Неужели, чтобы отвоевать небольшой кусочек финской территории, надо было создавать правительство Демократической Республики Финляндии? Это, как мне кажется, сильно напугает народ Финляндии, и он, опасаясь «советизации», будет всеми силами сражаться против нас. Кроме того, к такому же выводу могут прийти Германия, Англия, Франция. Тогда не избежать их военного вмешательства на стороне Финляндии против Советского Союза...

Куусинен вопросительно взглянул на меня, помедлил с ответом... и довольно четко сказал, что такой ход событий принимался во внимание при обсуждении этого вопроса у Сталина. Он тогда пояснил, что при подписании в конце августа 1939 года Молотовым и Риббентропом советско-германского договора о ненападении они тогда же договорились, что Германия не будет вмешиваться в наши отношения с прибалтийскими государствами и Финляндией. Что касается Англии и Франции, то Сталин, повернувшись к Ворошилову, приказал ему военные действия провести быстро, в две-три недели, пока Запад еще не успеет опомниться от случившегося.

После такого откровенного ответа собеседника я осмелел и, чтобы понять цели правительства Куусинена, спросил:

— Если наши войска смогут так быстро отвоевать Карельский перешеек с городом Выборгом, то что будет делать ваше правительство? Останется без работы?

— Сейчас мне трудно ответить, — сказал Куусинен. — Этот вопрос будет решаться советским правительством с учетом политической ситуации как в самой Финляндии, так и вокруг нее. Мне известно, однако, что Сталин хотел бы видеть Финляндию развивающейся по сценарию для прибалтийских государств.

Из ответов Куусинена мне стало ясно, какая судьба ожидает Финляндию, если она не уступит Карельский перешеек. В свою очередь я высказал ему свое мнение:

— Закончить войну в течение трех недель невозможно. Чтобы прорвать «линию Маннергейма», потребуется много времени и жертв с той и другой стороны. Думаю, что наше военное командование допускает большую ошибку, рассчитывая быстро закончить войну. «Линия Маннергейма» — мощнейшее оборонительное сооружение по последнему слову техники, преодолеть которое будет весьма трудно. Вам раньше было известно об этой крепостной линии? — спросил я Куусинена.

— Наши военные мне об этом не говорили, по всей видимости, они сами этого не знают.

— Отто Вильгельмович, имея некоторую причастность к борьбе за добрососедские отношения между нашими странами, меня тревожит мысль — все ли было предпринято для того, чтобы избежать войны, которая завтра обернется большими людскими потерями с той и другой стороны? — спросил я его.

— Начиная с 1937 года фашистская Германия стала усиленно обхаживать Финляндию, конечно, имея в виду привлечение ее к участию в войне против СССР. Так, в 1937 году в Финляндию прибыл большой отряд немецких военных кораблей. В 1938 году в Финляндии побывала многочисленная военная делегация во главе с адмиралом Бастианом, а летом 1939 года на Карельском перешейке и в Рованиemi находился начальник немецкого Генерального штаба генерал Гальдер, наверное, не для прогулки по тундре, — говорил Куусинен. — Добавьте к этому активность Франции и Англии в вопросах срыва переговоров между Москвой и Хельсинки. Финская сторона отказалась продолжать переговоры и тем самым вызвала войну, которая начнется завтра, — с сожалением сказал Куусинен. — Конечно, — добавил он, — войной дружеских и добрососедских отношений не построишь. Но перед лицом большой войны, которая уже стоит у порога нашего дома, Финляндию надо сделать настоящим другом и добрососедом СССР.

Продолжая беседу, он, отхлебывая крепкий кофе, пояснил мне, что достигнуть такой ситуации можно будет, когда нынешнее реакционное диктаторское правительство Финляндии будет вынуждено уйти в отставку, а на место его придет правительство демократических сил, готовое пойти на тесное сближение с Советским Союзом, как это произошло в Прибалтийских странах.

— Существенную помощь, — сказал он, — во всех этих мероприятиях окажет Указ Верховного Совета Союза Советских Социалистических республик о преобразовании Карельской Советской Социалистической республики в Карело-Финскую Советскую Социалистическую республику, который будет опубликован спустя полмесяца после подписания с финнами мирного договора.

Под конец беседы я спросил Куусинена, желает ли он сообщить что-либо Герте Оттовне, с которой я завтра увижусь. Подумав немного, он ответил, что в первые дни войны по радио будет передаваться обращение его правительства к народу Финляндии, чтобы он начал борьбу за прекращение войны и за мир с Советским Союзом. Пусть Герта слушает радио, и она поймет, как им действовать.

Так закончилась наша беседа с О. Куусиненом.

Ночь кончилась, поезд подходил к Ленинграду. Чтобы не вызывать любопытство у встречающих, я сошел у начала перрона, взял такси и поехал в гостиницу «Астория».

С боем удалось получить место. Мне отвели трехкомнатный люкс. Заперев все двери на замок, свои миллионы положил под подушку и мгновенно уснул. Сказались две бессонные ночи.

На Финляндский вокзал приехал за час до отхода поезда. В вагоне, в который я сел, оказалось только два шведа. Такая ситуация для меня оказалась наихудшей. Запросто могут ограбить и удушить. Паспортные формальности на нашей границе были быстро закончены, и поезд медленно передвинулся на финскую сторону. Там тоже проверка документов прошла без задержки. Дипломатический паспорт сыграл свою роль. Поезд двинулся к Хельсинки. Мне предстояло провести ночь без сна, охраняя свои миллионы и документы.

В первой половине следующего дня поезд, с вынужденными остановками в пути, все же прибыл в Хельсинки. На вокзале меня встречали наши работники, предупрежденные Москвой о моем прибытии.

Во второй половине дня, как мы условились еще до моего отъезда, пришла Герта Куусинен, и мы сразу приступили к делу, обсудив с ней все поручения Москвы и ее отца. Я сказал, что для организации переправы, проживания финских товарищей в Швеции и на содержание их семей, остающихся в стране, Москвой выделено 7 миллионов финских марок, которые я должен передать ей не позднее сегодняшнего вечера. Она растерялась от такой большой суммы денег, которые должна унести.

— Я не могу вынести из представительства такую кучу денег. В случае задержания меня хотя бы с малой частью их охранка получит предлог для преследования и арестов наиболее активных членов КПФ, — взволнованно сказала она.

После долгого обсуждения пришли к следующему решению: сегодня поздно вечером она с надежным коммунистом, выделенным ЦК КПФ, должна получить шесть миллионов триста тысяч финских марок в городе, в обусловленном месте. В случае, если они не смогут принять эти деньги вечером, то утром следующего дня в восемь часов на прежнем месте. Семьсот тысяч она получит сейчас в представительстве, и как только стемнеет, я вывезу ее на дипломатической машине в город и, если не будет «наружки», подвезу ее к дому члена ЦК КПФ, которому она передаст деньги на хранение до того, как они потребуются.

Как только стемнело, около 17 часов, мы с женой, прикрыв на заднем сиденье вместительной машины быик Герту, выехали со двора представительства в город. Тщательно проверившись и убедившись в отсутствии наблюдения, высадили ее недалеко от дома одного члена ЦК, которому она должна была передать деньги. Через час работник, посланный к месту условного сигнала, вернулся в представительство с сообщением о положительном завершении ее встречи.

Когда стало известно об удачном начале проведения мероприятий Москвы, я с хорошим настроением начал совещание с разведчиками резидентуры о предстоящих задачах в ситуации войны.

Не прошло и двадцати минут беседы, как раздался сигнал воздушной тревоги. Со стороны порта, который находился в 300 метрах от нашего представительства, послышалась стрельба зениток и вслед за этим началась бомбардировка порта нашей авиацией. Две мощные бомбы разорвались рядом с представительством. Здание пошатнулось, оконные стекла оказались выбитыми, погасло электричество. Осколками стекла легко поранило двух наших товарищей. Один из них так испугался, что мгновенно залез в высокий железный шкаф, откуда его вызволяли уговорами. Пришлось всем срочно спускаться в подвал.

Когда закончилась бомбежка, приступили к уничтожению всей документации, оставили только шифровальный код на случай передачи в Москву телеграмм. При попытке растопить печь оказалось, что у нее слабая тяга. Комната наполнилась дымом, мы задыхались. Попробовали дать кислород из баллончика, предназначенный для ускорения сжигания, но он бездействовал, отказал редуктор. Только часа через два, благодаря разным ухищрениям, нам удалось сжечь документы.

Таким образом, в Хельсинки вечером 30 ноября 1939 года мы почувствовали начало войны между Финляндией и Советским Союзом.

Война! Сколько горя, слез, разлук, смертей принесет она финнам и русским. Несколько авиационных бомб этого первого налета попали в университет. Из окна представительства было видно, как он сильно горел, слышались крики и стоны раненых людей. Это были только первые жертвы.

Ровно в 23 часа на автомашине с дипломатическим знаком «СД» вместе со своим товарищем выехали в город, имея при себе пакет с деньгами, опечатанный печатями дипломатической почты. Расчет был на то, что даже при задержании поверенного в делах СССР в Финляндии для

проверки документов полиция не посмеет вскрыть дипломатический пакет. В городе несколько раз тщательно проверялись, но «наружки» не было замечено. К месту встречи подъехали за пять минут, и, оставив пакет в машине недалеко от пункта встречи, я пошел убедиться, на месте ли Герта. Прождал пятнадцать минут. Шофер в это время имитировал поломку машины. Герта на встречу не пришла.

Вернувшись домой около полуночи, я увидел, что здание представительства было уже оцеплено большим нарядом полиции и взводом солдат. Стоящие у входной двери полицейские, узнав меня, пропустили в представительство, взяв «под козырек». Видимо, сработали старые рефлексы.

В представительстве спали только дети. Взрослые упаковывали домашние вещи, готовились к эвакуации. Трудной и для меня оказалась эта ночь. Надо было принимать решение: идти ли на запасную встречу с Гертой в такой сложной оперативной обстановке. Нет ли другого способа связаться с ней и выяснить причину невыхода вечером? В прошлом она каждый раз звонила по телефону к нам на квартиру, когда не могла прийти на урок. Могла ведь и в этот раз позвонить, если ей не помешали сделать это. Сколько я ни перебирал вариантов контакта с Гертой, альтернатив встрече не было. Стало очевидным, что только личная встреча может внести полную ясность в это дело. С раннего утра стал готовиться к ней. Поскольку эта встреча была назначена в 8 часов утра на рыбном рынке города, выехал туда с тем же товарищем и нашими женами, прихватившими с собой корзины для рыбы. К счастью, выход в город из представительства не был закрыт. Пакет остался в машине, стоящей у самого рынка, я же с женой и ее подругой смешались с толпой. Герты на месте не оказалось. Приближаясь и отдаляясь, но ни на минуту не теряя наблюдения, я Герту так и не встретил. Корзины наших жен уже доверху были заполнены рыбой, прошло двадцать минут после обусловленных 8 часов, она так и не пришла.

Невыходом ее на встречу срывалось выполнение самого важного поручения Москвы. С тяжелым чувством горечи вернулся в представительство. Меня все время не покидала мысль о том, как же так могло случиться, что война началась, по крайней мере, на два дня раньше расчетов Берии. Ведь он говорил мне о двух днях, которые я мог использовать по приезде в Хельсинки. Видимо, какие-то неординарные обстоятельства заставили Москву выступить раньше.

Мне стало ясно, что финны, которые должны перейти в Швецию, а оттуда в СССР, чтобы стать министрами правительства Отто Куусинена, в Москву не попадут.

Написал срочную шифровку в Москву о срыве мероприятия по выводу людей в Швецию, но когда понесли ее на телеграф, там отказались принять ее, заявив, что от врагов почту не принимают. Между тем в тот же день с телеграфа принесли шифровку из Москвы. Заместитель Наркоминдела предложил оставить в здании представительства двух работников хозяйственной группы на 10-15 дней для охраны имущества. Остальным советским гражданам выехать в Советский Союз. Из этой телеграммы было видно, что Наркоминдел рассчитывает вести войну не более 15 дней. Подумалось, что это не первый случай конфуза России — мол, шапками закидаем. Можно было сразу предвидеть и участь двух советских граждан, отдаваемых на заклятие финской охранке. Однако просить Москву об отмене этого указания было невозможно, так как связь с Центром была прервана...

Во второй половине того же дня в представительство прибыл начальник протокольного отдела МИД — Хаккарайнен и советник шведского посольства в Хельсинки, передавший мне документ, в котором указывалось: «Всем советским гражданам запрещается всякий выход из здания представительства. Продукты питания впредь будут доставляться три раза в день к входным дверям помещения. По просьбе советского правительства интересы советской стороны будет представлять советник шведского посольства в Хельсинки. Связь с финскими гражданами может осуществляться только через него.

Выход в город для решения служебных вопросов разрешается Поверенному в делах СССР, но только в сопровождении работников полиции в интересах его безопасности».

— Прошу принять к сведению, что свои выезды в город я буду совершать на советской автомашине с дипломатическим знаком и с переводчиком финского языка. Это предусмотрено международной конвенцией в отношении воюющих сторон, — заявил я в ответ.

Так закончилась последняя официальная встреча советского и финского дипломатов.

В последующие дни приходилось неоднократно выезжать в немецкое посольство в Хельсинки для переговоров об эвакуации советских граждан немецким пароходом. В переговорах немцы ставили условие, чтобы в день эвакуации советская авиация не бомбила Хельсинки и морской порт. Без такой гарантии они отказывались предоставить свой пароход для этих целей. Пришлось через шведское посольство послать телеграмму открытым текстом в Наркоминдел с изложением условий эвакуации немецким пароходом «Донау». Через день было получено согласие Москвы не подвергать бомбардировкам Хельсинки и его порт, что же касается корабля в пути от Хельсинки до Таллина, то сообщалось, что он не будет атакован с 8 часов утра до 24 часов дня эвакуации.

Сотрудники советского диппредставительства, торгпредства и наши граждане, находившиеся к этому времени в Финляндии по служебным делам, уже были готовы к отъезду. В назначенный день с утра стали выносить свои вещи во двор посольства для отправки на пароход. Вдруг в ворота раздался сильный стук, и когда спросили, кто стучит, был краткий ответ — полиция. Полицейские требовали открыть ворота, иначе они взломают их силой. Им ответили, что территория посольства пользуется дипломатическим иммунитетом и поэтому мы требуем, чтобы при входе полиции во двор присутствовал шведский представитель, поскольку шведское правительство согласилось защищать интересы граждан Советского Союза. Без этого условия ворота открыты не будут.

Через минут двадцать прибыл шведский представитель, и мы заявили ему протест на действия полиции. Когда шведский представитель изложил наш протест начальнику полиции, тот заявил, что они имеют серьезное основание войти во двор советского посольства, и... потребовал открыть ворота. Несмотря на наш протест, полиция в присутствии шведа взломала ворота и ворвалась во двор. Их было пять человек. Как только они подошли к чемоданам, сложенным для отправки, один из полицейских на чисто русском языке, указывая на мои два ящики, спросил, чьи это ящики и что в них находится. Я ответил:

— Это мои личные вещи. Они пользуются иммунитетом неприкосновенности. Если финская сторона в лице полицейских позволит себе вскрыть ящики поверенного в делах СССР и тем самым нарушит дипломатический иммунитет, то я тут же пошлю телеграмму, через вас, господин шведский представитель, в Москву о факте досмотра дипломатического багажа и попрошу, чтобы наши власти на основе взаимности сделали то же самое с финскими дипломатическими работниками.

Швед качнул головой в знак согласия и сказал полиции, что их действия незаконны и он готов принять мою телеграмму о случившемся для отправки в Москву. Я продолжал протестовать против произвола полиции, заявляя, что это грубое нарушение всех норм обращения с дипломатическими представителями. Тогда полицейский, говорящий по-русски, обращаясь ко мне и шведу, заявил, что в ящиках находится оружие, и он должен их вскрыть, поскольку на это имеется согласие МИД Финляндии.

Было ясно, что полиция вскроет ящики, и я еще раз заявил протест. Ожесточившийся полицейский взломал крышку ящика и увидел, что там полно книг. Он отпрянул от ящика. Затем, быстро придя в себя, стал выбрасывать книги и домашние вещи, ища оружие. Остальные полицейские и шведский представитель были сильно обескуражены. Не найдя оружия в первом ящике, полицейский взломал и второй, в котором оказалось то же самое. В замешательстве старший полицейский предложил сыщикам и шведу покинуть двор представительства, но я

пригласил шведского представителя пройти в помещение для вручения ему телеграммы в Наркоминдел о вероломном налете финских полицейских, санкционированном МИД Финляндии. Было заметно, какими понурыми полицейские выходили за ворота. Багаж сотрудников советских учреждений был погружен на судно без досмотра, в присутствии шведского представителя, представителей от немецкого посольства в Хельсинки и советского представительства.

Когда мы прибыли к пароходу и началась посадка, ко мне подошел помощник советского военного атташе и сказал, что в рулоне, который он держит в руках, находятся секретные карты территории Финляндии, составленные Генштабом финской армии, и эти карты очень нужны нашим наступающим войскам, но он опасается, что полицейские, проверяющие документы у трапа парохода, могут потребовать досмотра этого рулона. Поскольку у него нет дипломатического паспорта, в таком случае он будет арестован. Опасаясь этого, он попросил меня взять сверток, поскольку вряд ли полицейские будут еще раз проверять поверенного в делах Советского Союза. Конечно, мне пришлось отчитать его за безответственность в переправке секретных карт таким способом. Это навлекало большую опасность на всех нас. Было ясно, что если этот рулон, хотя он и был оформлен как собственность представительства, останется у помощника военного атташе, не имеющего дипломатического паспорта, нам угрожает провал.

Незаметно, в гуще столпившихся советских граждан, я взял рулон с картами и подошел к шведскому представителю, который вместе с полицейским начальником разговаривал с немецким послом. Поздоровавшись с ними, стал рассказывать о случае взлома ящиков с моим имуществом во дворе посольства. Когда я увидел, что немецкий посол, заинтересованный этим фактом, стал расспрашивать полицейского начальника, почему они учинили такое беззаконие, возник ожидавшийся мной психологический момент, когда полицейский был весь поглощен ответами послу. В это время я вступил на трап

и спокойно поднялся на пароход. Отдав пакет жене, снова спустился вниз, чтобы в случае необходимости воспрепятствовать личному досмотру советских граждан. Но этого не потребовалось. Видимо, утренний промах с поиском оружия и наш протест шведскому представителю по этому поводу заставили финскую сторону прекратить нарушение дипломатического иммунитета. Так закончилось затянувшееся почти на целый день наше переселение на немецкий пароход.

Казалось, все трудности и опасности позади. Наши люди кое-как разместились: женщины с детьми в каютах, мужчины на палубе и в коридорах. На пароходе оказалось много немецких граждан, которые заняли все лучшие места, воспользовавшись тем, что пароход был немецким.

Не успели мы отплыть от финских берегов километров тридцать, как ко мне подошел капитан парохода и взволнованно заявил, что по правую сторону метрах в четырехстах он увидел перископ подводной лодки и опасается, как бы она не торпедировала его корабль. При этом пригласил меня подняться на капитанский мостик и самому убедиться в этом. Действительно, справа от корабля по нашему курсу был виден перископ всплывающей подводной лодки. Это еще больше напугало капитана, и он спросил:

— Знает ли советское правительство наименование корабля и день отплытия его из Хельсинки с советскими дипломатами на борту?

— Знает, — ответил я и добавил, что со стороны Советского Союза никакие военные меры против парохода применяться не будут до 24 часов этого дня. Нельзя, однако, поручиться, что финская сторона или ее покровители из других стран в провокационных целях не потопят корабль с советскими дипломатами и, конечно, вместе с вами, нашими союзниками, на борту, чтобы ярче разжечь пожар начавшейся войны.

Капитан испуганно спросил:

— Какая это страна?

— Вам лучше знать, господин капитан, какая это может быть страна, — уходя, заметил я ему.

На этом пути мы пережили еще несколько приключений. Наш пароход, не дойдя до таллиннского порта километров десять-пятнадцать, остановился, и капитан никак не мог объяснить причину стоянки. Наступила темная холодная ночь с порывистым ледяным ветром. Каждый из нас надел уже все теплые вещи, которые оказались в чемоданах. Утро следующего дня встретило нас на том же месте, где были вечером. Мы были голодны и простужены. Продукты питания кончились, финны дали их на пять часов. На наши требования к капитану объяснить, в чем причина стоянки, он, разводя руками, сказал, что на его запросы таллиннский порт не отвечает, а ссылается на военные власти. Надежда на скорый приход в Таллинн иссякла. Пришлось пригласить капитана судна и потребовать от него организации питания для советских граждан. Его спросили, почему немецкие граждане, разместившиеся на пароходе в Хельсинки, получают обед с кухни парохода, в то время как советским гражданам отказывают, ссылаясь на отсутствие запасов продуктов. По этому поводу мы ему резко заявили, что по всем международным законам и правилам вежливости дети и женщины в первую очередь обеспечиваются питанием, и кто этого не делает, роняет честь страны, которую представляет.

— О вашем отношении к советским гражданам на пароходе мы будем вынуждены сообщить немецкому послу в Таллинне, — сказал я и направился к выходу из каюты. Было видно, что последние слова подействовали на него. Он просил не создавать конфликта и тут же распорядился обслуживать наших людей так же, как немецких.

Капитан свое обещание выполнил, но повар в каждую тарелку наливал только две ложки супа, повторяя, что делает это по распоряжению капитана. После улаживания вопроса о питании потребовали от капитана объяснить, почему до сих пор корабль не прибыл в таллиннский порт.

— Потому, что он закрыт по распоряжению властей Эстонии. И еще неизвестно, будет ли разрешен заход в него, — сказал капитан.

Только на следующие сутки поздно ночью мы прибыли в таллиннский порт и сразу попали в горячие объ-

тия советских дипломатов в Таллинне, встречавших нас. Тут же на территории порта у трапа советское посольство организовало кофе, чай, бутерброды, догадавшись, что придут голодные и измученные люди. Советский посол пригласил нас к себе и рассказал о положении на фронтах советско-финской войны. Особо подчеркнул о сильном налете на Хельсинки на следующие сутки после нашего отплытия. Порту нанесены большие разрушения, и он не в состоянии принимать как гражданские, так и военные корабли.

Утром следующего дня, отдохнувшие и обогретые, мы поездом выехали на родину.

По приезде в Москву я сразу позвонил на работу и доложил об эвакуации и возвращении всех советских граждан на родину, кроме двоих, которых по указанию Наркоминдела оставили в здании представительства для охраны имущества.

Первым вопросом ко мне, когда я явился к начальнику разведки Фитину, было: удалось ли Герте Куусинен переправить в Швецию финских коммунистов? Пришлось подробно рассказывать, что происходило в день моего возвращения в Хельсинки. Причина неявки Герты неизвестна, но, по всей видимости, она вечером того же дня была арестована. Рассказывая об этом Фитину, счел необходимым спросить его о причине переноса даты начала войны на три дня раньше, чем это было запланировано.

— Откуда ты это знаешь? — спросил он.

— В день своего отъезда из Москвы я поинтересовался у Берии, сколькими днями располагаю для выполнения задания Центра, на что он ответил — тремя днями. Тогда я и узнал.

Оказалось, что и Фитин не знал причину переноса сроков начала войны. При мне он позвонил наркому и доложил о благополучной эвакуации всех советских граждан из Финляндии, затем сообщил Берии, что задание Сталина не удалось выполнить из-за начала войны и бомбардировки города Хельсинки в день моего возвращения туда. Нарком предложил написать записку в Политбю-

ро с изложением всех вопросов, решение которых поручалось Наркомвнуделу.

В тот же день записка была написана, подписана наркомом и отправлена в инстанцию.

Так завершилась первая поездка в Финляндию продолжительностью 27 дней. Руководство разведки предоставило мне пятидневный отпуск, чтобы я пришел в себя от бессонных ночей и напряженных дней.

Когда я возвратился из отпуска, руководство Наркомвнудела утвердило меня резидентом вновь создаваемой резидентуры в Финляндии, моим заместителем был назначен В.Я., с которым в трехнедельный срок мы составили план предстоящей (в дни войны) работы.

Любопытно, что финансовое управление Наркомата мои миллионы не приняло. В Госбанке также ответили отказом, поскольку получателем таковых НКВД у них не значится. Так замкнулся круг с деньгами. На мою просьбу принять эти деньги на приходную ведомость ИНО Фитин неохотно согласился, опасаясь, как бы чего не вышло...

СНОВА В ХЕЛЬСИНКИ ПОСЛЕ «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ»

На первом этапе войны наши войска целый месяц сражались, только чтобы подойти к главной линии обороны — «линии Маннергейма». Надо было преодолеть полосу обеспечения, насыщенную развитой системой многополосных заграждений. Вся она была перегорожена колючей проволокой, перекопана рвами, прикрыта надолбами и оборонялась войсками, размещенными в долговременных огневых точках (дотах) или в дерево-земляных дзотах. В промежутках таких заграждений были расставлены противопехотные, противотанковые фугасы большой взрывной силы. Отступая, финны расставляли мины, замаскированные под чемоданы, патефоны, велосипеды, бумажники, часы, радиоприемники. Стоило слегка сдвинуть предмет с места, как раздавался взрыв. Лестницы и пороги домов, колодцы, пни, корни деревьев, лесные просеки и опушки, обычные дороги были усеяны минами. Наша армия несла большие потери. Миноискателями она, оказывается, тогда не располагала.

Только в начале декабря наши войска подошли к мощным укреплениям «линии Маннергейма» и попытались с ходу прорвать ее, но не смогли сделать это. Позднее сами доты так и не были разрушены.

Более мощной артиллерии для разрушения их в 7-й армии не было.

Во второй раз после артподготовки наши войска двинулись на штурм «линии Маннергейма». Однако безуспешно. Отсутствие опыта и мощной артиллерии по разрушению такого рода укреплений к успеху не привели. Ни с чем подобным Красная Армия раньше не сталкивалась. Доты молчали, а когда наши танки устремлялись вперед, они открывали огонь и подбивали их.

Не было специальных штурмовых групп для борьбы с дотами и дзотами.

Только когда подтянули артиллерию большой мощности резерва Главного командования армии, доты стали разрушать.

Прорыв «линии Маннергейма» стоил нам многих десятков тысяч убитых солдат и офицеров.

Для дальнейшего наступления в сторону Выборга не хватало солдат и техники. Началась срочная переброска дивизий из других округов, и ко времени второго этапа наступления — 11 февраля 1940 года — армия была увеличена почти в четыре раза.

Несмотря на большое превосходство в войсках и технике, продвижение войск задерживалось новыми полосами укрепленных районов и упорным сопротивлением финской армии.

Перед Выборгом оказался очередной укрепленный район двухполосного типа, рассчитанный на круговую оборону.

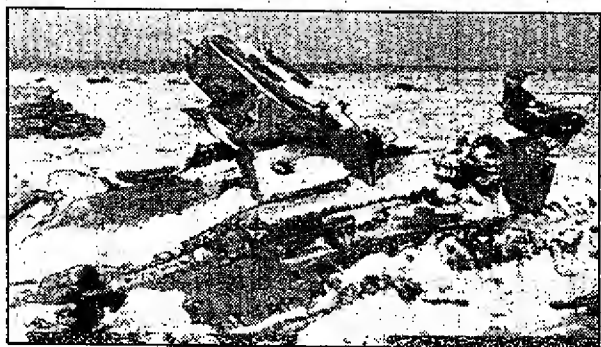
После месяца боев Выборг был взят, 12 марта был подписан мирный договор. По официальным данным, наши потери в «зимней войне» составили: 289 тысяч убитых, раненых и обмороженных. Финляндия потеряла 66 тысяч человек убитыми и ранеными.

Огромные жертвы! Международный престиж Советского Союза, как миролюбивой державы, сильно пострадал, к тому же всему миру стало ясно, что Красная Армия не готова вести современную войну.

И это в немалой степени подтолкнуло гитлеровскую Германию к войне против нас.

Трагические
итоги «зимней
войны»

Неделю спустя после начала войны из советской прессы стало известно, что в освобожденном финском городе Териоки левыми силами Финляндии было сформировано правительство Демократической Финляндской республики во главе с видным деятелем Коминтерна — О.Куусиненом.

Далее сообщалось, что правительство Демократической Финляндской республики объявило о заключении «Договора о взаимной помощи и дружбе с СССР». Правительству Куусинена советским командованием был передан корпус в составе двух дивизий, которые формировались из советских граждан финской и карельской национальностей.

Лига наций потребовала от СССР прекращения агрессии против Финляндии, а когда Советский Союз ответил,

что это обращение не по адресу, так как с Финляндией конфликтует финское правительство Куусинена, то Лига наций исключила СССР, как агрессора, из числа своих членов.

Скандинавские страны (Швеция, Норвегия, Дания) с первых дней войны полускрытно оказывали материальную и продовольственную помощь Финляндии, включая и оружие, особенно артиллерию.

В начале января 1940 года после прорыва Красной Армией «линии Маннергейма» в Москву из Европы поступила секретная информация, что между Францией и Англией начались переговоры о совместном вооруженном вмешательстве на стороне Финляндии.

В другой информации, полученной нашей разведкой из Лондона в 20-х числах января 1940 года, сообщалось, что Объединенное командование вооруженных сил Англии и Франции решило начать это нападение до весенней распутицы силами одного экспедиционного корпуса в 100 тысяч человек в качестве первого эшелона.

Вскоре из нашей резидентуры в Швеции была получена секретная информация, указывающая, что английское правительство начало переговоры со шведским правительством о пропуске англо-французских военных формирований, замаскированных под «добровольческие» отряды, через шведскую территорию, но Швеция пока не дает на это своего согласия.

Факт подготовки Англией и Францией своих вооруженных сил и посылки их в Финляндию для совместной войны против Советского Союза недвусмысленно подтвердил шведский министр иностранных дел Сандлер, который в середине февраля посетил советского посла Александру Михайловну Коллонтай и конфиденциально сообщил ей, что затягивание Советским Союзом военных действий и продвижение его войск по территории Финляндии ускорит вступление этих стран в войну на стороне Финляндии. Разумеется, такое сообщение министра Сандлера Коллонтай передала Сталину. Более того, премьер-министр Ханссон, в свою очередь, дважды встречался с нашим послом, предупреждая, что фран-

цузы и англичане требуют от Швеции пропуска через ее территорию военных бригад в Финляндию.

Сталин обратился к финнам в конце января 1940 года с предложением начать переговоры о мире, но Финляндия продолжала войну до тех пор, пока мощным штурмом города Выборга наши войска не открыли себе дорогу на Хельсинки. Финны согласились на подписание мира. Почему так поздно? Они ждали помощи от Англии и Франции... Помешала Швеция, сопротивляясь пропуску через свою территорию англо-французских войск. Со всей очевидностью можно было сказать, что король Густав-Адольф II и премьер-министр Ханссон оказались прозорливее Карла XII. Свои настойчивые предложения Советскому Союзу побыстрее закончить войну с финнами они делали, опасаясь быть втянутыми в большую войну с Советским Союзом.

При подписании мирного договора Советский Союз по настоянию Финляндии отказался от дальнейшего сотрудничества с правительством Куусинена.

Так, подписанием мирного договора 12 марта 1940 года Советский Союз избежал большой войны с англо-франко-финской коалицией. Это имело поистине историческое значение!

Если сопоставить размер территорий, полученных Советским Союзом по мирному договору, с тем, что он предлагал на переговорах в Москве перед войной, то окажется, что финны в этой войне понесли большие территориальные потери. Достаточно сказать, что СССР получил от финнов часть территории, по которой проходит единственная в стране водная магистраль — знаменитый Сайменский канал по сплаву древесных и других товаров из центральных районов. Стоит его перекрыть хотя бы на несколько дней, как сразу нарушается хозяйственная деятельность на большей части территории страны.

Чтобы закончить с «зимней войной», надо сказать, что она принесла много жертв и страданий также и финскому народу, оставив в сознании надежду вернуть свои потерянные территории...

— Два дня спустя после подписания мира меня неожиданно пригласили в наркоминдел к В.М.Молотову. Взглянув на меня, нарком сказал:

— Я вас помню, мы с вами встречались дважды накануне войны с финнами. Так вот, сегодня же получите в кадрах дипломатический паспорт советника представительства СССР в Финляндии и завтра, в крайнем случае послезавтра, выезжайте в Хельсинки. В день приезда постарайтесь посетить МИД Финляндии и аккредитоваться как временный поверенный в делах СССР. Надо постараться сорвать усилия Англии и Франции перечеркнуть заключенный мир с помощью своих крупных войсковых формирований под видом «добровольцев». Мы не намерены советизировать финнов. В наше беспокойное время надо сделать Финляндию дружественной нам страной, выветривая из нее дух недоверия, враждебности и ненависти к нам.

Когда Молотов закончил свои поручения, я заметил, что на Финляндию очень сильное влияние оказывает Германия.

В ответ на это он сказал:

— В настоящее время интриги против нас в Финляндии ведут в первую очередь Франция, Англия и США.

«Жаль, — подумал я, — что Германию он не причислил к нашим противникам. Хорошо, что в плане нашей резидентуры она определена как первый наш противник».

Вернувшись к себе, доложил Фитину о результатах встречи в Наркоминделе. Тот позвонил Берии, и мы поспешили к нему.

Спокойно выслушав меня, нарком сказал, что он договорился с Молотовым об участии резидентуры в выполнении указаний Наркоминдела разведчиками, но требует с одинаковым упорством проводить работу в соответствии с планом, который он утвердил для резидентуры. Он тут же спросил, знаком ли я с этим планом?

Я ответил, что принимал непосредственное участие в его составлении.

— Какое имеете мнение в отношении состава резидентуры, выезжающей с вами в Хельсинки?

Ответил, что по первому впечатлению все работники политически подготовлены, но малоопытны. Только один из них, Ш.У., имеет опыт закордонной работы. Остальные новички. Общим недостатком является слабое знание иностранных языков. Только Л.Е. свободно говорит на финском языке, и другой — К.С. — удовлетворительно знает английский язык. На это нарком строго заметил:

— Всем приступить к изучению языка. Если через год не выучите, буду наказывать.

Когда вернулись от Берии, я сказал Фитину, что посылаемые в резидентуру разведчики являются очень молодыми.

— Ты же знаешь, — ответил Фитин, — что, пока мы учились в Центральной школе, в большинстве резидентур — с 37-го по 39-й год, да и в центральном аппарате разведки больше половины опытных и квалифицированных разведчиков были репрессированы. Расстреливали под разными предлогами: по подозрению в связи с врагами народа, по доносу, по провокации... В центральном аппарате несколько оперативных подразделений не имеют начальников. Мы рассчитывали, что поскольку ты окончил школу нелегалов, где вас весьма основательно обучали, то должен по ходу работы обучать молодых сотрудников их профессии разведчика. Перед Берией вы будете отчитываться за изучение финского языка, а у меня будете отчитываться за обучение разведчиков разведывательной практике и успехах в их агентурной работе.

Я ответил ему, встав по стойке «смирно»:

— Все усвоил.

После такой короткой инструкции мы дружески обнялись, пожелав друг другу успехов, и я пошел домой готовиться к отъезду в Хельсинки.

На следующий день я вылетел через Стокгольм в Хельсинки. В тот же день позвонил в протокольный отдел финского МИДа. К телефону подошел шеф отдела — Хаккарайнен. Он как и прежде, до войны, сердечно поприветствовал меня и свел с генеральным секретарем МИДа.

Генеральный секретарь МИДа (приравненный по положению к заместителю министра) принял меня сдержанно и настороженно. Было видно, что в МИДе еще не очнулись от кошмара войны. Окна здания были замаскированы черной бумагой, а окна первого этажа закрыты мешками с песком. Я повел беседу по деловым вопросам и дружески заметил, указывая на заклеенные черные окна, что, наверное, уже пора сменить черный цвет глазниц войны на мирный солнечный свет. Генсек МИДа заговорил теплее и мягче, как бы извиняясь, что еще не успели почувствовать мир и привести в порядок здания и улицы. Дальнейший разговор принял непринужденный характер. Он рассказал, что война вызвала большую разруху и принесла много человеческих жертв, но, к великой радости, из членов его семьи никто не пострадал. В заключение беседы я заметил, что было бы желательно через прессу сообщить о начале работы советского представительства в Финляндии. Свое обещание он выполнил.

От МИДа до гостиницы «Торни» решил пройти пешком. Город мне показался мертвым, грязным и запущенным. Были видны разрушения и обгорелые остовы зданий. Редкие пешеходы торопливо протискивались среди мешков с песком у каждого подъезда и проходов в подвалы.

Первая неделя в Хельсинки прошла в хлопотах по организации ремонта здания советского представительства, которое пострадало от взрывов авиабомб, падавших недалеко от него.

На другой день после аккредитации в МИДе я позвонил шефу протокола и попросил его ускорить передачу нам двух сотрудников представительства, оставленных для охраны имущества после отъезда на родину всего аппарата посольства. Хаккарайнен ответил, что он в курсе этого вопроса и примет меры по ускорению передачи их нам как военнопленных, а не как вражеских шпионов, чего добывается полицейское управление.

Слово свое он сдержал. Рано утром следующего дня, когда город еще спал, двое полицейских доставили ко мне

наших граждан, как бывших военнопленных. На мою просьбу об оставлении их на некоторое время в представительстве для работы по хозяйству шеф протокола сразу дал согласие на срок, который мне потребуется.

Рассказывая об условиях своего пребывания в концлагере, они сообщили, что в одном из бараков концлагеря, отгороженного от остальных зданий колючей проволокой, видели Гертту Куусинен и несколько финнов, которые бывали на праздничных приемах в представительстве.

За две недели финские рабочие отремонтировали здание представительства. Работали они добросовестно и хорошо провели ремонт.

В конце марта 1940 года в Хельсинки прибыл посланник Зотов и основной состав сотрудников советских учреждений. В их числе и работники резидентуры. Вскоре посланник Зотов со своими советниками поехал вручать верительную грамоту президенту Финляндии — Каллио⁷. Это был глубокий немощный старик. После краткой беседы наедине с посланником президент вышел к нам. Он был мрачен и невежлив. Насупившись, заметил, что новый дипломатический состав посольства весьма молод. На это Зотов ответил, что дипломатический состав намерен работать по развитию дружественных отношений между нашими странами со всей силой молодости. Президент промолчал.

Встречи разведчиков в марте среди журналистов, в деловом мире, в правительственных и партийных кругах показали, что значительная часть финнов остается враждебно настроенной к нашей стране. Это обстоятельство заставило нас собрать совещание работников резидентуры, на котором подробным образом обсудили политическую ситуацию в стране и предложения по организации работы в таких условиях. Мы закрепили за каждым из нас объекты проникновения, чтобы не путаться под ногами друг у друга. Моему заместителю Ш.У., экономисту по образованию, определили министерство промышленности и внешней торговли, ведущие концерны страны, Ж.Т. — всю прессу и местных журналистов; К.С. — как корреспонденту и знающему английский язык — по-

ручили разрабатывать иностранных журналистов, аккредитованных в стране, и местных корреспондентов буржуазных финских газет. Н.Ф., как консулу дипломатического представительства, — разрабатывать консульский отдел МИД и дипломатов капиталистических посольств в Хельсинки. Разведку и сотрудников МИД Финляндии поручили Л.Е., как отлично знающему финский язык. Среди финнов его принимали за соотечественника. На себя я взял правительство, парламент, социал-демократическую партию, коалиционную и Аграрный союз. В таком порядке мы приступили к поискам и установлению контактов с подходящими для нас лицами.

— В наших условиях, — сказал я, — когда в резидентуре только один человек владеет финским языком, а остальные только иностранными языками, и то слабо, ситуация складывается трудной. Нам надо избежать установившейся практики, когда впервые прибывающие работники со слабым знанием языка страны хватаются за первого человека, с которым сталкиваются по работе, начинают его разрабатывать, и... потом выясняется, что тот не располагает никакими возможностями.

Учитывая такую тенденцию, пришлось всех предупредить, чтобы к подбору объектов для разработки относились со всей ответственностью, и, естественно, предварительно каждую такую кандидатуру требовалось обсудить с резидентом.

— Наши беседы, — сказал я, — должны носить дружеский, доброжелательный характер, где бы ука-

Елисей Елисеев (Синицын). 1940 г.

зывалось, что Советский Союз не хотел войны с Финляндией. За уступку части Карельского перешейка отдавал территории в два раза больше в Центральной Карелии. На войну с нами их толкнули лидеры шюцкора и правящая элита, давно мечтавшая отторгнуть у нас северные районы до Урала и т. д. Такой беседой мы будем вызывать у собеседника желание высказать его личную точку зрения на войну, а это даст нам возможность с первого контакта с ним определить план наших действий.

На этом же совещании мы подготовили письмо в адрес Берии, где высказали наши предложения, которые способствовали бы, на наш взгляд, изменению в лучшую сторону отношения Финляндии к Советскому Союзу. Мы просили ускорить обмен военнопленными, поскольку в Финляндии распространяются слухи, что их пленных русские будут судить и отправлять в Сибирь. Раненых и больных желательно отправлять в сопровождении медицинской сестры, что произведет большое впечатление на общественное мнение в стране. Отправку финнов с территории, отошедшей по договору к СССР, проводить корректно и без потерь их имущества, так как враждебные нам лица распространяют на этот счет зловерные слухи. Желательно также опубликовать в местных газетах одну-две статьи отъезжающих на родину финнов, в которых выражалась бы благодарность за хороший порядок при их репатриации. По линии торговых отношений просили согласия на переговоры нашего торгпреда с крупнейшей кораблестроительной фирмой «Вяртсиля» о строительстве для СССР крупнотоннажных судов и ремонте старых, что будет способствовать сокращению безработицы. И, наконец, просили ускорить вывод советских войск с территории, которая по договору осталась за Финляндией.

Ответ Наркомвнудела пришел быстро. Сообщалось, что наши предложения приняты и на места даны соответствующие указания.

Месяца через два мы почувствовали наступающую оттепель. Стали оживляться связи. При встречах финны стали улыбаться, исчезли «бычьи» взгляды.

Свои визиты к довоенным источникам начал с Анны. Она оказалась очень общительной и энергичной женщиной, которая всегда была в курсе политического климата в стране. Имея прямую причастность к журналистике, она представляла интерес как источник получения своевременной информации из «горячих» точек. Встретился с Анной на ее квартире. Встреча была сердечной. Сказала, что читала в газетах о моем приезде и с нетерпением ждала встречи. В тон ответил ей, что и сам с первого дня приезда хотел поскорее навестить ее, но опасался, как бы не вызвать внимание недремлющего ока охраны. На минуту она задумалась и сказала, что, действительно, в первые недели войны ей на глаза у дома попадались какие-то типы. Может быть, это и были переодетые полицейские, но потом как-то они исчезли. На этой первой встрече с ней решил воздержаться от расспросов о положении в стране. Но не тут-то было. Сказав, что хочет показать мне квартиру, ввела в другую комнату и сказала, что беседовать здесь нам будет спокойнее, без телефонных звонков, которые ее часто беспокоят. С ходу начала по-женски ругать премьер-министра Рюти⁸, министра иностранных дел Холсти и лидера социал-демократической партии Таннера, которые, по ее словам, являются основными виновниками войны с Советским Союзом и срыва переговоров о ее прекращении. На мою просьбу рассказать подробнее об этом факте она начала так:

— К концу декабря 1939 года со всех фронтов стали поступать сведения, что русские войска севернее Ладожского озера разбили финские части и быстро продвигаются на запад. На Карельском перешейке уже начали штурм главной «линии Маннергейма», которая вскоре будет прорвана. При такой ситуации дальнейшее кровопролитие бессмысленно, надо просить перемирия у русских.

Такого мнения придерживались и ее друзья: известный писатель Паво Паволайнен, Эльви Синерва, руководительница женского движения в стране Марьям Рюдберг и другие. Сообща они решили обратиться к премьер-министру Рюти с предложением послать известную писательницу Хелу Вуолиоки⁹ к советскому послу А. Кол-

лонтай в Стокгольме и провести мирный зондаж. Рюти одобрил это предложение, и в начале января Хела Вуолиоки выехала в Стокгольм. Советский посол Александра Михайловна Коллонтай тепло и сердечно приняла ее. Высказала добрые чувства к народу Финляндии и согласилась оказать помощь и содействие заключению мира между Финляндией и Советским Союзом. Окрыленная обещанием Коллонтай в содействии, она вернулась домой и о своих переговорах в Стокгольме рассказала Рюти. Однако, в отличие от первого разговора с ней, премьер-министр в беседе был сдержан, холодно поблагодарил и закончил беседу. Через месяц Анна узнала, что Таннер в начале февраля посетил Стокгольм, где вел переговоры со шведами о посылке в Финляндию нескольких десятков тысяч солдат, но вопрос о мире он ни с кем не обсуждал. Так Рюти и Таннер сорвали первую попытку заключения мира.

Причиной этого, по словам Анны, был большой нажим Англии и Франции на Финляндию, чтобы она не заключала мирный договор с СССР.

— Только когда в начале марта 1940 года финская армия была разбита и путь на Хельсинки был открыт, законченные антисоветчики запросили мира, который и был подписан 12 марта 1940 года, — подчеркнула Анна. Характеризуя Таннера, она сказала: — Этот человек — несчастье для наших демократов. Он лишен логического и объективного мышления, иначе пришел бы к идее неизбежности и необходимости развития дружеских отношений между нашими странами. По характеру он злобен и мстителен. Таннер — это несчастье для нашего народа.

Я спросил Анну, есть ли в социал-демократической и буржуазных партиях русофилы, способные начать работу по сближению наших народов. Она ответила, что, к сожалению, таких единицы.

Вскоре после вручения верительных грамот, в начале апреля, мне позвонил по автомату Граф и, соблюдая условность, попросил встречи. Когда встретились, он рассказал о попытках реакционных сил объявить в стране неделю траура по случаю подписания мирного договора

между нашими странами и развернуть антисоветскую пропаганду. Попросил его написать справку о политической ситуации в стране.

Вскоре в представительство пришла Герта Куусинен вновь наниматься преподавательницей финского и немецкого языков для сотрудников представительства и их детей. На вопрос о самочувствии рассказала о чрезвычайно тяжелых условиях в концлагере, в котором содержались коммунисты.

Герта рассказала, что когда 30 ноября 1939 года я высадил ее из автомашины на одной из улиц Хельсинки, она, убедившись в отсутствии «наружки», посетила квартиру одного из членов ЦК тов. Ф., который, к счастью, был дома. Опасаясь, что может быть арестована, проинструктировала его, передала деньги и рассказала, как с ними поступить. Когда возвратилась домой, ее ночью арестовали. Вскоре ее направили без суда в концлагерь. Там она встретила почти всех членов ЦК КПФ, которые были арестованы в ту же ночь, что и она.

Так печально закончилось поручение Сталина в отношении выезда в Швецию некоторых финнов для пополнения демократического правительства Финляндии, сформированного Куусиненом.

В начале апреля из Наркоминдела последовало указание провести дипломатический прием в представительстве по случаю окончания войны.

С удовольствием хочется отметить о приходе на прием почти всех приглашенных, он оказался многолюдным. Для установления контакта мы использовали давно установившийся дипломатический обычай, активно используемый всеми разведками мира, суть которого состоит в том, что посланник и весь дипломатический состав в знак признательности за посещение должны подойти к гостям и поприветствовать их, поговорить с ними хотя бы 2-3 минуты. Я, например, после нескольких бесед с «громоотводами» подошел к Монаху и поблагодарил его за по-

сещение по такому важному случаю, как подписание соглашения о мире. Он, представившись, ответил, что весьма рад этому событию, и добавил:

— Я считал возможной акцию обмена Карельского перешейка на советскую территорию в Карелии, но наши заумные политики не пошли на это и толкнули нас на войну с вами. Конечно, в этом свою роль сыграли Англия и Франция, обещая своих «добровольцев» и золотые горы на Урале, а вам, такой мощной державе, было не к лицу торопиться с войной. К тому времени у нас в народе стало нарастать движение за обмен территориями, и, не поторопись вы с войной, мы уступили бы вам Карельский перешеек.

По правде говоря, я не ожидал такого высказывания собеседника. Фактически он отругал и нас и финнов. Ответил, что не могу согласиться с некоторыми его утверждениями, в частности, о причинах войны, и готов возразить, но, к сожалению, сделать это здесь, на приеме, трудно. Если он не возражает, то мы могли бы встретиться где-нибудь в городе за чашкой кофе. Подумав, Монах согласился и предложил поспорить в одном из скромных ресторанов Хельсинки, где нам никто не помешает.

Ристо Рюти

Готовясь к встрече, я собрал некоторые сведения о нем, но они не позволили составить полного представления.

В описываемый период он считался видным политиком и общественным деятелем. В его речах не отмечалось антисоветских заявлений. В узком кругу единомышленников он высказывал недовольство политикой Рюти, Рангеля, Таннера, Маннергейма¹⁰, но открытых выступлений и заявлений по этому поводу не делал.

Там же на приеме я не приминул поговорить с финном, названным мною потом псевдонимом Моисей, одиноко стоявшим у окна и погруженным в свои думы. Подойдя к нему, поздравил с окончанием войны и заключением договора о мире. В ответ он также поздравил меня и стал говорить о больших жертвах, разрушениях и тяжелой нужде.

— Мы не хотели войны, — ответил я.

Моя реплика осталась без ответа, видимо, он в чем-то не был согласен с этим тезисом.

В дальнейшей беседе Моисей был корректен и доброжелателен, что позволило мне предложить ему встречу. Подумав немного, он согласился, но, как мне показалось, без энтузиазма.

В последующие дни после приема разведчики начали планомерную работу с финнами, представляющими оперативный интерес. Свою первую встречу я провел с Ахти, с которым в недавнем прошлом познакомился при весьма благоприятных для меня обстоятельствах.

Мой интерес к этому человеку появился из-за того, что, говоря мне о своей аполитичности, он между тем показал, что лучше разбирается в политической ситуации в стране, чем многие нынешние политики. Ахти, как я убедился, свой анализ общественного и социального развития страны строил на научной основе.

Когда встретились, я начал свою беседу с краткого обзора всех этапов переговоров Советского Союза о переносе границы на Карельском перешейке, эту тему я коротко затрагивал и на первой встрече с ним.

Собеседник сосредоточенно слушал меня. Когда я закончил, Ахти продолжал молча сидеть. Это меня начало смущать. Однако, внимательно вглядываясь в лицо Ахти, я интуитивно почувствовал, что можно продолжать изложение советской точки зрения на причины, вызвавшие войну между нашими странами.

— Хочу заметить, — сказал я далее, — что на протяжении всех переговоров финская сторона не внесла ни одного предложения, которое показало бы стремление разрешить возникший конфликт мирным путем. Как мне стало извест-

но, у советской стороны возникло тогда сильное подозрение, что Финляндия не могла так бездумно вести переговоры, не заручившись поддержкой некоторых европейских стран в случае военного конфликта с Советским Союзом. Верны ли наши предположения? — спросил я его.

И Ахти заговорил. Он сказал, что «зимняя война» явилась результатом длительной антирусской, а затем и антисоветской деятельности реакционных сил страны.

— Определенным силам удалось вызвать у финского народа недоверие и неприязнь к Советскому Союзу, что и позволило им втянуть в войну с вами народ без риска внутренних социальных конфликтов. Думаю также, что и ваши руководители поторопились с войной.

— По моим наблюдениям, — сказал я, — в Финляндии имеются значительные силы, которые хотели продолжать войну и противодействовать подписанию мира. День подписания его был объявлен национальным трауром. Почти все газеты и журналы страны продолжают клевету на Советский Союз и требуют бойкота выполнения статей соглашения. Этому хором вторит пресса Франции, Англии, Швеции. Наверное, мир между нашими странами костью застрял в их глотках. Очевидно, эти страны хотели бы продолжить войну до последнего финского солдата.

На этот раз он быстро среагировал на мое заявление:

— Я не принадлежу к тем, кто проводил и проводит перманентную борьбу против Советского Союза. Народ еще не разобрался в причинах возникновения этой войны, надеюсь, это скоро произойдет.

На этом мы закончили беседу.

Высказывания Ахти о «зимней войне», ее итогах и перспективах послевоенных отношений вселяли надежду на развитие отношений с ним до доверительных. Невольно возник вопрос, почему он так прямо и откровенно говорил со мной? Что это? Поживем — увидим.

Проведенный прием и наши встречи с приглашенными убедили, что предстоит трудная работа. Для оценки складывающейся ситуации и выработки тактики и стратегии наших действий я собрал совещание работников резидентуры и попросил каждого высказаться, как он

думает строить свою работу. Начал с себя. Прежде всего рассказал о впечатлении, сложившемся о прошедшем приеме. Он отчетливо выявил настороженность к нам со стороны многих из посетивших прием. Надо иметь в виду, что подобная ситуация будет серьезно осложнять нашу работу. Необходимо с большим упорством преодолевать это, в первую очередь среди общественных и политических деятелей, интеллигенции и журналистов. При этом надо подбирать таких людей, которые по своему положению и возможностям могут влиять на общественное мнение и государственный аппарат в направлении сближения и дружеских отношений между нашими странами.

Рассказал о своем подходе по установлению контактов и продолжении их с тремя финнами, о которых я упоминал выше.

На этом совещании я счел необходимым обсудить один из главных вопросов всей нашей деятельности — как и чем закрепить первый контакт с заинтересованным лицом. Говорят, надо владеть талантом общения. Но что это?

Перекур

Образованность? Доверие? Сходство характера? Смелость? Хитрость? Но хитрость никогда не становится мудростью, так что же такое — талант общения? В народе говорят, что талант, как и характер, трудом ставится. Значит, надо трудиться. Никогда нельзя думать, что человек перед тобой глупее тебя, и не демонстрировать ему свое превосходство. Прежде чем хлопать по плечу, надо узнать, с кем имеешь дело, может быть, ему вовсе неприятно такое хлопанье. Для успешного контакта с людьми всегда помогает доброжелательность, искренность и уважение к человеку. Без этих качеств трудно развивать и поддерживать необходимые связи. Заинтересованность в делах потенциального источника должна быть неподдельно искренней.

Мой заместитель Ш.У. в своем выступлении поддержал меня по всем позициям и рассказал о сложной оперативной обстановке в стране. В этом он убедился при попытках контакта с финнами на прошлом приеме в представительстве. Некоторые из них после формального ответа — благодарю за приглашение — уклонялись от продолжения беседы. Только двое согласились на продолжение контактов. Ж.Т. в своем выступлении призвал серьезно готовиться к встречам с заинтересованными лицами. По его наблюдениям журналисты центральных финских газет на приеме довольно активно и без предубеждения вступали с ним в беседу. Ему удалось познакомиться и договориться о встрече с несколькими известными журналистами, к выступлению которых в прессе всегда прислушиваются.

Совещание закончили на оптимистической ноте — и в нынешнее трудное для нас время с финнами можно работать. Только Н.Ф. просидел молча, несмотря на мою попытку понудить его к выступлению. Ему, к сожалению, не удалось подобрать для связи подходящих финнов. Надо его расшевелить, помочь...

Подошло время свидания с Монахом. Ровно за пять минут до ужина я прибыл на место встречи и, не успев раздеться, как передо мной появился элегантный, улыбающийся партнер. Уселся в маленькой, но уютной комнатке,

и сразу завязалась оживленная беседа. Считая себя инициатором приглашения, я взял было меню для заказа ужина, но Монах отнял его у меня, сказав, что здесь говорят только по-фински и лучше, если процедурой ужина будет руководить он. Когда ужин был заказан и официант вышел, я напомнил Монаху нашу короткую беседу на приеме в представительстве, о причинах, породивших «зимнюю войну», и высказал желание вернуться к этой теме и попытаться все же установить истинные причины ее возникновения. Он согласился.

— Наше правительство на протяжении десятилетий ни разу не вмешивалось в ваши внутренние дела, — сказал я, а затем спросил: — Как могло случиться, что лидер социал-демократической партии и его единомышленники в других партиях втянули Финляндию в войну с Советским Союзом?

В ответ Монах рассказал, что внимательно следил за событиями международной жизни предвоенных лет и особенно за назревавшим конфликтом. Хорошо знает позицию политических партий и их лидеров в этом вопросе. Если, в частности, говорить о Паасикиви, то хотя он и с консервативным душком, но является трезвым политиком, хорошо понимающим, какое место должна занимать маленькая Финляндия среди больших держав. Находясь в составе Российской империи, финны ничего плохого от русского народа не испытали. Когда к власти пришли Советы, то в декабре 1917 года Финляндия получила независимость, и с тех пор Советский Союз в своих отношениях с нами стремился жить в мире и добром соседстве. Что касается поведения деятелей правых

Юхо Кусти Паасикиви

партий, то их болотный антисоветизм является вопросом перманентных кампаний против России.

— Несмотря на это, — подчеркнул Монах, — я все же считаю, что Советскому Союзу надо было немного выждать, чтобы мы доросли до понимания необходимости обмена территориями.

— Иными словами, — сказал я, — отложить переговоры до греческих календ. Но международная обстановка становится угрожающей.

Монах промолчал. В дальнейшей беседе, отвечая на мои вопросы, он высказал опасение, что в обозримое время правые попытаются усилить враждебную пропаганду против Советского Союза, чтобы оправдать свое подстрекательство по срыву переговоров и развязыванию «зимней войны».

Ошюцкоре он говорил, как о явно полуфашистской организации, основанной Маннергеймом, которая много лет подряд создает в стране враждебный климат к СССР. Явные и скрытые лидеры этой организации сыграли значительную роль в подталкивании Финляндии к войне с русскими. Как в прошлом, так и сейчас, ошюцкор и некоторые политические круги национальной буржуазии искусственно культивируют образ русского, как «вечного врага» финнов.

Беседа носила непринужденный, дружеский характер и показала, что с этим финном следует закрепить знакомство и доводить его до доверительного характера. На мое предложение продлить дискуссию и не откладывать ее в долгий ящик он согласился. Тогда я, демонстративно достав из кармана записную книжку, спросил:

— Когда удобно было бы встретиться?

Он тоже полез в карман за календарем и коротко ответил:

— Можно через две недели, и если нет возражения, то удобнее всего здесь.

Так закончилась вторая встреча с Монахом, положившая начало дальнейшей активной работе с ним.

Не изменяя своей привычке записывать по свежей памяти все важное из высказываний собеседников, на ут-

ро засел за подведение итогов встречи с Монахом и анализ его высказываний по вопросам отношения Финляндии к СССР в прошлом и настоящем.

Вскоре предстояла третья встреча с Ахти. Мои попытки собрать о нем дополнительные сведения успеха не принесли. В общих чертах о нем рассказывалось, как о способном политике.

Встретились в точно обусловленное время и, как просил его, без предварительных звонков.

Желая перенести беседу в плоскость путей нормализации отношений между нашими странами, попросил Ахти высказаться, как он представляет себе решения этой проблемы. При этом я подчеркнул, что условием для честного и результативного разговора является откровенность как с моей, так и с его стороны.

Неожиданно Ахти энергично взял рюмку коньяка. Молча выпил до дна... и продолжал молчать, с любопытством глядя на меня, как будто решая, говорить со мной откровенно или молчать. Вскоре он заговорил. Медленно, с расстановкой слов, сказал, что согласен на честную и откровенную дискуссию в интересах устранения недоверия и вражды между нашими народами.

— Когда у вас возникнет необходимость узнать противников примирения с вами, то прочтите список министров правительства Рюти, и для вас станет ясно, кто есть кто, — так четко и откровенно сформулировал Ахти свой ответ. При этом он добавил, что тем финнам, которые в послевоенное время будут пытаться сменить атмосферу враждебности на добрососедство между нами, придется преодолевать преграды не менее сложные, чем «линия Маннергейма».

По существу, на этой встрече и было положено начало конфиденциальных встреч и бесед с Ахти, которые раскрывали намерения, планы и действия финских реакционных кругов против СССР.

Подошло время обусловленной встречи с Моисеем.

Я спросил собеседника, как могло случиться, что правительственной хунте удалось втянуть народ Финляндии в войну с Россией? Моисей ответил, что страной фактически

ки правит Главная ставка, руководимая Маннергеймом, которая подавляет малейшие попытки освободиться от нее. В 1939 году военным с помощью реакционных сил удалось обманным путем втянуть народ в «зимнюю войну». Откровенно говоря, я не ожидал услышать от Моисея такую оценку государственного устройства Финляндии. Под конец беседы договорились об очередной встрече.

Срок встречи с Адвокатом приближался, и я основательно подготовился к ней. На встречу он прибыл пунктуально. Дружески поздоровались и без церемоний приступили к беседе.

Вначале высказал Адвокату, так сказать, этнографические аргументы в пользу сотрудничества. У финского и русского народов много общих слов, привычек, названий, обычаев, указывающих на широкие мирные контакты наших двух народов в течение целой исторической эпохи.

Адвокат прервал меня и заметил, что в этом он сам убеждался, когда неоднократно бывал в центральных и восточных районах Финляндии, где это более всего заметно. По его словам, народ Финляндии, несмотря на угнетение со стороны русского монархического режима, всегда дружески относился к народу России. В ответ на такое замечание я счел необходимым подчеркнуть, что русский народ и после 1917 года с уважением и доброжелательно относился к финскому народу. И был рад, когда Финляндия получила самостоятельность.

Я спросил, как он представляет перспективы взаимоотношений двух стран.

Поразмыслив минуты три, он сказал:

— На протяжении многих лет мы были самоизолированы от контактов с советскими представителями в Финляндии, и нам это очень мешало знать точку зрения другой стороны по таким вопросам, как сотрудничество наших стран. — В настоящее время, — сказал он далее, — в руководящих органах разных партий, включая СДПФ¹¹, имеется мало деятелей, которые стремились бы к демократизации государства и сближению с Советской Россией. Ностальгия по «Великой Финляндии до Урала» и обеща-

ние Англии, Франции и Германии военной помощи лишили разума правящую элиту.

Я сказал, что Советский Союз и я, как его представитель в Финляндии, будем способствовать улучшению отношений между нашими странами и оказывать моральную поддержку всем тем, кто будет стремиться к этому.

Сочтя психологическую обстановку подходящей, высказал пожелание, чтобы наши беседы и обсуждения различных вопросов остались конфиденциальными. С этим пожеланием Адвокат согласился, добавив, что в нынешний ответственный период настоящие демократы должны приложить больше старания по налаживанию нормальных, добрососедских отношений с русскими.

Начало лета 1940 года выдалось светлым и теплым. Природа расцветила Хельсинки яркими красками. На улицах, в парках, на бульварах стали чаще встречаться финны без тоски и угрюмости в глазах. Кошмар войны постепенно уходил в прошлое.

Стали улучшаться и условия для проведения разведки, но разведчики все еще не могли войти в мирный ритм жизни финнов. Как исправить создавшуюся ситуацию?

В целях улучшения качества разведывательной работы резидентуры решили провести оперативное совещание. Тему своего доклада я обозначил как «Патриотизм, преданность Родине, психология, культура, этика и эстетика поведения разведчика в обществе». Когда мы собрались, я открыл совещание и начал свой доклад. В нем я приводил примеры из истории России и русской литературы.

Затем я заговорил о наших профессиональных делах.

Безопасность нашей страны и ее интересы являются высшим моральным законом деятельности разведчика, но эта деятельность не должна идти и во вред стране, в которой происходит его деятельность. Если разведчик не признает такой морали, то посылать его за кордон опасно, подчеркнул я.

Затем отметил, что практика нашей работы в Финляндии требует более углубленного знания этики и эстетики поведения в финском обществе. Культура поведения —

это прежде всего культура, образованность самого человека. Распушенность в манерах всегда отражает распушенность принципов. Французский писатель Ж. Лабрюйер отмечал: «В любом самом незначительном, самом неприметном нашем поступке уже сказывается весь наш характер: дурак и входит и выходит, садится и встает с места, молчит и двигается иначе, чем умный человек».

Надо иметь в виду, что финское общество, в котором мы проводим свою работу, культурно и цивилизовано. Оно строго придерживается правил поведения в обществе, и каждому надо основательно познакомиться с этими правилами, чтобы не выглядеть «белой вороной».

Конечно, установление контактов — это только первый шаг. Нам требуется большее: продолжить его до доверительных встреч. В школах по журналистике, в театральных и других художественных школах на Западе одним из предметов преподавания является изучение лица человека. Нам с вами также надо заняться этим.

— Знаменитый физик Петр Капица как-то заметил, что «умного человека всегда можно узнать по глазам. Глаза — это наглядно представленная вам обнаженная плоть самой сущности человека». Психологи считают, что человек способен придавать своему лицу, глазам всевозможные выражения. Однако полнее всего выявляется шесть важнейших выражений эмоций: радость, печаль, гнев, отвращение, страх, удивление. В этот список можно, по их мнению, включить еще стыд и интерес, однако они менее заметны, чем остальные шесть. При этом следует иметь в виду, что люди могут и симулировать сложные эмоциональные выражения, и подавлять проявление реально испытываемых ими чувств. Это происходит чаще всего у артистов на сцене, трусов и подхалимов, которые всегда стремятся подсюсюкнуть начальству. К счастью, рассчитанные эмоции, как правило, сильнее проявляются на левой стороне лица, тогда как спонтанные, неконтролируемые человеком — симметрично, — излагал я некоторые психологические основы работы разведчика. — Призываю не пренебрегать изучением психологического состояния человека при встрече с вами. В нынешней сложной обстановке в стране, когда еще

не зажили раны войны, к нам, советским людям, по-прежнему относятся с предубеждением, а часто и с откровенной злобой. Хотя прошло более трех месяцев после окончания войны, свирепый режим продолжает преследовать всех тех, кто пытается назвать настоящих ее виновников. Особенно расправляются с подозреваемыми в членстве в Коммунистической партии, которая до сих пор находится на нелегальном положении. Это, конечно, не означает, что мы должны прекратить нашу работу и дожидаться, пока ситуация не улучшится сама собой.

Платон говорил: «У того, кто хочет познать чужую душу, должны быть три свойства: понимание, благожелательность и смелость».

В самом деле, что же означает для нас познать чужую душу? По-моему, это прежде всего выявить психическое, эмоциональное и духовное мироощущение человека, логику отношений и поведения с другими лицами различных социальных категорий. При всем при том надо помнить, что успех добывается трудом. Настоящий профессионал не может выработаться из тех, кто хочет спокойно жить. Наша профессия требует постоянного поиска необходимых контактов и расширение их, как в целях подбора нужных людей, так и в качестве «громоотвода». При этом надо помнить, что существует только один способ стать хорошим собеседником — это уметь слушать и уметь держать в руках нить беседы. Никогда не следует думать, что твой собеседник глупее тебя.

Затем я решил обсудить морально-этический климат в нашей резидентуре, вопрос о взаимоотношениях с работниками советских учреждений в Хельсинки. Для этого у нас накопилось достаточно фактов неправильного поведения как разведчиков, так и дипломатических работников представительства.

— Кстати, в наших отношениях даже с работниками советских учреждений в Хельсинки, — сказал я, — отсутствуют вежливость и доброжелательность. Отмечается зависть, присутствуют тщеславие и интриги, но они пока находятся в таком состоянии, когда мы общими усилиями можем пресечь их дальнейшее развитие.

Зависть, если разложить ее на составные элементы, это — ненависть, эгоизм, корыстолюбие, тщеславие, лживость, лицемерие, угодничество, подхалимство, интриги и предательство. Короче говоря, зависть впитала в себя все пороки человека и, по определению Гельвеция, из всех страстей самая отвратительная.

Призвал я и к тому, чтобы разведчики больше полагались на интуицию. Следует отбросить представление о том, что интуиция обманчива. Интуиция — это то же творчество. Короче говоря, необходимо каждый день творить, находиться в поиске нужных нам людей для привлечения их к сотрудничеству с советской разведкой. Без этого наша работа будет мертва.

— Прошу не забывать, — подчеркнул я, — что подбор и вербовка источников информации остается таким же важным и необходимым делом, как и привлечение к сотрудничеству финнов в качестве «источников влияния».

В заключение своего выступления я снова сформулировал ту гамму качеств, которыми должен обладать настоящий разведчик:

- ✓ проницательность, позволяющая распознать признаки страстей, проявляющиеся подчас у самых скрытных людей;
- ✓ присутствие духа, необходимое, чтобы избежать рискованного шага;
- ✓ спокойствие и терпение, всегдашняя готовность выслушать внимательно того, с кем имеешь дело;
- ✓ всегда открытый подход к человеку, мягкость, учтивость обращения, непринужденная и располагающая манера поведения;
- ✓ умение хорошо владеть собой, неторопливость с ответом на сделанные предложения;
- ✓ твердость и храбрость, умение внедрять каплю за каплей в душу собеседника именно то, в чем хочешь убедить — вот один из величайших секретов искусства беседы...

Всеобщее заинтересованное обсуждение всех этих проблем, безусловно, сказалось на дальнейшей работе моих сотоварищей.

В начале августа встретился с Графом.

— Вам, наверно, известно высказывание Фагерхольма¹² в отношении недавно созданного «Общества за мир и дружбу с Советским Союзом»? — сказал я. — Ведь Фагерхольм объявил его советской «пятой колонной» в Финляндии и потребовал запретить. Что касается Таннера, то его лозунг: «Финны должны сплотиться в борьбе против внешнего врага — Советов», давно стал лозунгом всех реакционных и антисоветских организаций и партий Финляндии.

Хочу отметить, — продолжал я, — и проявление враждебности финской стороной во внешнеэкономических отношениях между нашими странами. Так, например, Советский Союз стремится нормализовать торговые отношения, но встречает сопротивление некоторых промышленников. У нас возникла нужда закупить полмиллиона кубометров баласа (крепежные бруски), однако до сих пор наши представители под различными предлогами отказываются продать их нам. Такова ситуация и по другим видам товаров. Финляндия фактически начала торговую войну с нами. У меня возникает законный вопрос: «Почему это происходит?»

Он не перебивал, слушал очень внимательно, был серьезен, затем сказал:

— В нашей внешней политике приоритет отдается антисоветизму и поиску на Западе союзников. На улучшение отношений правительство Рюти не пойдет. Маскируя истинные причины «зимней войны», наши «мудрецы» в своей пропаганде теперь обвиняют Советский Союз в попытках советизировать Финляндию силой. В доказательство попыток советизации Финляндии они приводят факты создания Москвой правительства Демократической Финляндской республики во главе с Отто Куусиненом. Я и сегодня, как в прошлый раз, хочу отметить, что Москве не следовало торопиться с войной. После разрыва дипломатических отношений надо было повременить, чтобы консолидировались здоровые силы в стране и заставили правительство согласиться на предложения Советского Союза по обмену Карельского перешейка.

Мы, финны, тугодумы. Вам надо считаться с особенностями нашего характера. На этот счет у нас говорят, что расскажи финну анекдот в субботу — в воскресенье в церкви он нехстати засмеется во время обедни... А вы с Куусиненом поторопились.

На вопрос, к которому я упорно продвигался:

— Что надо сделать той и другой стороне для установления добрососедских отношений и мира между нашими народами? — он сказал:

— Это очень большой и сложный вопрос, ответить на который сразу и однозначно невозможно. Ваши дипломаты и торговые работники в Хельсинки, как и наши в Москве, давно самоизолировались от текущей жизни наших стран. Конечно, одним дипломатам будет не под силу изменить нынешнюю ситуацию. Необходимо расширять рамки диалога, дискуссий между общественными, политическими деятелями, профсоюзными лидерами наших стран. Эти дискуссии должны носить откровенный, дружеский и уважительный характер, что позволит рассеять недоверие и отчуждение между нашими странами. Если вы с этим согласны, то, в меру своих сил и возможностей, попытаемся действовать в таком направлении, — подчеркнул Граф.

Мы выпили за успех согласованных действий. Далее Граф сказал, что кое-что предпринял, узнав от меня о трудностях, которые чинят некоторые торговые фирмы в расширении экономических связей с СССР, и, в частности, в торговле лесом. Через две недели в Финляндии открывается сезон охоты на крупного зверя. Партия «Аграрный союз» намерена организовать охоту на оленей. В этой связи он хочет сделать так, чтобы на эту охоту были приглашены советские дипломаты: посланник, советник и представитель торгпредства. Инициатором приглашения выступит МИД Финляндии.

— Вы, конечно, понимаете, что дело не в охоте, — улыбнулся Граф.

Сразу после беседы с Графом я встретился с посланником Зотовым и рассказал ему о намерении МИД Финляндии организовать охоту на оленей, куда намерены

пригласить трех советских дипломатов во главе с посланником.

Мне было известно, что Зотов является заядлым охотником. Обычно хмурый и неразговорчивый, он тут же преобразился.

Не прошло и недели, как приглашение на охоту от шефа протокола МИДа Хаккарайнена было получено. Полпред Зотов с благодарностью принял приглашение, и через день мы втроем выехали на тренировку. В первый день каждый из нас поразил мишень бегущего оленя, но когда к бегу добавили прыжки оленя, то попал в мишень только полпред. Торгпред и я промазали. На второй день нам ускорили «бег оленя» и увеличили прыжки, но мы с первых выстрелов поразили мишень на отлично. Это означало, что препятствий к охоте не было. Дело осложнилось, когда Хаккарайнен сообщил день охоты. Оказалось, что он совпал с днем отъезда Зотова в Москву. Это его сильно расстроило. Стали думать, что делать? Шеф протокола предложил, чтобы Зотов поехал на охоту, но только на первый загон оленя, и в этом случае он успеет вернуться в Хельсинки к отходу поезда, который отправляется около 6 часов дня. Было видно, как полпред с радостью согласился на такой вариант.

В следующее воскресенье рано утром мы втроем, прихватив десять бутылок водки и пять коньяка, выехали в поместье одного из организаторов охоты, крупного помещика, километрах в 150 от Хельсинки. Сопровождал нас Хаккарайнен.

К месту охоты прибыли вовремя. Уже собралось тринадцать человек, двое опаздывали. С их появлением началась жеребьевка номеров расстановки охотников. Нас, как гостей, поставили в центр. Расстояние между охотниками составляло сто метров, а вся цепь вытянулась на полтора километра вдоль широкой просеки, разделяющей лесные массивы. Перед началом охоты трубачи сыграли гимн охотников, символизирующий честность и бескорыстность охоты.

Когда каждый из нас занял свое место, протрубил сигнал начала охоты. Сразу установилась такая тишина, как

будто все замерло, а мы переместились в какое-то царство безмолвия. Наступившая осень решила обласкать нас теплыми лучами солнца. Так продолжалось довольно долго, около сорока минут — и вот далеко от нас слышались голоса загонщиков.

Вдруг с левой стороны от меня прозвучал выстрел и рядом со мной просвистела пуля вдоль цепи охотников, где стояли Зотов с Хаккарайненом. Мне показалось, что она чуть не задела мой нос. Чтобы этого больше не случилось, я прыжком отскочил назад и засел за огромным валуном. Левому охотнику, видимо, померещился олень, и он стрельнул в нашу сторону. Это было, конечно, грубейшее нарушение правил охоты, которые не допускают выстрел вдоль цепи охотников.

Признаться, мне стало жутковато. Несчастные случаи на охоте — явление довольно частое. Однако установи-

На охоте

лась тишина, нарушенная минут через пять выстрелом и жалобным стоном и храпом оленя. Стрелял Зотов. Около него стали собираться охотники, подошел и я. Оказалось, что он стрелял в двухгодовалую самочку, перебил ей переднюю ногу. Она упала, но пыталась подняться и бежать, но опять падала. От опытных охотников я слышал, что когда убивают оленя, у него из глаз вытекает слеза, но не верил этим рассказам. Оказалось, что

это правда. Сам убедился. К месту события собрались почти все охотники, но никто не согласился пристрелить мучающееся животное. Было видно, что обсуждение случая носило недружественный характер к виновнику его. В их высказываниях часто употреблялось слово «пойка», что значит ребенок. Высказывалось недоумение, как при хорошей видимости охотник не смог отличить подростка от взрослого оленя с ветвистыми рогами. Короче говоря, первый загон закончился для нас неблагоприятно. Большинство охотников довольно откровенно выражало недовольство браконьерством Зотова. С нашей стороны тоже никто не выразил согласия пристрелить теленка. Когда загонщики подошли к нам, то один из них после долгого уговора согласился.

Наш полпред, как было заранее обусловлено, наспех простился с охотниками и отбыл в Хельсинки, как мне показалось, даже не извинившись за неудачный выстрел.

Когда мы проводили полпреда и возвратились к охотникам, Хаккарайнен на ходу спросил меня, как я расцениваю выстрел финского охотника, стоявшего слева от меня, ведь пуля, выпущенная им вдоль шеренги охотников, чуть не задела меня, а также и их с полпредом. Они очень ясно ощутили полет ее близко от себя. Не желая создавать инцидента, сказал, что, видимо, охотник заметил оленя, бегущего близко к нам, выстрелил, и пуля прошла недалеко от нас. Хаккарайнен поблагодарил за ответ. Кажется, он был им доволен. Ясно, что его вопрос имел особое значение.

Размещение охотников по номерам осталось прежним. Шеф протокола находился при мне.

Тишина в лесу — это какое-то волшебство природы. Солнце золотит желтизну листьев увядающих деревьев. Даже с близкого озера не слышно гомона водоплавающих птиц. Земля и небо продолжали безмолвствовать. Вскоре на правом фланге раздался одиночный выстрел, и опять тишина. С той же стороны, минут через десять, прозвучали один за другим два выстрела. Хаккарайнен заметил, что началась охота. Однако после этих выстрелов мы простояли около часа, но олени не появлялись.

Подошли загонщики и тут же заиграли отбой. Охотники поспешили на правую сторону, где оказались удачливые стрелки. В их числе, мне запомнилось, были Каллиоокоски, Рейникка, Хиллиля. Они убили по оленю.

День клонился к вечеру, и всех нас перевезли в другой лесной массив. Вновь издали послышались крики загонщиков, и торгпред первым выстрелом убил подходившего к нему оленя. Еще один охотник ранил другого оленя.

С лучшим настроением, чем это было после первого загона, охотники не спеша вышли на лесную дорогу, где нас поджидали автомашины. На обед привезли нас в «Дом охотника», срубленный из крепких брусьев, как сказали нам, сто лет тому назад. И действительно, это было впечатляющее здание.

Сменив охотничью одежду, умывшись, все разместились за одним довольно длинным столом. Перед началом обеда выступил ответственный за охоту с кратким словом в память убиенных оленей, поздравил тех, у кого была удача. После этого мы занялись финской похлебкой. На второе подали отбивную котлету из молодой оленины с брусничным гарниром.

Оленина была необыкновенно вкусна: мягкая, сочная, чуть пряная и ароматная.

Тосты начались, когда подали десерт. Для меня наступил самый ответственный момент.

— По-моему, — сказал я, — ваше приглашение на охоту не случайно. Оно вызвано голосом многовекового доброго соседства наших народов, которое началось с древнейших времен, когда финские племена, известные как чудь, и великорусское племя мирно встретились в юго-восточных степях Приуралья. Историческая наука отмечает, что по характеру финские племена были кроткими и не воинственными, что отмечалось также и у русских. Эти свойства наших предков способствовали мирному продвижению и расселению в новых местах. Таким образом, происходило мирное заселение, подчеркиваю, мирное продвижение и заселение северо-западного края, а не завоевание его нашими племенами. Наверное, бывали соседские кулачные драки из-за красивых чухенок или рус-

ских девушек. Однако завоевательных нашествий историческая наука не отмечает. Наоборот, она подтверждает, что финские и русские названия рек, озер и поселений идут не сплошными территориями, а располагаются вперемешку.

Ученые отмечают, что ваши предки передали русским некоторые свои антропологические черты. Так, скуластость великоросса, преобладание смуглого цвета лица и особенно типичный великорусский нос, покоящийся на широком основании, с большей вероятностью относятся на счет финского влияния.

В ответ послышался доброжелательный смех участников охоты.

— Этим кратким экскурсом в историю наших народов, — сказал я, — мне хотелось подчеркнуть, что мы с вами являемся не просто соседями, но и во многом близки друг другу.

Увидев, что атмосфера потеплела, я попробовал сгладить впечатление от браконьерства нашего посланника и рассказал, что Зотов очень серьезно готовился к охоте на тренировках, которые организовал Союз охотников, но волнение его подвело. Во всяком случае, он огорчен своим выстрелом больше, чем мы вместе взятые.

— У нас в России — горячему охотнику и березовый пень зайцем кажется, — сказал я. — Давайте совместно начнем строить мирные добрососедские отношения между нашими народами, — закончил я свое выступление.

По лицам присутствующих я заметил, что промашка посланника уже стала для них вчерашним днем.

Хозяин застолья, призвав к тишине, заявил, что он с большим вниманием выслушал мой тост и считает эту встречу с советскими представителями началом полезных контактов на пути к нормализации отношений между Финляндией и Россией. Раздались возгласы одобрения.

Наш торгпред сказал, что приехал для организации экономических связей с государственными и частными объединениями Финляндии.

— По моему мнению, — сказал он, — наша страна хороший для вас партнер. К сожалению, не все ваши куп-

цы хотят торговать с нами. Например; мы несколько месяцев просим продать нам полмиллиона кубометров древесины для угольных шахт Донбасса, но дело не движется, хотя на ваших складах эта древесина лежит еще с прошлого года. Нам бы хотелось вести торговлю более оживленно и выручать друг друга, когда партнер испытывает нужду.

По словам Хаккарайнена, лесопромышленники высказали недовольство, что лес, купленный у них еще в прошлом году, не реализован.

Возвращались мы в Хельсинки вместе с Хаккарайненом на его автомашине. Нам представилась еще одна возможность прозондировать у шефа протокола впечатление от охоты и тостов.

Затем Хаккарайнен весьма негативно высказывался в отношении немецкого фашизма и войны, которую затеял Гитлер. Очень осторожно осуждал шюцкор, который по его словам, во многом копирует нацизм.

Когда мы заговорили о России, он стал оживленно рассказывать о Петербурге, где в юности обучался в русской гимназии, имел много русских друзей. Он удивил нас глубоким знанием классиков русской литературы: Толстого, Тургенева, Лермонтова и особенно Пушкина. «Евгения Онегина» декламировал нам без передышки, около часа читал стихи Некрасова, Лермонтова. Сказал, что когда приходит домой с работы усталым, часто читает Пушкина, Фета, Тургенева.

В этой продолжительной беседе он явно высказывал свое дружественное отношение к нам. Это обстоятельство позволило Ш.У. спросить Хаккарайнена, в чем причина слабого интереса финской стороны к развитию торгово-экономических отношений между нашими странами?

— «Зимняя война» не убедила наших политиков, что альтернативой ей являлось и сейчас является установление добрососедских отношений, к сожалению, — заметил он.

На следующий день я проанализировал итоги нашей встречи с лидерами Аграрного союза и пришел к выводу, что не следует ожидать от них дружеских отношений к Советскому Союзу.

В начале сентября 1940 года народный комиссар иностранных дел Вячеслав Молотов предложил нашему полпредству незамедлительно организовать праздничный обед с дипломатами немецкого посольства в Хельсинки по поводу годовщины подписания советско-германского договора о ненападении. Время для проведения этого мероприятия для нас оказалось самым неподходящим. Все разведчики резидентуры и ведущие дипломаты представительства были заняты сбором информации о местах размещения немецких войск, тайно прибывших в Финляндию и с согласия финского правительства располагавшихся поодаль от финско-советской границы в северной части страны. По существу, сложилась странная ситуация: немцы размещают свои войска в Финляндии недалеко от финско-советской границы, а нарком Молотов предлагает провести дружеское общение и сближение с немецкими дипломатами.

Для определения возможностей гастрониомической части «праздника дружбы» я пригласил шеф-повара из лучшего ресторана Хельсинки.

В день приема к часу прихода немцев все участники с советской стороны бодро собрались в гостиной. Первой прибыла группа во главе с послом Блюхером, опытным дипломатом, потомком того Блюхера, который сражался с армиями Наполеона.

Поздоровавшись со мной, посол представил мне как своего друга полковника фон Бонин, в недавнем прошлом военного атташе Германии в СССР. Со своей стороны я приветствовал друга посла и, поняв, что он не помечен в переданном нам списке участников приема с немецкой стороны, тут же дал поручение посадить его за стол на уровне советника посольства. Меня, однако, несколько удивил приход гостя посла.

Обед начался с моего краткого выступления и ответного слова посла Блюхера.

Когда обед закончился, гости стали переходить в гостиную и размещаться у столиков — здесь их ждал кофе с коньяком. Оркестр, приглашенный из ресторана «Торни», заиграл популярные мелодии.

Когда я появился в гостиной, ко мне подошли послы Блюхер и его друг фон Бонин, чтобы поблагодарить за отличный обед и теплый прием. Посол, тут же вежливо-извинившись, покинул нас, как будто желая оставить меня с его гостем наедине. Недалеко от нас пустовал столик, и мы заняли его. Между нами сразу завязалась беседа.

Начав разговор, фон Бонин сказал, что он последние четыре года являлся военным атташе Германии в СССР и возвратился на родину несколько месяцев тому назад. На мой вопрос, как ему работалось в Москве, он ответил, что с представителями Генерального штаба Советской Армии он установил нормальные деловые отношения, и это позволило ему без всяких притеснений и помех выполнять обязанности и поручения, даваемые из Берлина. Особенно большую сердечность к себе со стороны советских коллег он ощутил после подписания «Пакта Риббентропа — Молотова», годовщину которого мы сегодня отмечаем.

Все его просьбы по ознакомлению с военной промышленностью Советского Союза сотрудники Генштаба Красной Армии всегда выполняли, что позволило ему составить объективный анализ состояния Красной Армии и ее боеготовности. Однако, доверительно сказал мне немецкий полковник, руководство немецкого Генерального штаба, рассмотрев этот документ, отвергло его как дезинформирующий и преувеличивающий силу Красной Армии. Его самого из-за этого анализа отозвали в Берлин.

Когда он возвратился на родину, продолжал рассказывать фон Бонин, сугубо конфиденциально, то почувствовал, как в высших правительственных кругах и в Генеральном штабе нарастает враждебность к советскому государству. Его личные друзья и единомышленники, работающие в Генеральном штабе, рассказали ему, что сразу после окончания «зимней войны» оперативное управление Генштаба провело исследование причин поражения Красной Армии. Руководство Генштаба пришло к выводу, что армия Советов в этой войне фактически потерпела поражение из-за незнания стратегии и тактики ведения войны в современных услови-

ях. Когда такой вывод был доложен Гитлеру, то он согласился с такой оценкой и поручил Генштабу начинать разработку плана подготовки Германии на случай войны с Советским Союзом.

Далее фон Бонин сказал, что, к большому несчастью для Германии, Гитлер и его окружение считают, что Советский Союз — это «колосс на глиняных ногах» и его можно быстро разрушить. Чтобы скрыть от общественности враждебные действия Германии по отношению к Советскому Союзу и усыпить его бдительность, и был подписан «Пакт Риббентропа — Молотова». То, что говорил фон Бонин, было совершенно секретной информацией государственного значения, и я был немало удивлен откровенностью немецкого военного дипломата-разведчика. Однако тут же прояснилась и причина такого необычного поведения гостя посла Блюхера, который, очевидно, знал о настроениях фон Бонина.

— Учитывая, что в самой Германии пока нет сил, могущих сорвать планы политической верхушки, — сказал фон Бонин, — я решил прибыть в Хельсинки и рассказать посланнику или советнику представительства об

Удачно проведенная беседа способствует хорошему настроению

этих планах и просить сообщить в Москву о надвигающейся трагедии для советского и немецкого народов.

Из его слов было понятно, что фон Бонин не одинок в своем неприятии гитлеровского авантюризма, и я решил это уточнить.

Внимательно выслушав, я спросил:

— Знают ли ваши друзья, что вы поехали в Хельсинки для встречи с советским представителем?

— Они знают и выбрали именно меня потому, что владея русским языком я смогу доходчивее и точнее проинформировать вас, — сказал фон Бонин.

Со своей стороны я заверил его, что сказанное им сообщу в Москву своему начальнику.

На этом мы расстались, фон Бонин пересел к столику, за которым находился посол фон Блюхер. Под мелодичную музыку наши дипломаты и гости продолжали отмечать годовщину «Пакта о ненападении».

В тот же день я послал шифровку начальнику разведки Фитину с просьбой доложить эту важнейшую информацию наркому Берии. О реакции на нее в Москве мне не сообщили.

Заканчивая рассказ о встрече с фон Бонином в 1940 году, не могу не упомянуть, что он, как участник неудавшегося покушения на Гитлера в 1944 году, был казнен. Светлая память ему.

ФИНЛЯНДИЯ ГОТОВИТ РЕВАНШ

Очередной круг встреч начал с Графа. На мой вопрос — что нового в политической жизни страны, он с тревогой в голосе начал рассказывать об ухудшении политического климата. Начиная с сентября нынешнего года реакционные силы в буржуазных партиях и особенно полуфашистской партии «Патриотическое народное движение», «Шюцкор» начали планомерную антисоветскую пропаганду. Отмечается активная роль в этом и лидера СДПФ — Таннера.

Он сообщил также, что с первых дней июля отмечается наплыв в Хельсинки немцев, которые, по его данным, чаще всего посещают МИД и военное министерство.

Вечером работники резидентуры Ж.Т., К.С. и Л.Е. дополнили мою информацию о нарастающем реваншистском курсе финского правительства.

Свои встречи начал с Монаха.

— Начиная с нынешнего лета, — сказал Монах, — в правительстве Рюти заметно увеличился крен в сторону фашистской Германии. Прогерманские настроения возросли особенно сильно после захвата немцами Норвегии.

Из окружения Таннера ему стало известно, что правительство Рюти через своего посла в Берлине Кивимяки ведет важные, очень секретные переговоры, касающиеся Советского Союза.

На мою просьбу, не может ли он встретиться с Паасикиви и попытаться узнать о содержании контактов посла Кивимяки с немецким руководством, нарушающих мирный договор между нами от 12 марта 1940 года, Монах ответил, что Паасикиви недавно приезжал в Хельсинки, но вскоре вернулся в Москву. Ему известно, что Паасикиви был недоволен встречами с министром иностранных дел Виттингом и Рюти; просил отставку, ему отказали в этом и предложили срочно выехать в Москву. Он, Монах, сам очень хотел повидаться с ним и обязательно сделает это, когда Паасикиви вновь появится в Хельсинки.

— Откровенно говоря, — подчеркнул Монах, — у Паасикиви до сего времени заметны прогерманские настроения, но отчетливо он их не проявляет. Однако, несмотря на свой консерватизм, он, как умный человек, раньше других своих единомышленников твердо уяснил, что без нормальных мирных отношений с Россией Финляндия жить и развиваться не может. Исходя из такого кредо, он уже с 1938 года и до сего времени твердо придерживается таких убеждений и охотно вступает в контакт с демократами для учета их взглядов по внешнеполитическим и другим вопросам государственного строительства.

Подводя итог нашей беседы и ответов на вопросы, могу предупредить вас, — сказал Монах, — что за два последних месяца правые лидеры стали более открыто высказывать требования пересмотра новой советско-финляндской границы в целях возвращения Карельского перешейка с городом Выборг и других территорий, отошедших к России в результате «зимней войны». В этих целях они приступили к поиску сильного союзника. Наиболее вероятным из них будет гитлеровская Германия, представители которой зачастили в Хельсинки, а немецкие войска уже перебрасываются на север Финляндии.

Вечером того же дня я собрал весь оперативный состав, чтобы наметить план действий каждого из нас во время предстоящего приема в представительстве.

Прием в информационном смысле оказался весьма полезным.

Так, мы смогли перекинуться словом в тихом углу с Моисеем. Он рассказал, что двадцать семей, правящих в Финляндии, взяли курс на сближение с немцами и на ухудшение отношений с СССР. Действуют они осторожно, пока через финских дипломатов в Берлине и полуфашистские организации в самой стране. Недавно он сам случайно был свидетелем, когда через город Рованиemi, где он находился по делам, немцы переправляли свои войска на север, говоря, что это якобы для защиты Норвегии от англичан.

Коротко переговорил и с Монахом.

— За последнее время атаки на Россию резко усилились, — сказал он. — Будь я на месте вашего правительства, начал бы в прессе широкую кампанию против наших реакционеров, нарушающих статьи договора, на котором еще не высохли чернила. Если не сделать сегодня, завтра будет поздно. Таков закон логики.

Расставаясь, он попросил встречи с ним в середине декабря.

От Монаха направился к министру торговли и промышленности Котилайнену, с которым оживленный разговор вел торгпред. Министр дружески предложил тост за выгодную сделку с Советским Союзом по продаже нам полумиллиона кубометров древесины. Пришлось выпить бокал вина в честь министра, которому удалось завершить эту сделку, наверное, не без помощи аграриев.

Почти всем разведчикам удалось побеседовать и договориться о встречах с теми, кто пришел на прием по их приглашениям.

Со следующего дня фактически началась подготовка записки в НКВД о политическом и оперативном положении в Финляндии на конец 1940 года и о немцах в Финляндии.

Попытался привлечь к сбору информации для записки и дипломатов представительства, но из этого ничего не вышло. Надо откровенно сказать, что дипломатический корпус Советского Союза в Финляндии, включая и посланника, как в довоенный период, так и после войны, работал слабо, безынициативно и непрофессионально. Конечно, для этого было много причин, как объек-

тивного, так и субъективного порядка, но нам от этого было не легче. Мы никак не могли наладить с ними обмен информацией.

Дней через пять начальник разведки прислал телеграмму о моем выезде в Москву для доклада. Была видна серьезная заинтересованность руководства нашей службы в анализе ситуации в Финляндии.

В этот же день встретился с Монахом. Он, в частности, сообщил, что ему стало известно о подготовке правительством закона о роспуске «Общества за мир и дружбу с Советским Союзом», как антигосударственной организации. К этому времени оно насчитывало свыше 50 тысяч членов. Это по меркам Финляндии — большое общество, и разгром его будет означать начало открытых действий правительства против Советского Союза и его друзей в Финляндии. Ему также стало известно, что немецкие генералы зачастили в Хельсинки и проводят переговоры с Главной ставкой армии, руководимой маршалом Маннергеймом.

Через сутки я уже делал доклад начальнику советской разведки Фитину. В тот же день меня принял нарком Берия. Подробно доложил ему о внутривосточной ситуации в Финляндии. Выслушав доклад, как мне показалось, без особого внимания, нарком сказал, что я должен пойти в Наркоминдел, чтобы принять участие в составлении ноты финскому правительству на основании моих материалов, а что касается устных сообщений, он позвонит Молотову, и тот пусть сам решает, как поступить с ними.

Возвратившись в кабинет Фитина, позвонил в Наркоминдел и договорился о встрече на следующий день. Когда же встретился, то оказалось, что проект ноты уже был составлен. Мне оставалось только ознакомиться с ним и высказать свое мнение. Очевидно, дипломаты Наркоминдела не допускали и мысли, чтобы кто-либо со стороны мог принимать участие в таинстве составления нот. Правда, мне рассказали, что вчера Громыко предложил отделу

подготовить проект ноты и в тот же день доложить ему. Затем проект должен быть доложен Молотову.

Я стал знакомиться с нотой. В ней в грубой форме высказывались претензии к Финляндии, но не указывалось о передвижении немецких войск на ее территории. А ведь именно об этом следовало сказать в первую очередь и просить у финнов объяснения. На мой вопрос, почему в ноте не сказано о немцах, последовал ответ, что такого поручения Громыко не давал. Поскольку в проекте ноты информация Наркомвнудела по поводу немцев в Финляндии отсутствовала, от визирования ее отказался. Вскоре нас пригласили к Молотову. Когда мы расселись за длинным столом, Громыко положил папку с проектом ноты перед стоявшим у стола Молотовым. Взяв проект ноты, он стал внимательно читать. Читал долго, как бы всматриваясь в отдельные слова. Затем пытливый взглядом осмотрел нас и, обратившись к Громыко, спросил:

— А... пушки к границе уже подвезли?

Я с недоумением посмотрел на сидевших и заметил, что они смущены вопросом. Молотов подошел к столу и нравоучительным тоном стал выговаривать за неумение готовить документы, которые затрагивают суверенитет адресата.

— Составленная вами нота, — сказал он, — провоцирует финнов на отказ от выполнения наших предложений. А если они заупрямятся, то надо подвозить пушки к границе и начинать пальбу? Этого вы добиваетесь? — резко, с характерным заиканием спросил нарком и добавил: — Пересоставить!

Все поднялись с мест и стали поспешно уходить, но Молотов, однако, возвратил от двери Громыко и резко, недружелюбно сказал:

— Поставьте стулья на место.

Громыко стал задвигать стулья. Воспользовавшись этим, я обратился к Молотову, чтобы доложить о немцах в Финляндии. Он, подойдя ко мне, сказал:

— Да, да, Берия звонил мне и говорил об этом. Расскажите, пожалуйста, подробнее.

Видя, что Молотов не садится, я, не зная его привычки работать стоя, тоже продолжал стоять. Тогда он повернулся к географической карте, висевшей на стене, и предложил мне рассказывать события по карте. По тону его слов и обращению ко мне я увидел, что Молотов проявляет большой интерес к передвижениям немцев в Финляндии.

У карты мы простояли около тридцати минут. Подробно изложил ему все материалы, полученные от источников, называя их компетентность и общественное положение, возможности получения достоверной информации. По ходу беседы Молотов проявил большой интерес к вопросу финско-немецких отношений и хотел знать, кто из политических деятелей толкает Финляндию на союз с фашистской Германией. По всем вопросам я дал подробные разъяснения. В конце беседы я сказал, что в связи с передвижением немецких войск наши источники высказывают опасение о возможном вступлении Финляндии в войну против Советского Союза в случае, если Германия нападет на СССР.

Молотов ответил, что немцы проинформировали Советский Союз о переброске своих войск через Финляндию на север Норвегии, чтобы защитить ее в случае попытки нападения со стороны Англии. В этой связи заявлять протест Финляндии о пропуске войск немцев через ее территорию у нас нет оснований, как и нет фактов, подтверждающих, что проводится это в целях их совместного нападения на Советский Союз.

— У вас ведь нет фактов, что немцы дислоцируются на территории Финляндии? — спросил меня Молотов.

Ответил ему, что в городе Рованиеми с некоторых пор дислоцирована значительная группа немецких войск. Возможно, в районе города тоже размещены войска, но проверить это весьма трудно. Если бы наркоминдел разрешил мне проинспектировать, как идет строительство железной дороги Рованиеми — Салла, которую финны должны строить по договору, то это позволило бы нам проверить большой район северной территории, где могут укрываться немцы. Эта мысль заинтересовала Молотова.

— В самом деле, — сказал он, — строительство дороги финская сторона должна была начать сразу после подписания договора, и мы вправе провести проверку, как они выполняют его.

Вернувшись в свой отдел, доложил Фитину о беседе с Молотовым. Фитин позвонил наркому и доложил о выполненном мной поручении в отношении составления ноты и беседы с Молотовым о немцах. В ответ тот сказал:

— Пусть завтра выезжает.

В свою очередь Фитин, положив трубку, удовлетворенно заметил:

— И на этот раз мы с тобой успешно выполнили поручение наркома.

На следующий день выехал в Хельсинки. Вечером, в день моего прибытия в столицу Финляндии, собрались все разведчики. Я проинформировал их о результатах поездки в Москву.

Мы стали ждать ноты, но Центр молчал. А через четыре дня правительство Финляндии объявило о запрещении «Общества за мир и дружбу с Советским Союзом». Полиция начала обыски и допросы членов правления Общества. В тот же день мы «молнией» сообщили в Москву о разгроме СНС и только через три дня после этого получили ноту нашего правительства.

Финское правительство отклонило ноту, заявив, что это есть вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Оно не меняет своей оценки деятельности СНС, как антигосударственной. Через неделю председатель этого общества Маури Рюэмя был арестован. Общество прекратило существование. С нотой мы явно опоздали, а жаль! Москве надо было при первых симптомах проявления недоверия финнов к Советскому Союзу рассеять его, мы же, «победители», не увидели нарастания кризиса в наших отношениях и опоздали с исправлением ситуации. Наркоминдел проспал, хотя наша резидентура регулярно информировала Центр.

Большую ошибку совершило руководство Советского Союза, когда в декабре 1940 года не поддержало (статья мирного договора с Финляндией позволяла это сделать)

вступление Финляндии в союз со Швецией и Норвегией в целях обеспечения их нейтралитета на случай попыток нарушить его со стороны немцев. Такой союз со Швецией, которая, как известно, всегда стояла за добрососедские отношения Финляндии с Советским Союзом, мог бы стать гарантом того, что Финляндия не присоединится к Германии в ее войне против СССР.

Кто был в этом случае советником Сталина — Вышинский? Громько? Молотов? Отказать Финляндии во вступлении ее в такой союз? Того советника следовало бы высечь розгами, думал я.

Шведское правительство, встревоженное ухудшением финско-советских отношений и опасаясь союза Финляндии с Германией, в январе 1941 года предложило правительству Финляндии вступить в союз с ней, но финны отклонили это предложение под предлогом того, что Советский Союз в декабре 1940 года запретил им вступать в союз со Швецией и Норвегией.

В начале января 1941 года встретился с Монахом. Он тут же заявил, что в случае нападения фашистской Германии на СССР Финляндия выступит на стороне Гитлера. Ему достоверно известно о продолжающейся переброске немецких войск на север Финляндии. В парламенте идет обработка руководителей парламентских фракций в пользу согласия парламента на введение в стране чрезвычайного положения под предлогом кризисной обстановки в связи с недостатком продовольствия. Таннер зачастил в парламент и в качестве главного представителя фракции социал-демократов проводит работу в пользу сближения с Германией. Активную работу среди парламентариев от Аграрного союза проводят лидеры этого союза Ниукканен и Ханнула — давние сторонники «Великой Финляндии до Урала». Все это, по мнению Монаха, делается в интересах объединения Финляндии с фашистской Германией для отвоевания территорий, потерянных в результате «зимней войны», а при удаче — расширения их и до Урала.

На мой вопрос, как далеко могли зайти переговоры фашистских политиков с немцами, Монах, поразмышляв

немного, ответил, что к настоящему времени они официально не начались, но между Генеральными штабами они проводятся активно.

Учитывая важность полученных от Монаха сведений, проинформировал (конечно, без упоминания источника) ведущих работников резидентуры о резком обострении враждебной деятельности правящих сил страны против Советского Союза и предложил начинать очередной круг контактов со своими доверительными связями, чтобы в течение месяца подготовить для Центра подробную информацию.

Позвонил Ахти и попросил встречи с ним. Беседу я начал прямо с вопроса:

— Когда Финляндия начнет с нами войну? Ведь вы закончили подготовку к ней. Наша военно-морская база в Ханко уже окружена «линией Маннергейма-2».

Ахти внимательно и без тени улыбки, но по-дружески, ответил:

— Без сильного западного союзника воевать против вас мы не будем. У нас на горизонте маячит Германия, но она имеет с вами «Пакт о ненападении». Другие же державы Запада заняты войной с немцами.

— Это все, что вы можете сказать по этому вопросу? — с явным любопытством спросил я.

На его лице я заметил легкую тень неуверенности. Поэтому решил добавить, что рассчитываю на прежний уговор о конфиденциальности наших бесед. Кивнув головой в знак согласия, Ахти громко сказал:

— Нет, не все.

На улице был свирепый январский мороз. Подкрепившись кофе и коньяком, он начал разговор:

— С ноября месяца в стране распространяются сведения о том, что в скором времени Германия начнет войну против Советского Союза и переброска немецких войск на север страны является подготовкой к такой войне. Разгром СНС и арест его председателя является превентивной мерой по ликвидации пятой колонны России. Советской прессе следовало бы активнее рассказывать, как ведут себя наши консерваторы.

Провел я встречи и с Адвокатом, Моисеем, Графом. Все они с разной степенью достоверности утверждали, что президент Рюти, премьер-министр Рангель и министр иностранных дел готовят с немцами враждебную акцию против Советского Союза.

Все работники резидентуры в меру сил трудились по сбору информации, и, надо сказать, результат оказался успешным. Эту информацию я решил послать также в Наркоминдел, поскольку замещал посланника. Сделал я это в расчете на быстрое продвижение ее в Политбюро. Конечно, источники информации не сообщались.

Примерно через неделю в ответ на нашу записку получил злую и ядовитую телеграмму Вышинского, в которой он на наши ссылки об источниках информации, например, из кругов, близких к президенту Рюти... и других кругов, близких к коалиционной партии... и т. д., спрашивал:

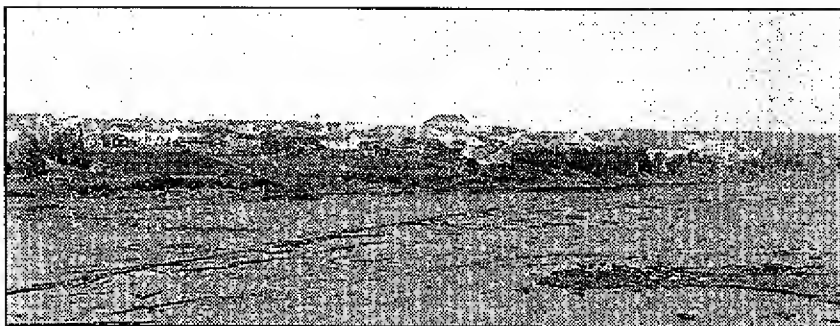
— Все круги да круги, нельзя ли обходиться без оных?

Нам стало ясно, что Вышинскому хотелось, чтобы мы раскрыли источники нашей информации. Без этого он не послал ее в Политбюро, хотя она и представляла большой интерес.

Оставалось одно: повторить информацию в Наркомвнудел с указанием имен информаторов и с объяснением, почему послали сообщение в Наркоминдел. Через неделю получил сообщение о реализации ее у Сталина и... нагоняй, что первоначально послал ее в Наркоминдел.

В середине февраля 1941 года получили телеграмму, подписанную Молотовым, в которой указывалось, чтобы я лично провел инспекцию — в каком состоянии находится строительство железной дороги Рованиemi-Салло. Долго же думал Наркоминдел!

Через два дня я выехал в Рованиemi на дипломатической машине со своим шофером. Меня сопровождали чиновник МИДа и офицер финской армии в чине подполковника на казенном автомобиле. В Рованиemi прибыли в тот же день вечером, проехав свыше 700 километров. Гостиницу, единственную в городе, разыскали быстро, поскольку летом прошлого года при поездке

Город Рованиemi в начале 40-х годов

в Петсамо останавливались в ней. Как только мы вошли в помещение, к нам подошел сопровождающий офицер и предложил пройти с ним в номера, которые мы заказали еще за два дня до поездки. Уходя, офицер сказал, что в отношении ужина он распорядился, чтобы его организовали в номере, так как ресторан одиночных посетителей сегодня не обслуживает. Это меня заинтересовало. Решил проверить, сказав офицеру, что хочу отведать специального фирменного блюда ресторана «молодая оленина похьянхови» под специальную заповорную мелодию музыкантов. Офицер растерялся и молча стал спускаться со мной в ресторан. Чем ближе подходили к нему, тем яснее было, что там пьяные немецкие офицеры.

Свободных мест, конечно, не было. Попросил подполковника подтвердить ресторану наш ужин на 23 часа в моем номере. Через минут десять в номер вошел представитель МИДа и, поблагодарив за приглашение, сказал, что они с подполковником идут в гости к своим друзьям, живущим в этом городе, и не могут принять участие в ужине с нами. Пришлось отведать молодой оленины вдвоем с водителем.

Проснулись мы около шести часов утра, позавтракали в номере гостиницы и были готовы к отъезду. В назначенное время, часов в восемь, расселись по машинам и вслед за сопровождающими выехали на инспекцию. На окраине Рованиemi переехали на восточный берег довольно широкой реки со скалистыми отвесными берегами. Как толь-

ко мы выехали на прямую дорогу, пролегающую вдоль высокого обрывистого берега реки, наши сопровождающие; прибавив скорость, быстро ушли вперед и скрылись из виду. Мы ехали со скоростью 60—70 километров в час, как вдруг, в одно мгновение, нашу машину бросило в правую сторону, опрокинуло на бок и юзом выбросило в глубокий кювет, где перевернуло вверх колесами.

Опомнились мы, когда почувствовали, что нас перестало вертеть с ног на голову. Водитель попытался открыть переднюю левую дверь, но ее заклинило. Нам удалось опустить стекло правой задней двери и выбраться наружу. Все это мы проделали при отсутствии наших сопровождающих, которые, видимо сознательно, уехали подальше, чтобы не видеть нашей гибели. Они подъехали к нашей машине только тогда, когда мы, успокоившись, проводили выявление причин, вызвавших опасный для нас вираж машины в кювет.

На лице представителя МИДа был замечен испуг и мертвенная бледность, что искусственно невозможно вызвать. Лицо же подполковника выражало злость и недружелюбие. Он пытался отвлечь нас от осмотра машины, предложив пересест в их машину и вернуться в Рованиemi.

Ответил ему, что прежде чем вернуться в Рованиemi, хочу призвать сопровождающих к внимательному осмотру ходовой части автомашины, поскольку она удобно лежит для осмотра. Говоря это, я подвел сопровождающих и их шофера к передним колесам машины и наглядно показал дефект, послуживший причиной незавершенной для нас катастрофы. Это была выпавшая из правого шарнирного гнезда тяга рулевого управления, в результате чего нас мгновенно бросило в кювет. Если бы гайка шарнира левой тяги была отвернута чуть больше правой, то машину бросило бы в левую сторону и она вместе с нами догорала бы сейчас под обрывом на глубине 40—50 метров. Сказав это, я попросил финнов подойти к краю обрыва, находившемуся в 3—4 метрах от дороги. Представитель МИДа и его шофер, осторожно подойдя к краю пропасти, заглянули вниз и быстро отпрянули назад.

Чтобы завершить процедуру осмотра машины, я счел целесообразным заявить представителю МИДа Финляндии, что, как показывает осмотр автомашины, некий злоумышленник минувшей ночью ослабил гайки шаровых пальцев рулевых тяг до такой степени, что одна из них выпала на ходу из шарнирного гнезда. Это привело к выбросу машины в кювет.

— К нашему счастью, другая удержалась в шаровом гнезде на одном витке винтовой нарезки шарового пальца, и это нас спасло от смерти, — спокойно высказался я сопровождающим финнам. Они молчали. Первым молчание нарушил представитель МИДа. Он сказал, что, поскольку инспекция строительства железной дороги прерывается в связи с аварией автомашины, он может официально сообщить, что финская сторона не могла начать строительство дороги из-за отсутствия подрядчиков, которые согласились бы вести такое строительство. В ближайшее время представительство Финляндии в Москве сообщит об этом Наркоминделу Советского Союза.

«Странно, — подумал я, — почему об этом факте Министерство иностранных дел Финляндии не сообщило мне в Хельсинки, а говорит об этом только в 700 километрах от столицы, когда я в синяках вылез из-под покалеченной машины».

По всей видимости, кому-то очень не хотелось моего появления в местах, по которым намечено прохождение железной дороги. Поблагодарив представителя МИДа за официальное сообщение, попросил доставить меня в Рованиemi на их машине и оказать помощь по доставке моего автомобиля для ремонта и восстановления.

Недалеко от гостиницы оказалась крупная мастерская, которая согласилась доставить и отремонтировать нашу машину. Ремонт займет два-три дня. Это меня утешало.

Для выполнения задуманного мною плана был необходим мой работник Л.Е., отлично владеющий финским языком. Пришлось позвонить в Хельсинки и договориться с ним, чтобы с шофером П.У. на моей машине «форд»

он приехал в Рованиemi к началу следующего дня. Л.Е. прибыл точно в срок.

Переночевав и расплатившись с гостиницей, мы, оставив прибывшего шофера за присмотром ремонта дипломатической машины, на «форде» выехали в поселок Линахамари, расположенный на берегу Баренцева моря, где недавно было открыто консульство СССР. Это был отвлекающий маневр.

Пробыли мы там всего два дня и вернулись в Рованиemi. Наш бьюик еще не был исправлен.

Рано утром следующего дня мы с Л.Е. на «форде» отправились в настоящую инспекцию трассы Рованиemi — Сало.

Первые 40–50 километров по направлению на г.Кемиярви мы проехали вдоль узкоколейной железной дороги и не обнаружили никакого строительства трассы.

Однако мы увидели широкого размаха восстановительные работы именно узкоколейной дороги, на которой во многих местах были построены новые мосты. Было укреплено полотно дороги, в некоторых местах заменены рельсы, уложены новые шпалы. Из Кемиярви мы проехали еще 80 км в восточном направлении и везде отмечали такую же ситуацию.

В этой связи у нас возник вопрос — почему же восстанавливается старая заброшенная узкоколейная дорога? Возвратившись в Кемиярви, мы высадили из машины Л.Е. и предложили ему обойти все газетные ларьки городка для выяснения у продавцов газет вопроса, как ему найти фирму, которая проводит ремонтные работы на узкоколейке.

Уже через час улыбающийся Л.Е. доложил:

— В Кемиярви нет учреждения, которое занималось бы восстановлением старой узкоколейной дороги. Такие работы проводятся с осени прошлого года военными. Их штаб находится в Рованиemi. В Кемиярви за последние месяцы были немецкие и финские генералы небольшими группами и только проездом на Восток.

Информация, полученная Л.Е., фактически подтвердила данные наших источников о том, что Финляндия

уже с декабря 1940 года приступила к подготовке реванша за «зимнюю войну» вместе с Германией.

День ушел на подготовку телеграммы Молотову о четырехдневном пребывании на севере Финляндии.

Однако никакой реакции со стороны Москвы не последовало. Нам ничего не оставалось, как продолжать сбор фактов военного сближения финнов с немцами.

И снова конфиденциальная встреча с Адвокатом.

Встретил он меня словами приветствия и желанием рассказать о некоторых проблемах Финляндии.

Экономика, по его словам, находится в критическом состоянии. Продовольственные запасы на исходе. Финансы страны истощены. Экономические отношения с Россией плохие, и они ухудшаются. Правительство, по его словам, сознательно разрушает только что налаженные торговые отношения. Наиболее ярким примером этому является расторжение соглашения о поставках крепежного леса для шахт Донбасса, несмотря на то, что советская сторона полностью оплатила весь объем поставок древесины, которая еще лежит на складах Финляндии. Правительство Рюти обрабатывает руководителей парламентских комиссий, чтобы парламент принял закон «О чрезвычайных полномочиях». По мнению Адвоката, такой закон нужен правительству для установления в стране диктаторского профашистского режима, для заключения военного союза с Германией. В профашистских организациях проводится формирование батальонов для отправки в Германию в войска СС на выучку.

Дня три спустя после этого ко мне зашел Зотов и сообщил, что Молотов срочно вызывает его в Москву. На мой вопрос — что случилось? — он дал мне почитать письмо, посланное Молотову. В этом письме Зотов просит Молотова поддержать предложение командующего военноморской базы на полуострове Ханко Кабанова о расширении границ базы за счет присоединения двух небольших островов недалеко от берега, что послужило бы более безо-

пасной стоянке военных кораблей, а также увеличило маневренность истребителей и бомбардировщиков без нарушения морской и сухопутной границ Финляндии. В конце записки Зотов предлагал поручить провести переговоры с финнами в Хельсинки лично ему, не создавая для этого переговорных комиссий. На его вопрос — как я отношусь к содержанию записки, ответил ему, что он поставил перед Москвой важные для моряков вопросы, но это надо было решать через Наркомат обороны. Для дипломатии этот вопрос еще не созрел.

На следующий день он выехал в Москву. Через четыре дня получили сообщение, что Зотов отозван, а меня опять (в который раз!) назначили временным поверенным в делах. Размышляя над случившимся, пришел к неутешительному выводу, что Молотов не хочет нарушать покой финского правительства, разжигающего среди населения ненависть к Советскому Союзу. Мои записки, в которых высказывались пожелания наших источников и друзей о необходимости разоблачения через прессу и радио злобных врагов, таких как Таннер, Эрко, Маннер-

После успешной поездки

гейм, Рангель¹³, в Москве оставались без внимания, и, конечно, реакционеры, не встречая публичного их разоблачения, нагнали. Случай с отзывом посланника Зотова вполне соответствовал принципу Наркоминдела — не критиковать правящую элиту страны.

Мы, дипломаты Представительства, посочувствовали Зотову, но наша грусть скоро прошла, поскольку надо было не проглядеть и, по возможности, сорвать попытки правительства вступить в военный союз с фашистской Германией против СССР. Имея это в виду, мы послали записку в Наркомвнудел, опасаясь очередной отрицательной реакции Вышинского.

Мы не ошиблись. Примерно через неделю начальник разведки сообщил о реализации нашей информации и просил ограничиться работой в том же направлении...

Весна в Финляндии 1941 года выдалась теплой и солнечной, а политический климат леденил душу. Враждебность против нас все нарастала. По радио, в газетах, в театрах больше всего времени отводилось победам фашистской Германии на фронтах Европы. Правящая элита каждую победу немцев принимала как свою.

В двадцатых числах апреля мне позвонил Монах из автомата и условным образом попросил встречи. Провели мы ее в тот же день.

Он был взволнован. Событием особой важности он считал вызов из Москвы посланника Паасикиви и встречи последнего с президентом страны, премьер-министром, министром иностранных дел и другими политическими деятелями.

— Недавно, — сказал он, — прошла моя беседа с Паасикиви, о чем я хочу рассказать вам и посоветоваться по некоторым вопросам отношений между нашими странами.

Паасикиви рассказал ему, что в Хельсинки он был вызван для обсуждения вопроса о дальнейшем его пребывании в Москве, поскольку он часто отказывался выполнять поручения министра иностранных дел, с которыми

не был согласен. По всей вероятности, он больше в Москву не поедет.

Министр иностранных дел Виттинг, по словам Паасикиви, проявляет себя как откровенный сторонник сближения Финляндии с Германией. Некоторые члены кабинета активно ему в этом помогают. К таким относится и сам премьер-министр Рангель. Вот уже две недели из его кабинета не выходит посланник Финляндии в Германии Кивимяки. Некоторое время тому назад Паасикиви вместе с Кивимяки были приглашены к президенту Рюти, где Кивимяки докладывал о готовности немцев в любое время оказать помощь Финляндии, и, по словам Паасикиви, Рюти поверил обещаниям немцев. Это обстоятельство вызвало тревогу у Паасикиви.

— Если не прервать такое развитие мысли у наших стариков, — говорил Паасикиви, — может случиться большая беда для страны. При нынешней военно-политической ситуации в Европе Финляндия должна соблюдать строгий нейтралитет. Это единственная возможность выжить и сохранить страну как суверенное государство. И пока он не получит удовлетворительного

ответа от премьер-министра Рангеля, в Москву не вернется.

Далее Монах сказал, что в дополнение высказываний Паасикиви ему стало известно, что Виттинг зачастил в парламент, где в своих докладах о международном положении протаскивает мысль о непобедимости Германии и ее возрастающей мощи. Министр заявляет при этом, что в подобной ситуации следовало

В воздухе пахнет грозой

бы изучить условия сближения с ней в интересах страны. В свою очередь, несколько дней назад Рангель выступал на совещании парламентского комитета по иностранным делам, где также восхвалял немцев и осторожно заметил, что военная обстановка в Европе требует тесного сближения с Германией. В ответ на такое заявление премьер-министра выступил представитель социал-демократической фракции в парламенте и заявил, что в стране распространяются сведения о подготовке к войне с Россией на стороне Германии, если та начнет войну против большевиков. Это беспокоит общественное мнение и народ Финляндии. Для его успокоения правительству следовало бы выступить с соответствующим заявлением.

В быстром сближении Финляндии с фашистской Германией большую роль играет Таннер из-за своей ненависти к Советскому Союзу.

— У нас в стране, — продолжал Монах, — нет сил, которые могли бы сорвать весьма заметное военное сближение Финляндии с «Осью». Это может сделать только Советский Союз и никто другой.

После информации Монаха соответствующая шифровка в тот же день была послана с грифом «срочно» в Москву.

Для накопления сведений о ситуации в стране решил встретиться с Ахти.

Ахти торопливо спросил, как я оцениваю недавний полет Рудольфа Гесса¹⁴ в Англию, где он после приземления был радушно принят своими единомышленниками — фашистами Англии?

— Действительно ли он был сброшен в Англию, чтобы склонить ее к миру с немцами и вместе с ними начать войну против СССР?

— Именно так ваша правящая элита объясняет полет Гесса в Англию, — ответил я, — что касается моего мнения, то я не допускаю, чтобы Гессу удалось уговорить Англию на мир с немцами. Конечно, факт полета заместителя Гитлера в Англию, как бы его ни комментировали в самой Германии и других странах, является чрезвычайным событием, но его разгадка не за горами. Меня

же в настоящий момент занимает ситуация в советско-финских отношениях. Помогите мне понять, что происходит у вас в стране.

— Корни, конечно, надо искать в событиях вокруг «зимней войны», но особенно в послевоенном периоде, который начался сразу после подписания мирного договора в марте 1940 г. Двойственная политика Англии и Франции в период «зимней войны», твердая позиция невмешательства, проводимая Швецией, поражение финской армии под Выборгом подтолкнули многих политиков разного толка на поиски сильного покровительства со стороны гитлеровской Германии. Цель — создание военного союза против России. Факт полета Гесса вызвал активизацию реакционных кругов по пропаганде реванша за «зимнюю войну». Весьма сожалею, что советское правительство отказало Финляндии в присоединении к союзу Швеции и Норвегии для совместной защиты нейтралитета скандинавских стран с юга. Об этом скорбят многие демократы, считая, что Советский Союз бросил Скандинавию на произвол судьбы, — с грустью сказал Ахти. — Ваши недруги ловко используют то обстоятельство, что «зимняя война» вызвала и продолжает вызывать обиду и озлобление к вам, особенно у тех отцов и матерей, сыновья которых погибли на фронтах, а также у переселенцев, покинувших свои очаги и имущество на территориях, отошедших к вам по мирному договору. Таким образом, — сказал Ахти, — если принять во внимание, что противникам Советского Союза в настоящее время удалось вызвать у народа неприязнь к России, а успехи немцев на фронтах Европы создают благоприятный климат, то Финляндия, в случае нападения немцев на вас, безусловно присоединится к ним, чтобы отвоевать у вас потерянные территории. Мое отношение к происходящему у нас, как вы знаете, негативное. Советский Союз мощнее, чем это думает наше политическое руководство.

Я сказал ему, что ввиду важности его сообщений, я сообщу о них в Москву, как я это сделал и по прошлой его информации, за которую Москва его благодарит.

Ахти резко встал с кресла:

— Как понимать эту благодарность Москвы?

Я тоже встал, подошел к нему вплотную и спокойно сказал:

— Эта благодарность передана вам в знак того, что в Финляндии появился политический деятель, который, преодолев разного рода предрассудки, инсинуации, вражду, распространяемые по отношению к нашей стране и ее народу, стал на путь контактов и диалога с нами для совместного формирования нового внешне-политического курса, ведущего наши страны к дружбе, взаимопониманию и добрососедству.

Выслушав мое заявление, он сказал:

— Я понял, спасибо за пояснение. Хочу заметить, что в настоящее время нельзя упускать из внимания действия правых сил, чтобы не допустить новой, но уже «горячей войны» между нашими народами. Со стороны Москвы, к сожалению, не видно, чтобы предпринималось какое-либо противодействие. Ваша пресса молчит о росте антисоветских выступлений.

Обещал ему сообщить в Москву и эту информацию.

Материал для Москвы оказался объемным, и поскольку шифровальщик приболел, а дипкурьеры прибыли из Стокгольма, направляясь в Москву, свою записку направил диппочтой. Нам казалось, что ответ на сообщение резидентуры Центр придет быстро. Ведь из нашей информации ясно следовало, что финляндское правительство начало переговоры с Германией о совместной войне против Советского Союза в случае, если ее начнут немцы. Мы полагали, что это сообщение вызовет реакцию в Москве, но она... молчала.

ШИФРОВКА СТАЛИНУ ЗА ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО НАПАДЕНИЯ ГИТЛЕРА

День 11 июня 1941 года выдался ярким, теплым, солнечным, каких мало бывает в Хельсинки.

Около двух часов дня мне позвонил Монах и условно сказал, что надо встретиться, если можно, через час, и назвал место встречи на окраине города в кафе на берегу залива. Когда уселись на открытой веранде, он от волнения с трудом выговорил:

— Война немцев с вами... — и окаменело замолк, но заставил себя продолжить: — Сегодня утром в Хельсинки подписано соглашение между Германией и Финляндией об участии Финляндии в войне гитлеровской Германии против Советского Союза, которая начнется 22 июня, т. е. через 12 дней. Первоисточником этих данных является мой хороший знакомый, участвовавший сегодня утром, в числе других, в подписании этого соглашения. Источнику информации я доверяю с давних пор. Жена с детьми выедет в деревню, а я останусь в Хельсинки. Мы разделим судьбу своего народа. Лично я буду предпринимать все, что возможно, чтобы скорее погасить истребительное пламя войны. На прощание, — сказал он, — прошу незамедлительно послать уведомление Сталину о войне немцев и финнов против Советского Союза, которая нач-

нется 22 июня. Формально финны вступят в нее на четыре дня позже.

Расставаясь, мы обнялись. Мы еще не знали, какой страшной и кровопролитной будет эта надвинувшаяся война для всего мира.

Вернувшись в представительство, я вызвал к себе своего заместителя Ш.У. и рассказал о встрече с Монахом. Через час этого же дня, т. е. 11 июня, в Москву на имя Берии ушла телеграмма «молния», в которой дословно было изложено сообщение Монаха. Утром следующего дня пришло подтверждение о вручении ее адресату, но без всякой реакции на наше сообщение.

Учитывая чрезвычайную ситуацию, собрал весь оперативный состав на совещание, где, не раскрывая сообщения о войне, потребовал от каждого работника участвовать в встречи и ежедневно докладывать о полученной информации. Через каждые два дня в Москву посылалась информация, указывающая на факты скрытой подготовки Финляндии к войне.

Надо сказать, что мы с Ш.У. за месяц до этого по предложению командования военно-морской базы Ханко отправили туда свои семьи на отдых, поскольку пустующих летних дач там было предостаточно. Теперь нам предстояло срочно возвратить их в Хельсинки. Ш.У. возвратил свою семью на следующий день, т. е. 12-го, я же выехал в Ханко после работы 14 июня с тем, чтобы вечером встретиться с командованием базы для беседы о международном положении. Об этом меня давно просил командующий базой генерал Кабанов.

Из Хельсинки выехал в 16 часов. Не доезжая до базы километров пятнадцать, пришлось остановиться — лопнуло колесо автомобиля. Я занялся сменой его. Нельзя было не обратить внимания, что по этой же дороге движется значительное число автомашин с солдатами. За ними следовала артиллерия. Когда я поменял колесо и выехал вновь на дорогу, то уцепился за «хвост» этой колонны и проехал километров десять, пока автомашины не свернули на проселочную дорогу. Это было километрах в пяти от военно-морской базы. Меня подмывало

проехать по этой проселочной дороге. Я так и сделал. Оказалось, что совсем недалеко впереди, на опушке леса, стоял большой походный лагерь какой-то артиллерийской части.

На базу приехал с опозданием на час. Офицеры во главе с командующим базы Кабановым были в сборе и шумно обсуждали какие-то беспокоящие их дела. Свою беседу о международном положении я излагал в тональности неизбежного нападения на СССР Германии и весьма вероятного присоединения к ней Финляндии. В доказательство этого я привел некоторые факты, указывающие на подозрительные действия финской военщины. При этом рассказал о размещении артиллерийского подразделения финской армии недалеко от границы базы, виденного мною, когда ехал к ним.

С их стороны было много вопросов. Они ставили меня в тяжелое положение. Сказать им прямо, что через семь дней немцы и финны выступят войной против Советского Союза и их военно-морская база сразу подвергнется нападению, я не мог в силу огромной ответственности за возможную дезинформацию о начале войны 22 июня. Ведь Москва на мое сообщение об этом не дала никакого ответа. В силу таких обстоятельств ответы на вопросы слушателей давал в плане повышения бдительности, поскольку очумевший от побед в Европе немецкий фашизм может попытаться начать войну и против нас. Отвечая так офицерам, про себя думал, что надо все же сказать хотя бы командующему базой страшную правду, что война уже стоит на пороге и наша мирная жизнь скоро закончится.

После окончания собрания, когда в зале остались командующий базой Кабанов и два его заместителя, я сказал им, что на собрании офицеров всей правды по понятным причинам говорить не мог. Им же должен сказать, что время настолько тревожное, что в ближайшие пять-семь дней гитлеровская Германия и Финляндия начнут войну против СССР.

— Эти сведения я сообщил в Москву. Нынешнее мое сообщение вам сделано только для вас троих.

На прощание сказал им, что приехал за женой и сыном и завтра утром увезу их в Хельсинки, поблагодарил за гостеприимство. В ответ на это Кабанов предложил оставить жену и сына у них на отдыхе, а если наступит война, то вместе со своей семьей он отправит их прямо в Таллинн на турбоэлектроходе «Сталин». Я отказался от предложения, сказав, что вместе легче переносить все испытания. На следующее утро в 11 часов, когда я проезжал мимо штаба командования, морской офицер оставил мою машину.

К машине подошел Кабанов. Он первым делом сказал, что их разведка подтвердила размещение артиллерийских и пехотных соединений вдоль всей линии границы, особенно в местах, открытых для пересечения границы нашими танками.

После начала войны я узнал, что пароход, о котором говорил мне Кабанов, в 20 км от берега Эстонии был потоплен немецкой авиацией и спаслось с него только два человека, вплавь добравшихся до Таллинна и рассказавших о гибели сотен женщин и детей.

Вернувшись в Хельсинки, первым делом выяснил, что из нашего наркомата и Наркоминдела никакой информации не поступало.

Посоветовавшись со своим заместителем, составил новую шифровку-«молнию» на имя начальника отдела Центра, в которой просили срочно сообщить нам мнение Центра о приведении в состояние военной готовности советских учреждений в Финляндии к 22 июня, т. е. дню, на который намечено начало войны с гитлеровской Германией.

И вновь гробовое молчание из Центра.

17 июня собрал всех работников резидентуры и под большим секретом сообщил, что в ближайшие дни гитлеровская Германия может начать войну против Советского Союза. В этой связи нам необходимо привести в порядок все секретные документы и наметить очередность их уничтожения.

Нервное возбуждение нарастало. В субботу 21 июня, я на всю ночь включил радиоприемник и настроил его на Москву. Когда рано утром диктор объявил, что предсто-

ит выступление Председателя Совета Народных Комиссаров Молотова, стало ясно: война началась!

Утром 22 июня Л.Е. принес мне на квартиру листок «Срочного выпуска», где сообщалось о нападении Германии на СССР вместе с Финляндией и Румынией по фронту от Северного Ледовитого океана до Черного моря. В 12 часов дня выступил по радио Молотов, объявивший о начале войны гитлеровской Германии против Советского Союза. Немедленно собрали всех, проживающих в здании представительства.

К собравшимся обратился полпред Советского Союза Орлов, который заклеил вероломное нападение, призвал к спокойствию и организованному сбору для выезда на родину. Не успел Орлов закончить свое выступление, как у него начался тяжелый сердечный приступ, который свалил его в постель до самого приезда в Москву.

Подготовку к отъезду начали в тот же день. Выходу и входу в советское представительство препятствий со стороны полиции пока не оказывалось. Воспользовавшись этим, мы с Ш.У. сели в мою автомашину и выехали в город, где поплутав по улицам и не обнаружив наблюдения, взяли курс на аэродром, чтобы понаблюдать, происходят ли на нем замена гражданских самолетов военными и другие приготовления к боевым действиям. Свою машину поставили на возвышенной части дороги, проходящей в полукилометре от аэродрома, и в течение получаса вели наблюдение. Затем мы заметили, что с аэродрома вперебежку двинулись две группы солдат, — очевидно, чтобы задержать нас. Мы спокойно сели в машину и поехали вперед к ближайшему поселку.

Когда после двухчасового отсутствия мы подъехали к представительству, то увидели, что подходы к нему были перекрыты цепью финских солдат, а входные двери и ворота во двор заблокированы полицейским нарядом. Нас, конечно, пропустили. Оказалось, что во время нашего отсутствия в представительство прибыл шеф протокола МИДа Хаккарайнен и сообщил о запрете советским гражданам выходить в город без разрешения полиции. Хаккарайнен заверил, что продукты для

трехразового питания будут доставляться в представительство солдатами. Свободный выезд в город был разрешен только советнику представительства, т.е. мне, в сопровождении полицейской автомашины.

Через день в здание представительства прибыли начальник консульского отдела МИД и советник шведского посольства. Они объявили о том, что сотрудники всех советских учреждений в Финляндии в течение трех дней должны подготовиться к отъезду на пункт обмена дипломатами, находящийся на болгаро-турецкой границе. Через Международный Красный Крест, оказывается, была достигнута договоренность о том, что в Турции будет произведен обмен всеми работниками посольства и консульств и другим соответствующим персоналом СССР в Германии, Финляндии, Италии и других странах «Оси» на точно такой же персонал. При этом начальник консульского отдела сообщил, что тринадцать советских инженеров, работающих на финских предприятиях, будут задержаны, пока советское правительство не передаст всех финнов, находящихся в тюрьмах СССР за нелегальный переход советско-финской границы. Я, тут же заявив протест против задержания советских инженеров, сказал:

— Пока финская сторона не доставит этих инженеров в представительство для совместной эвакуации, мы не оставим здание представительства.

О сложившейся ситуации рассказал Орлову. Решили послать срочную телеграмму в Наркоминдел Молотову. В присутствии шведского представителя изложили суть случившегося и попросили в качестве ответной меры задержать в Москве такое же количество финнов. Шведский представитель принял телеграмму и обещал послать ее в шведское посольство в Москве для вручения ее Молотову. Мы стали ждать ответа.

Прошло три дня, в представительство явились те же лица, которые были первый раз, но с полицейскими, и потребовали эвакуироваться. Автобусы для посадки уже стояли у дверей. Нам стало ясно — Наркоминдел медлит с ответом.

На предложение финского представителя начать эвакуацию я потребовал немедленного удаления полицейских с территории советского дипломатического представительства на основании права экстерриториальности. Заявил, что до их ухода не намерен обсуждать цель их посещения. Полицейские и представитель МИДа Финляндии растерялись. Первым заговорил швед. Обращаясь к финскому мидовцу, он сказал, что в данном случае финская сторона нарушила международное право, и если не уйдут полицейские, то он откажется от посреднической роли. Таким образом полицейские были выдворены.

После этой небольшой психологической сценки представитель МИДа, уже более спокойным голосом, объявил о продлении срока отъезда из помещения диппредставительства еще на три дня, сказав, что это уже будет последним сроком. Я ответил ему, что если не доставят инженеров, то мы из здания не уйдем.

Эти последние три дня мы прожили в постоянной тревоге. Ежедневно по несколько раз объявляли воздушную тревогу, слышались взрывы наших авиабомб. Мы фактически не выходили из подвала, особенно женщины и дети.

В первый же день подвальной жизни ко мне подошел наш работник и рассказал, что товарищ М., моряк в прошлом, и его дружок К. с утра находятся в пьяном состоянии и балагурят. Тут меня осенила мысль: в одном из отсеков подвала должны находиться представительские водка, коньяк и коллекция вин. Мы быстро поднялись на четвертый этаж к Орлову. Он подтвердил, что кладовая подвала целиком заполнена дорогими винами, водками и коньяками советского и французского производства. Если ее откроют, то быть беде. Любители выпивки могут просто спиться. Приняли решение слить все спиртное в канализацию, оставив 5-6 бутылок в дорогу на случай необходимости в медицинских целях. Когда спустились в подвал, то ключ не потребовался, замок оказался сорванным. В кладовой уже побывали пьянчуги. Позвали М. и предложили ему слить все спиртное в канализацию. Надо было видеть, с какой жалостью и огорчением зани-

мался он этим. Технология уничтожения была проста. М. отбивал в подвале горлышки бутылок и без разбора сливал содержимое в старое ведро. Пока доносил ведро до канализационного люка, расположенного на дворе, он обнюхивал его, цокал языком и тихо плакал горючими слезами. Но отпивать из ведра он не решался. Когда сливал последнее ведро, М. признался, что в юности до революции служил на флоте, где каждый день перед обедом морякам выдавались 100 г водки. Там он привык к алкоголю, но такого коньяка, какой он сливал теперь, — ни разу не пил. Когда ему сказали, что это коньяк марки «Наполеон», он махнул рукой и изрек: «Ну что же, уничтожил «Наполеона», уничтожу и Гитлера!» От такой шутки заулыбались и все окружающие, с интересом наблюдавшие эту процедуру.

В последний день нашего пребывания в здании представительства всем нам пришлось сильно поволноваться и провести бессонную ночь. Примерно в двенадцать часов дня в представительство прибыл начальник полиции Хельсинки и сообщил, что по сведениям, сообщенным в полицию по телефону, в здании советского представительства заложено взрывное устройство большой силы, которое взорвется сегодня в 24 часа ночи. Может быть, это ложное сообщение, но полиция считает необходимым предупредить об этом.

— Что касается нас, — сказал полицейский, — то мы уже начали проверку всего здания по наружному периметру, вам же рекомендуем проверить внутреннюю часть здания, подвалы, дымоходы, гаражи и автомашины, находящиеся во дворе здания.

Это сообщение нас крайне встревожило. Спешно собрал разведчиков, распределили места проверки и, не разглашая причин осмотра здания, начали поиск мины. В темном подвале и на чердаке осмотрели все закоулки, но мины не обнаружили. Оставалось осмотреть несколько дымоходов — они двухметровыми пиками грозно высились над остроконечной крышей здания. Туда и самый ловкий трубочист не сможет добраться без приспособлений. А как же нам залезть туда и посмот-

реть, не опущена ли в дымоход страшная мина? На мой вопрос к собравшимся: кто может совершить восхождение на такую крутизну, все стояли, молча задрав голову, оценивая свои возможности для подвига, но доброхота не оказалось. В это время к нам подошел М., который вчера плакал, сливая «Наполеон» в канализацию. Узнав, о чем мы размышляем, он просто сказал:

— Сбегаю за резиновыми сапогами, возьму лестницу — и мигом осмотрим дымоходы.

Кто-то высказал сомнение, но М., гордо подняв голову, сказал:

— На корабле я лазил по мачтам не на таких высотах, пройтись же по крыше для меня — это то же самое, что прогуляться по палубе.

За двадцать минут он осмотрел все дымоходы, но и там мины не обнаружил. Стали обсуждать, как действовать дальше. Большинством приняли решение: считать провокацией заявление полиции о подложенной взрывчатке. Учитывая такую возможность, что полиция сама подложила с внешней стороны здания взрывчатку и взорвет ее в 24 часа, посланник Орлов дал указание, чтобы находящиеся в здании сотрудники к 23 часам разошлись по квартирам и разместились в комнатах, окна которых выходят во двор здания. Взрыва, к счастью, не произошло.

По-иному проходила эвакуация сотрудников консульства Советского Союза в Петсамо. С первого дня войны северная часть Финляндии управлялась немцами, которые в первый день войны решили скрытно захватить здание консульства, — их интересовала секретная документация. Воспользовавшись сильным туманом, они плотным кольцом окружили консульство и стали ломать входные двери. Двери были дубовые и не поддавались. Тогда трое немцев приставили лестницу к окну второго этажа, где находилась шифровальная комната, и начали выламывать оконную железную решетку. В это время шифровальщик сжигал секретную почту, но печь не работала, и он развел огонь в железной коробке прямо на полу. Бумага горела слабо и сильно дымила. Но как только немец разбил стекло окна, бумага от прито-

ка воздуха вспыхнула ярким пламенем, и немец, увидев это, закричал:

— Пожар! Пожар! — и кубарем бросился вниз. Для шифровальщика хватило пяти минут, чтобы сжечь шифры и другую секретную информацию. Когда была взломана входная дверь в консульство и в шифровальную комнату, вошедшие немцы увидели только пепел да начавший гореть деревянный пол. Огонь был быстро потушен... В отместку они вывели из дома всех мужчин и поставили их лицом к стене с поднятыми руками, женщин заставили собрать домашние вещи, дав всем не более, чем полчаса, их посадили в военную грузовую машину и отправили в Хельсинки.

Когда истек второй трехдневный срок, в здание представительства прибыл начальник полиции г. Хельсинки в сопровождении шведского представителя и потребовал, чтобы советские граждане покинули помещение и начали посадку в автобус. Мы категорически отказались сделать это, пока не будут доставлены советские инженеры. Начальник полиции сказал, что вопрос об инженерах нас не касается, и если мы добровольно не начнем посадку в автобус, то он применит силу. На это требование мы заявили, что только при применении силы мы выйдем из здания и направим телеграмму в Наркоминдел, как обращается с нами финская сторона. Сразу согласовал текст телеграммы с Орловым и вручил шведскому представителю для отсылки в Москву. Применение силы со стороны полиции свелось к тому, что к каждому из нас подходил полицейский, брал за руку и выводил к автобусу. Фактически это было вежливое принуждение к выходу. Насилия не отмечалось, как это было со стороны немцев по отношению к сотрудникам советского консульства в Петсамо. В Хельсинки все сотрудники имели возможность забрать свой багаж без ограничения веса и объема и без досмотра. Процедура эвакуации и размещения в автобусах продолжалась около трех часов.

К вечеру того же дня нас привезли на вокзал и разместили в жестких вагонах с зашторенными белой тканью ок-

нами. Сразу после посадки поезд двинулся на юго-запад в город Турку, куда прибыли поздно вечером. В порту нас пересадили на небольшой пароходик каботажного плавания, также с зашторенными окнами, и без задержки мы поплыли мимо шведских берегов в немецкий порт Свинемюнде. Там нас пересадили в вагоны международного класса «Митропа», в каждом вагоне поставили охрану из гестаповцев и повезли через Берлин на австро-германскую границу.

В Берлин мы прибыли поздно ночью. Кроме нашего поезда на путях стояло несколько эшелонов с новобранцами, отправляющимися на Восточный фронт. Тихая ночь оглашалась их радостными криками, воплями, свистом, трещетками. Все это производило впечатление, будто тысяча чертей веселится, что очередной грешник попал к ним в ад. Живые смертники отправлялись покорять нашу родину. Вдруг все стихло. Оказалось, что прозвучал сигнал воздушной тревоги. Послышался топот подкованных сапог солдат, убегающих в бомбоубежище. Небо осветилось прожекторами, началась стрельба зениток и разрывы тяжелых авиационных бомб. К счастью, ни одна из них не попала на привокзальную территорию. Это был налет английской авиации на промышленные районы северо-западной части Берлина.

Вскоре наш поезд в кромешной тьме двинулся на юг. Австрию мы проезжали в ясный, солнечный день; наш поезд с двумя паровозами то медленно поднимался в Альпы, то по глубокому ущелью быстро спускался в долину, минуя нарядные дома, утопающие в цветущих садах. Какая же благодатная природа в этой стране! От такой ликующей красоты еще тяжелее становилось на сердце от мысли, что спокойная мирная жизнь для нашего народа закончилась, впереди тяжелые дни и большие жертвы.

В конце дня мы пересекли австро-югославскую границу и к вечеру следующего дня наш поезд прибыл в город Ниш, километрах в пятидесяти от югославо-болгарской границы. Здесь наши вагоны поставили в тупике на территории табачной фабрики, обнесенной высоким, же-

лезобетонным забором. Нам было суждено простоять там 23 дня в вагонах при сорокаградусной жаре без права выхода из вагонов даже детей.

По этому поводу мы пригласили к себе шведского представителя и начальника охраны гестаповца Вольфа. Заявили им резкий протест против установления фактически тюремного режима. Подчеркнули, что Германия нарушает международные правила. Мы потребовали ежедневных прогулок для женщин и детей три раза в день по одному часу, мужчинам — два раза.

Гестаповец, в начале беседы хорошо говоривший по-русски, высокомерно и нахально отметил, что их армия уже заняла Смоленск и без сопротивления движется на Москву. Поэтому скоро нам будет некуда ехать и лучше перейти на немецкую сторону, о чем и объявить на весь мир. Посланник Орлов очень плохо себя чувствовал и в начале беседы ушел к себе в купе. На наглое предложение немца пришлось отвечать мне. Кстати сказать, еще в Свиномонде, когда мы размещались в вагонах, заметил, что поведение Вольфа скорее напоминает работу представителя немецкой разведки, чем охранной службы. Его предложение об измене родине всему составу диппредставительства в Финляндии подтвердило мое мнение. Требовался квалифицированный ответ разведчику. Находившиеся со мной Ж.Т. и Ш.У. тоже ждали моего ответа. Я сказал:

— Как нам известно, ваша армия подошла к Смоленску, но не взяла его. А чтобы взять Москву, надо выиграть еще много сражений. Молниеносной войны у вас не получилось. Вспомните, какие надежды возлагал Наполеон на захват Москвы. До этого он имел большое сражение за Смоленск, а следующим было Бородинское сражение, про которое он сам сказал: «Еще одно такое сражение, и я потеряю всю свою армию». Что касается вашей армии, то ей, повторяющей дорогу Наполеона на Москву, придется выдержать еще не одно сражение и контрудары наших войск. Вы выдохнетесь скорее, чем Наполеон, и Москву не возьмете. Кстати, русские закончили тогда войну в Париже...

Сказав это, я взглянул на лицо Вольфа и был поражен, как сильно подействовали на него сказанные мною слова. Я даже не ожидал такой реакции. Его краснощекое лицо стало бледнеть, губы посинели, а глаза стали неподвижны. Он молчал. Шведский представитель и мои товарищи настороженно и удивленно поглядели на Вольфа.

Первая мысль, мелькнувшая у меня, была: наверное, я перегнул палку в рассказе о поражении французов. Сейчас он может проявить враждебность и злобность. Но Вольф стал постепенно приходить в себя, и лицо его приняло прежние краски. Он посмотрел на шведа, на нас и, как бы размышляя вслух, вымолвил два слова:

— Ну что же ... — и, уже полностью придя в себя, сказал, что дети и женщины могут выходить на прогулку около вагонов. Что касается мужчин, то он сообщит об этом позднее. Сказав это, он поднялся и быстро вышел из вагона. Вслед за ним вышел и швед. В купе вагона мы остались одни и стали обсуждать, что же произошло с Вольфом, когда он выслушал мнение советского дипломата о поражении Германии в этой войне. Мы пришли к выводу, что, по всей видимости, Вольфу ни разу не приходило в голову, что фашистская Германия может быть разгромлена. После этой встречи он не заходил к нам в вагон. Через несколько дней им было дано распоряжение о прогулках мужчин два раза в день.

Не могу особо не отметить сердечное отношение к нам югославских рабочих и интеллигенции.

Рабочие и работницы табачной фабрики, на территории которой мы находились, организовали передачу нам ежедневных военных сводок со всех фронтов. Первое время эти сводки заделывали в мундштуки папирос, которые незаметно от охранников вручали нашему человеку, встречавшемуся во время прогулок.

На четвертый день к нам пришел шведский представитель. Он передал телеграмму, подписанную Вышинским, в которой одобрялись наши требования к финским властям в отношении освобождения советских инженеров и сообщалось, что наше правительство продолжает переговоры на этот счет с Финляндией. В этой связи нам при-

дется на несколько дней задержаться в городе Ниш, пока сюда не будут доставлены эти инженеры для одновременного возвращения на родину всех советских граждан.

Не обошлось и без происшествий. На одной из прогулок ко мне подошел наш работник резидентуры из хозяйственной группы представительства Николай Проконюк и сообщил мне о своем намерении в ближайшую ночь бежать к югославским партизанам для совместной борьбы против немцев, оккупировавших Югославию. Один из рабочих табачной фабрики, связанный с партизанами, согласился провести его в отряд, который находится километрах в пятнадцати от Ниша в горах. Мне пришлось дать ему разъяснение об опасности такого шага для всех нас, находящихся в поезде. Даже если это и не провокация немцев и ему удастся бежать к партизанам, то узнав об исчезновении одного человека из вагона поезда, они могут предпринять репрессивные меры против нашего коллектива. Если же его поймают, то арестуют и втихомолку расстреляют. Свое желание бороться против немцев в партизанах он может быстро осуществить, приехав в Москву, где я окажу ему всяческое содействие в этом.

На девятнадцатый день к нам из Финляндии прибыли 13 советских инженеров. Утром следующего дня мы в полном составе выехали на болгаро-турецкую границу. Когда прибыли туда, оказалось, что финны приедут только через день. Складывалась сложная ситуация: где разместить советских людей. Помог шведский представитель. Он договорился с болгарскими и турецкими представителями об отправке женщин и детей в Стамбул, в советское консульство, которое имело возможность поселить их на нашем корабле «Сванетия», стоящем в стамбульском порту. Так и сделали. Мужчин же оставили на месте до размена с финнами. На следующий день на границу прибыли финны во главе с посланником Паасикиви.

Вскоре мы разместились в турецких автобусах, пересекли болгаро-турецкую границу и через несколько томительных часов пути прибыли в стамбульский порт на советский пароход «Сванетия». Там нас разместили в

люксах и номерах высшего класса этого первоклассного корабля, предназначенного для обслуживания туристов.

Капитан «Сванетии», узнав, что мы на следующий день собираемся следовать к нашей границе поездом со многими пересадками на двухтысячекилометровом пути, предложил остаться на корабле, который через два дня выйдет в Батуми и быстро доставит нас на родину.

Однако, зная судьбу турбоэлектрохода «Сталин», мы отказались от любезного предложения капитана «Сванетии», а через два дня сухопутным путем прибыли в Ленинскан. Оттуда через Тбилиси приехали в Москву. Так закончился наш длинный путь возвращения на родину.

В Москве мы узнали о гибели «Сванетии», который уже в территориальных водах СССР на подходе к Батуми подвергся нападению фашистской авиации и был потоплен. Все пассажиры погибли.

На следующий день по возвращении я приступил к работе. Неожиданно ко мне забежал Прокопук и сообщил, что через неделю вылетает на Украину в партизанский отряд Ковпака, но перед этим он хочет вновь вступить в компартию и попросил у меня рекомендацию. Возвратившись на родину из Испании, где он сражался с франкистами, Прокопук в 1937 г. был исключен из ВКП(б) по доносу своих личных противников. К Ковпаку он улетел коммунистом. В партизанском отряде героически сражался с немцами и после окончания войны в Москву вернулся Героем Советского Союза.

С первых минут на работе мне не терпелось выяснить: была ли доложена Сталину информация Монаха от 11 июня о начале войны гитлеровской Германии 22 июня 1941 года. Для выяснения этого я поспешил встретиться с начальником разведки Фитиным. Принял он меня радушно, мы дружески обнялись. Я попросил его ознакомить меня со всеми записками, посланными в Политбюро, составленными на основании материалов, полученных Центром от нас за четыре последних месяца. При этом объяснил

ему, что в нашей информации, полученной от источников Графа, Адвоката, Ахти, Моисея и Монаха, сообщалось, что Финляндия ведет успешные переговоры с фашистской Германией о вступлении в войну против Советского Союза на стороне Германии. Я подчеркнул Фитину, что информация Монаха, переданная мною 11 июня о нападении немцев на СССР 22 июня 1941 года и вступлении Финляндии в войну на стороне немцев, была получена от надежного источника — Монаха и являлась достоверной.

— Твое недоумение, — сказал он, — понимаю, но не могу объяснить. Почему-то Сталин, кому я в последний месяц почти ежедневно составлял и направлял информацию о готовящейся агрессии Германии против Советского Союза, не доверял нашим источникам. Твоя информация от 11 июня в тот же день за подписью наркома была направлена Сталину, но реакции не последовало. 17 июня нарком Меркулов¹⁵ рано утром позвонил мне и предложил срочно подготовить все материалы, полученные от резидентур о подготовке немцев к войне против нас, для личного доклада Сталину в тот же день. Воспользовавшись предстоящей встречей, — продолжал Фитин, — я собрал все шифровки последних дней, в том числе и сообщение Монаха от 11 июня о нападении на нас немцев, чтобы лично доложить Сталину и рассказать об источниках, если потребуется.

К Сталину он и Меркулов прибыли за десять минут до назначенного времени, чтобы иметь время отдышаться и осмотреться. Ровно в 12 часов дня вошли в кабинет, где Сталин, покуривая трубку, медленно прохаживался. Заметив их, он обратился прямо к Фитину и предложил докладывать только суть информации — кто источники и их надежность с точки зрения преданности Советскому Союзу. Сначала Фитин коротко пересказал содержание материалов, полученных из Берлина от моего коллеги накануне вечером, подробно рассказал об источниках его информации, затем почти текстуально доложил телеграмму из Хельсинки от 11 июня, в которой сообщалось о предстоящем нападении немцев и финнов на Советский

Союз 22 июня, добавив, что финские войска уже сосредотачиваются полукругом возле нашей военно-морской базы Ханко, расположенной на юго-западном побережье Финского залива.

Информацию из Берлина и Хельсинки Сталин выслушал, продолжая ходить по кабинету, иногда останавливаясь и внимательно разглядывая докладчика. Когда же Фитин начал характеризовать источники, сообщившие информацию из Берлина, Сталин подошел к нему почти вплотную и заставил подробно рассказывать о каждом из них. Когда информация из Берлина была закончена и выслушаны сведения о каждом источнике ее, Сталин сказал, что эти материалы надо перепроверить через другие надежные источники и лично доложить ему. При докладе информации из Хельсинки Фитин сказал Сталину, что 11 июня источник Монах сообщил о подписании соглашения о вступлении Финляндии в войну против СССР на стороне фашистской Германии, которая начнется 22 июня, Сталин резко спросил:

— Повторите, кто сообщил вашему источнику эту информацию.

— Информация получена Монахом от «П.», присутствовавшего при подписании соглашения с немцами о вступлении Финляндии в войну с СССР на стороне Германии, — сказал Фитин, добавив при этом, что Монах надежный источник.

Других вопросов Сталин не задавал. Наступило молчание. Сталин задумался. Затем, повернувшись лицом к Меркулову, впервые с начала доклада строго сказал:

— Перепроверьте все сведения и доложите.

Меркулов ответил:

— Будет сделано!

Наркому Меркулову вопросов не ставилось. В знак окончания встречи Сталин кивнул головой, и они вышли из кабинета.

Я задал Фитину вопрос, почему Меркулов по ходу его сообщения Сталину не подтвердил, что надежность и преданность берлинских источников и Монаха проверена их прежними сообщениями и дополнительная про-

верка ничего нового не даст, а только зря будет потеряно время. Если бы Меркулов сказал, что донесения нашей агентуры в Германии о нападении гитлеровцев на Советский Союз подтверждаются донесением надежного источника из Финляндии, то этот довод мог бы убедить Сталина и вызвать у него реакцию смертельной опасности.

На это Павел Михайлович высказался в том смысле, что он ждал поддержки Меркулова, но тот стоял по стойке «смирно» и молчал. До сего дня он не может понять, почему нарком отмалчивался. Меркулов мог поддержать его и в той части доклада, где сообщались агентурные данные, полученные нашими работниками К.У. и К.Г. от агентуры в Варшаве о переброске к советской границе крупных воинских соединений, большого количества танков, артиллерии, другой военной техники. От них было также получено агентурное сообщение о нападении Германии в начале третьей декады июня. И в отношении этих сообщений Меркулов мог бы обратить внимание Сталина на близкую дату начала войны. Но он этого не сделал, он молчал, сказал Фитин.

Далее Павел Михайлович по-дружески сообщил мне, что его удивило отношение Сталина к докладу агентурных материалов, в которых ясно и однозначно сообщалось о нападении гитлеровской Германии и Финляндии на СССР 22 июня 1941 года. Слушая его доклад, Сталин проявлял какую-то торопливость, вялую заинтересованность и недоверие к агентам и их донесениям. Казалось, что он думал о чем-то другом, а доклад выслушивал как досадную необходимость.

В заключение своего рассказа начальник разведки со вздохом добавил, что когда услышал о нападении немцев, он был потрясен тем, что оказался беспомощным убедить Сталина в достоверности агентурных сообщений. Когда он несколько успокоился, я высказал ему свое мнение по поводу их встречи 17 июня. В этом разговоре, который должен был остаться между нами, — иначе нам обоим не сносить головы, — я высказал мнение, что большая вина лежит и на наркome Меркулове. Он редко лич-

но докладывал Сталину документы о подготовке немцев к войне, не сообщал об агентуре, о ее возможностях добывать секретную документальную информацию из окружения Гитлера, Геринга¹⁶ и др., не настораживал Сталина о грозящей опасности со стороны Германии. В силу этого Сталин перестал, а может и не начинал, серьезно относиться к информации советской разведки.

Десять дней небольшой срок, но мне до сих пор горько и тяжело осознавать, что сообщение Монаха о нападении гитлеровской Германии и Финляндии на Советский Союз 22 июня 1941 года Сталин проигнорировал...

ЗАДАНИЕ: В НЕЙТРАЛЬНОЙ ШВЕЦИИ РАБОТАТЬ ПРОТИВ ВОЙНЫ

В начале октября 1941 года по решению ЦК ВКП(б) большая группа разведчиков (свыше 100 человек) с семьями были эвакуированы из Москвы в города Куйбышев, Уфа, Ташкент, Алма-Ата, Новосибирск.

Мне предложили выехать в Алма-Ату для оказания консультативной помощи следственному отделу Наркомата республики по раскрытию разведывательной деятельности против СССР трех немецких миссионеров, действовавших из китайского города Кульджа.

При ознакомлении с подследственными и материалами на них оказалось, что это были глубокие старики, десятилетиями работавшие среди китайского населения по обращению китайцев в католическую веру и не имевшие никакого отношения к разведке. Местные работники все же сочли их кадровыми сотрудниками немецкой разведывательной службы и репрессировали их. Как ни старался я убедить следователей, что это только глубоко верующие католики, но не удалось отговорить от расправы над ними.

Второй задачей для меня было изучение скандинавских стран, имея в виду, что в одну из них я буду направлен на работу после окончания войны. К марту 1942

года успел подробно изучить Норвегию и пополнить знания по Финляндии. Неожиданно Москва телеграммой предложила возвратиться в Наркомвнудел и заступить на работу в качестве заместителя начальника отделения по скандинавским странам. В августе 1943 года приказом руководства наркомата мне предложили выехать на работу в Швецию в качестве зам.резидента и дали три месяца на оперативную подготовку к отъезду в страну.

В начале ноября 1943 года я был командирован из Москвы в город Беломорск, временную столицу Карело-Финской ССР, куда из занятого финнами Петрозаводска были эвакуированы все государственные учреждения республики по делам партизан, засылаемых в тыл финских войск. Узнав, что Отто Вильгельмович Куусинен находится в этом городе, решил позвонить ему и попросить встречи в связи с предстоящим моим отъездом в Швецию на работу в советское посольство по делам Финляндии.

Когда дежурный секретарь соединил меня с ним, Куусинен, вспомнив меня, сразу же после приветствий сказал, что сейчас высылает автомашину, чтобы привезти меня как гостя к себе домой, где я могу остаться на все время пребывания в Беломорске. Так и получилось. Два длинных вечера до поздней ночи я имел возможность в вольной беседе узнать мнение о «зимней войне» человека, который волею Сталина стал причастен к подготовке и окончанию ее.

В первый же вечер после ужина мы уселись в мягкие кресла у журнального столика, чтобы выпить по чашке кофе. Воспользовавшись хорошим настроением Куусинена по случаю очередного окружения

Е.Синицын
с первым орденом
«Знак Почёта».
Фото конца 1940 г.

и разгрома немецких дивизий на советско-германском фронте, я сказал ему, что в период моего пребывания в Финляндии после «зимней войны» финские политики буквально атаковали меня вопросами: можно ли было избежать этой войны, кто несет большую ответственность за ее начало и так далее. Надо полагать, что когда я вернусь в Финляндию после ее капитуляции, подобные вопросы мне будут задавать и дальше.

— В этой связи, уважаемый Отто Вильгельмович, прошу прояснить меня, как отвечать финнам на эти вопросы?

— Это сложные вопросы, — сказал он, — но сейчас на них можно полнее ответить, чем в ту ночь, когда мы перед самой войной ехали с вами в Ленинград. Надо сказать, что когда Гитлер к лету 1939 года оккупировал половину Европы и свою армию повернул на Восток, к советской границе, стало ясно, что он приступил к созданию плацдарма для нападения на Советский Союз.

Начавшиеся переговоры с Финляндией показали, что финское правительство упорно сопротивляется подписанию подобного соглашения, и возникло опасение, что Финляндия прервет эти переговоры. На такой случай Сталин, вызвав к себе наркома Ворошилова и Куусинена, предложил им начать подготовку к военному вторжению на Карельский перешеек. Когда Куусинен заметил, что в случае проведения такой акции может выступить Германия совместно с Англией и Францией, Сталин заметил, что Германии опасаться не следует, с ней имеется договоренность. В наши отношения с прибалтийскими государствами и Финляндией она вмешиваться не будет.

— Чтобы этого не сделали Англия и Франция, вторжение надо провести в две-три недели, — сказал тогда Сталин, строго обращаясь к Ворошилову.

В начале ноября, когда правительство Финляндии прервало переговоры и отозвало свою делегацию из Москвы, Сталин пригласил к себе Молотова, Ворошилова и Куусинена. Куусинен рекомендовал послать Финляндии ноту с предложением, чтобы она в ближайшие дни

перенесла линию границы на Карельском перешейке на 25 км в сторону города Выборга, не предъявляя других требований. Сталин согласился с таким предложением, и нота была послана.

— Финское правительство отказалось от такой минимальной уступки, — сказал Куусинен. — Поэтому я считаю, что в «зимней войне», как и в войне против СССР на стороне Германии, повинно правительство Финляндии. На заседании Политбюро, где мы побывали с вами, был утвержден и принят план Сталина о начале вторжения в Финляндию 30 ноября 1939 года. Ворошилов, которого Сталин обязал согласовывать свои действия со мной, говорил, что войну он закончит не позднее, чем через 2–3 недели. На самом же деле оказалось, что Генеральный штаб Красной Армии открыл фронт без необходимой подготовки как по численности солдат и офицеров, так и по оснащенности танками, тяжелой артиллерией, автотранспортом и связью.

Вы же знаете, — продолжал Куусинен со своим типичным финским акцентом в чистой русской речи, — что в результате упорного сопротивления финской армии, неподготовленности наших войск быстрая, в течение трех недель, победа не состоялась. В начале марта 1940 года из секретных источников стало известно, что Англия и Франция решили вступить в войну против Советского Союза на стороне Финляндии и для этого уже подготовили стотысячный экспедиционный корпус. При такой ситуации, на пороге большой войны с Англией и Францией, мы штурмом взяли город Выборг и тем самым понудили Финляндию подписать с нами мирный договор. В силу этих обстоятельств Англия и Франция изменили свои намерения, но и наш план советизации Финляндии по образу прибалтийских государств остался невыполненным, — без сожаления добавил Куусинен.

Чуть позже он сказал, что недавно, будучи в Москве на одном совещании, встретился со Ждановым¹⁷ и Молотовым, и они обменялись мнением о будущей судьбе Финляндии, поскольку победа над Германией не за горами. Там он высказал свою личную точку зрения, что после

войны Финляндию он хочет видеть суверенной демократической республикой, дружественной Советскому Союзу. Однако у Жданова была иная точка зрения.

Когда беседа о Финляндии закончилась, нам принесли чай. Отхлебнув глоток, Куусинен с большой грустью заговорил. Он поведал мне, что когда в 1941 году немцы подошли к Москве и началась эвакуация женщин и детей из столицы, он отправил вместе со школьниками одной московской школы своего внука на один из уральских заводов. Там старших школьников, в том числе и внука Отто Вильгельмовича, мобилизовали на работу в механический цех завода. В цехе было очень холодно и продували сквозняки. Внук вскоре заболел ангиной, а затем крупозным воспалением легких и умер.

— Это сын моей дочери Герты.

Я как мог успокаивал его, говоря, что сейчас в Советском Союзе почти каждая семья переживает утрату родного, близкого человека. Жестокая война не щадит и детей. Немного успокоившись, Куусинен сказал, что поскольку я выезжаю в Стокгольм и после подписания перемирия с Финляндией выеду прямо в Хельсинки на постоянную работу, то он просит меня все им сказанное о смерти внука сообщить Герте по выходе ее из концентрационного лагеря, куда ее запрятали на время войны.

Я, конечно, обещал это сделать, но заметил, что лучше будет, если он сам напишет письмо дочери и сообщит ей трагическую правду о смерти сына, а я постараюсь, насколько можно, облегчить ее горе.

На следующий день он вручил мне письмо.

Подходя к завершению своей оперативной подготовки, я приступил к изучению самой Швеции, где придется работать до выхода Финляндии из войны.

Что же это за страна варягов, которая несколько столетий вела войны с Россией? Я прочитал много книг и дипломатических документов об этой стране, беседовал с учеными, дипломатами и разведчиками.

Особое внимание уделил я историческим разделам об агрессивных действиях Швеции на востоке и юге, начиная с XIII по начало XIX века.

В 1708 году шведские войска вторглись на территорию России, грозя расчленением русскому государству, но в Полтавском сражении 1709 года преобразованная Петром I русская армия нанесла Карлу XII сокрушительный удар. Поражение в этой войне имело своим результатом низведение Швеции на положение второстепенной державы в Европе. По мирному договору 1721 года Швеция утратила все свои владения в восточной и часть владений в южной Прибалтике, а также юго-западную Карелию и Выборг.

Последний раз Швеция воевала с Россией в 1808 году. В 1809 году она заключила мир, по которому вынуждена была уступить России Финляндию и Аландские острова.

Естественно, что в войнах и следующих за ними мирных переговорах большую роль играли разведчики и дипломаты. Особенно следует отметить флигель-адъютанта русского царя Александра I графа А.И. Чернышева¹⁸, талантливого русского разведчика. Он внес выдающийся вклад в установление прочного мира между Россией и Швецией в начале прошлого столетия.

История этого разведчика весьма любопытна. В январе 1810 года император Александр послал Чернышева в Париж с поручением находиться в распоряжении Наполеона в качестве личного представителя российского императора. Чернышев был дружески принят Наполеоном. Воспользовавшись расположением императора, он быстро начал расширять связи среди приближенных к нему сановников: Талейраном¹⁹, Шампаньи, Бертье²⁰, Дюроком, Савиньи.

Чернышев бывал также у любимой сестры Наполеона, принцессы Боргезе, королевы Неаполитанской, вращаясь, таким образом, в самом тесном домашнем кругу императора. Здесь узнавал он все подробности, касающиеся двора, разговоры, мысли Наполеона, остававшиеся неизвестными прочим дипломатам. Чернышеву тем легче было выведывать все придворные тайны, что сест-

ры Наполеона были раздражены появлением новой императрицы Марии-Луизы²¹. Оскорбленное самолюбие склоняло их часто на откровения, имевшие политическое значение. Прикидываясь волокитой и весельчаком, Чернышев был трудолюбив и регулярно посылал в Петербург подробные донесения о политической жизни Франции.

Чернышеву удалось установить доверительные отношения с французским военным министром, от которого получал ценные сведения относительно расписания войск и мест расположения их.

Осенью 1810 года Чернышеву стало известно, что шведские государственные чины избрали наследником бездетного короля Карла XIII французского маршала Бернадотта²², принца Понте-Корво. Чернышев в кратчайший срок успел завоевать расположение принца к себе, считая его потенциальным источником нужной информации.

Почва для будущего сближения России с Бернадоттом была отменно подготовлена Чернышевым. Императору Александру оставалось только довершить столь искусно начатое дело.

По прибытии Чернышева в Петербург граф подробно доложил царю о работе по получению доверительной информации от своих связей из окружения Наполеона. Выразив Чернышеву похвалу и признательность за успешную работу в Париже, царь произвел его в полковники.

Учитывая, что Бернадотт уже переехал в Швецию в качестве наследного принца, император Александр поручил Чернышеву возвратиться к Наполеону через Стокгольм.

В декабре 1810 года Чернышев прибыл в Стокгольм. В тот же день наследный принц выразил ему через министра иностранных дел свою радость по поводу его приезда в Стокгольм и сожаление о невозможности нарушить этикет и принять прежде представления его королю.

Карл XIII принял Чернышева на другой день. Он высказал посланнику Александра искреннее желание еще более сблизиться с Россией и упрочить существовавшую дружбу.

От короля Чернышев в сопровождении русского посла отправился к наследному принцу. Встреча была сердечной и дружественной. За пятидневное свое пребывание в Стокгольме Чернышев имел три продолжительных свидания наедине с принцем. Во время бесед Чернышев получил самые положительные уверения принца в том, что все его желания, вся цель его политики будут устремлены к тому, чтобы сохранить мир и дружбу с Россией. Принц повторил, что дает честное слово, что Швеция не двинется при любых обстоятельствах против России, и ничего не сделает, что могло бы ей быть неприятно.

Перед отъездом из Стокгольма в Париж Чернышев написал императору Александру пространное донесение о положении Швеции, составленное на основании бесед с королем, наследным принцем, министрами, дипломатами. «Я очень счастлив, Государь, что те сведения, о которых я имел счастье доносить Вашему Величеству касательно характера наследного принца, оправдываются. Его Высочество говорил со мной настолько откровенно, что нельзя не признать в его речах отпечатка истины. Это, конечно, не слуга императора Наполеона, я думаю даже, что он будет не долго скрывать это, потому что его заживо затронутое самолюбие сделало то, что он совершенно потерян для Франции. Что же касается его чувств к России, то я осмеливаюсь уверить Ваше Величество, что он честно относится к ней. Наследный принц убежден, что собственные выгоды должны побуждать его искать покровительство и поддержку Вашего Величества, и не замедлит при малейшем знаке с Вашей стороны подчиниться тому, что Вы пожелаете».

Таким образом, разведчик Чернышев положил основание самой тесной дружбе между Россией и Швецией. Эта дружба доставила России в трудную годину 1812 года неисчислимые выгоды.

В нашем XX веке Швеция в войнах не участвовала. В начале второй мировой войны, в сентябре 1941 года, она объявила о своем нейтралитете.

Однако из секретных источников было известно, что еще летом 1940 года шведский Генеральный штаб приступил

к разработке вариантов участия шведских вооруженных сил в войне против Советского Союза.

Уже в апреле 1941 года шведское военное командование было подробно информировано о планах нападения Германии через Финляндию на Советский Союз.

Когда Германия начала войну против СССР, потенциал Швеции был полностью поставлен на службу немцам. Так, например, в 1943 году в Германию из добытых 10,8 млн. тонн железной руды в Германию было вывезено 10,3 млн. тонн. Только благодаря поставкам шведской железной руды Германия полностью обеспечивала себя боевой техникой. Прекрати Швеция поставки этого сырья, Германия не провоевала бы и года.

У шведско-финской границы для нужд вермахта был создан ряд крупнейших складов горючего, продовольствия, фуража. Наконец, Швеция разрешила транзит немецких войск, военных материалов через свою территорию в Финляндию на советский фронт.

Можно ли после всего вышесказанного утверждать, что Швеция в войне гитлеровской Германии против Советского Союза соблюдала настоящий нейтралитет? Помоему, Гитлер вообще не мог бы начать войну, если бы Швеция отказала ему в поставках железной руды. Если судить по справедливости, то Швеция нарушила свой нейтралитет в пользу Гитлера, хотя она всячески отказывалась и отказывается сейчас от этого.

Не явилось ли просчетом руководителей антигитлеровской коалиции, что они не привлекли Швецию в свои ряды?

История — это лишь один из секторов на обширном поле познания страны, в которую я готовился ехать.

Время моего отъезда, назначенного на конец декабря, быстро приближалось. Пошел в Наркоминдел, чтобы получить дипломатический паспорт советника посольства СССР в Швеции и определить дату и маршрут следования в Стокгольм.

Паспорт мне выдали, но сказали, что в нейтральную Швецию, окруженную со всех сторон странами, оккупированными гитлеровцами, можно добраться только

двумя маршрутами — южным или северным. Южный маршрут, как я понял, проходил через Иран, Индийский океан до мыса Доброй Надежды, затем по Атлантике в Англию. Северный маршрут начинался в Архангельске или Мурманске, куда приходили караваны судов под охраной кораблей союзнических ВМС. В Россию и обратно их путь пролегал в высоких широтах Северного Ледовитого и Атлантического океанов, мимо острова Медвежьего и Исландии. Оттуда караваны спускались на обратном пути в порты Шотландии и Англии. И на том и на другом пути имеются опасные зоны, контролируемые немцами. В любом случае необходимо было добраться до Англии, откуда по ночам, над оккупированной немцами Норвегией, английские военные самолеты пролетали в Стокгольм. Если выбрать южный маршрут, то надо учитывать, что над Ираном и северным побережьем Средиземного моря немецкая авиация часто сбивает самолеты антигитлеровской коалиции. Поездка северным путем тоже опасна, так как немецкие подводные лодки и морская авиация регулярно нападают на караваны пароходов, идущих из Англии в северные порты Советского Союза, или следующие обратно.

— Какой бы избрали путь вы лично? — спросил я кадрика. — Где меньше несчастных случаев?

— Не могу ответить вам, все дело в том, как кому повезет, — ответил он.

После такого ответа я не захотел подвергать опасности свою семью и дома заявил, что поеду один, а их оставлю в Москве до окончания войны. Но жена и сын решительно запротестовали. Мы единогласно избрали северный путь, считая, что в случае потопления парохода будет надежда пересечь на спасательные лодки и добраться до берега, в то время как на подбитом самолете спасения нет.

Когда прибыли в Архангельск, нам сказали, что сегодня утром от них ушел последний караван и по случаю замерзания льдов в районе Архангельска порт прекращает свою работу. Нам рекомендовали вернуться в Карелию до пересадочной станции Обозерская и поехать оттуда в

Мурманск, куда караваны судов будут приходить на разгрузку всю зиму. Так и сделали, с трудом добились трех билетов и ночью того же дня поездом отправились в путь. Когда прибыли на пересадочную станцию, то увидели, что желающих ехать в Мурманск оказалось раза в три больше, чем сидячих мест. Что делать? Пришлось пойти к начальнику станции и предъявить дипломатический паспорт, где указывается, что предъявителю его власти СССР должны оказывать помощь, в которой нуждается его владелец. Прочитав это примечание в паспорте, начальник станции, взяв милиционера, повел нас к поезду. Милиционер, с трудом расчищая проход, посадил нас в вагон, но смог освободить только одно место, чтобы посадить жену с сыном. Добыть второго сидячего места и ему не удалось. Поезд с большой перегрузкой ночью двинулся к Мурманску с потушенными огнями, так как проходил зону, простреливаемую финской артиллерией. К утру добрались до Мурманска.

В гостинице разместились с трудом, поскольку накануне был налет гитлеровской авиации на Мурманск. Бомба разрушила крыло гостиницы, и оставшихся в живых гостей пришлось разместить в уцелевшей части ее.

Очередной налет немцев ожидался следующей ночью, но, к счастью, поднялась пурга, и Мурманск спал спокойно. К концу вечера следующего дня нас в сопровождении английского представителя повезли в порт к пароходу, который стоял у самого причала.

Когда мы стали подниматься по трапу на борт парохода, у сынишки с валенка левой ноги сорвалась калоша и упала в воду. Жена тут же без огорчения сказала, что это к счастью: Посейдон получил подарок и теперь будет охранять нас весь путь. Сопровождавший англичанин, знающий русский язык, добавил, что теперь и английские моряки примут нас спокойно, без боязни того, что женщина на корабле приносит беду.

Когда к нам вышел капитан, он дружески приветствовал нас и разместил в одной из лучших кают. Англичанин, сопровождавший нас, уходя сказал, что караван состоит из 60 судов в сопровождении двух эсминцев. Из порта

корабли взяли курс прямо на Северный полюс, чтобы затем у острова Медвежий повернуть на запад, обогнуть с севера Англию и доставить нас в Кардиф, откуда поездом мы доберемся до Лондона.

Ночь на корабле прошла спокойно. Однако вскоре пошел ураганный ветер со снегом, закрывавшим небо и море. Мы оказались как бы в огромной пропасти с бурлящими волнами в 12 баллов. Стоять на корабле было невозможно, сразу валило с ног. Палубу заливало перекатной волной. В каюте запрыгали вещи и стулья. Жена первой пластом повалилась в кровать, и у нее началась морская болезнь. Сын стойко сидел на прочно закрепленном стуле, но и он спустя сутки не выдержал и слег. Один раз мы с ним попытались выйти на палубу, чтобы глотнуть свежего воздуха, но в это время бортовой качкой судно так накренило, что прямо под нами мы увидели пенистое бушующее море. Находившийся рядом моряк быстро помог нам войти внутрь корабля, сказав, что он за всю свою моряцкую жизнь впервые видит такое бушующее чертово пекло.

Вскоре в каюту заглянул капитан. Чтобы обрадовать нас, он сказал, что в такую погоду ни подводные лодки, ни самолеты не могут выйти в поиск. Такой ураган их разламывает. Разумеется, этими словами он вдохнул надежду, что мы благополучно доберемся до Англии.

В порту города Кардиф нас встретил советский консул. Увидев плачевное состояние жены, измученной морской болезнью, он рассказал, что караван из 50 судов и двух эсминцев, вышедший из Архангельска, — тот, на который мы опоздали, проходил тем же маршрутом, как и наш, но только при ясной погоде. В опасной зоне на них напали два звена немецких самолетов и три подводные лодки. Немцы за короткое время потопили 40 пароходов и оба эсминца, на борту которых находились 120 советских морских офицеров, следовавших в Англию для приема у англичан военных кораблей для СССР. Бог морей Посейдон спас нас от смерти.

Все три ночи, которые мы провели в Лондоне, город подвергался многократным налетам немецкой авиации.

«Кусочек» Англии

В последнюю ночь мы не пошли в бомбоубежище, но пожалели об этом, когда услышали чудовищные взрывы. Наконец, на четвертый день документы на вылет были получены, и мы поездом выехали на север Шотландии в город Эдинбург, где в окрестностях находился военный аэродром, приспособленный для полетов авиации в Швецию.

Город Эдинбург, в отличие от сумрачного и безлюдного Лондона, казался оживленным. На скамейках, в скверах и на широких проспектах пожилые люди грелись в ярких не по-зимнему лучах солнца. Погожий день облегчил нашу душу от воспоминаний о тревогах и опасностях, поджидавших нас на всем пути, начиная от Москвы. Присели и мы на скамейку на небольшой площади,

где почему-то было видно множество польских офицеров в форме. Они живо обсуждали какой-то вопрос и держали в руках листок явно экстренного сообщения. Подойдя к одному из них и извинившись за беспокойство, я спросил его на польском языке, о чем так оживленно идет спор. Очевидно, меня выдал акцент. Офицер, окинув меня удивленным взглядом и улыбнувшись, ответил на чистом русском языке:

— Рад встретить русского человека в туманном Альбионе, — затем, показав на газетный листок, он возбужденно прочитал мне, что прошедшей ночью немцы обстреляли Лондон каким-то новым оружием типа крылатых ракет. Мне сразу вспомнились те страшные взрывы, которые мы слышали в нашей гостинице. — Мы опасаемся, — сказал мне польский офицер, — что немцы могут применить такое оружие и на фронтах войны.

В ответ я рассказал ему о взрывах в Лондоне минувшей ночью.

Затем я полюбопытствовал, спросив его, почему он признал меня за русского, ведь спрашивал я его на польском, грамматически правильном, языке, и откуда он сам так хорошо знает русский язык. Назвав себя Тадеушем Плесецким, офицер рассказывал, что отец у него поляк, а мать русская. До войны он много лет работал секретарем военного атташе Польши в Советском Союзе и поэтому в моем разговоре с ним на моем неплохом польском языке уловил интонацию произношения, свойственную только русским.

— Польские слова вы произносите жестче и тверже, чем мы, поляки, — подметил он.

Когда мы возвратились из города в гостиницу, нас встретил там лейтенант воздушных сил Англии и сообщил, что через два часа он увезет нас на аэродром. К этому времени мы должны быть готовы. Когда в назначенное время мы спустились в холл гостиницы, там собралось уже около тридцати человек. Это были те люди, кто должен был лететь в Швецию. Лейтенант достал из походной сумки лист бумаги и начал переключку. Все были в сборе, сели в автобус и поехали в неизвестность.

На аэродроме другой англичанин, в чине капитана, кратко пояснил, что в Стокгольм полетят два самолета с интервалом в час времени. Пассажиры должны сами решить, на каком самолете лететь. Далее он сказал, что полет будет проходить в течение примерно четырех часов через зону, контролируруемую немецкой авиацией — район Северного моря и территории Норвегии, оккупированной немцами.

— В этой связи, — сказал он, — вам нужно снять с себя верхнюю одежду и положить в карман пальто записку с указанием фамилии и имени владельца. Вместо этого вы оденете на себя комбинезон, пробковый жилет и поверх всего парашют — на тот крайний случай, если придется выбрасываться из самолета. Таких случаев у нас не было, но инструкция существует и ее надо выполнять. Когда подниметесь на высоту семь тысяч метров, обязательно наденьте кислородные маски, — повелительным тоном произнес капитан.

После всего сказанного я заметил, что присутствующих охватила тревога, они обмякли, сжались. Взглянув на жену, увидел и на ее лице щемящую грусть. Она вопросительно смотрела на меня широко открытыми глазами, как бы спрашивая, что делать? По правде говоря, тяжелое настроение пассажиров, и в первую очередь жены (сын не понимал, что происходит), овладело и мной. Волнение и беспокойство стало массовым. Стояли как окаменелые, только несколько человек заняли в очередь на первый рейс. Жена тихо спросила:

— На какой самолет нам становиться в очередь?

Я и сам не знал, однако ответил, что, наверное, лучше лететь первым рейсом. Ведь его могут заметить с опозданием и в погоню не полетят, а второй рейс они уже будут поджидать. Жена возразила:

— Если проскочит первый самолет, то вряд ли немцы будут думать, что вслед за первым полетит второй.

Это был разумный ответ. Но она с неохотой согласилась на первый.

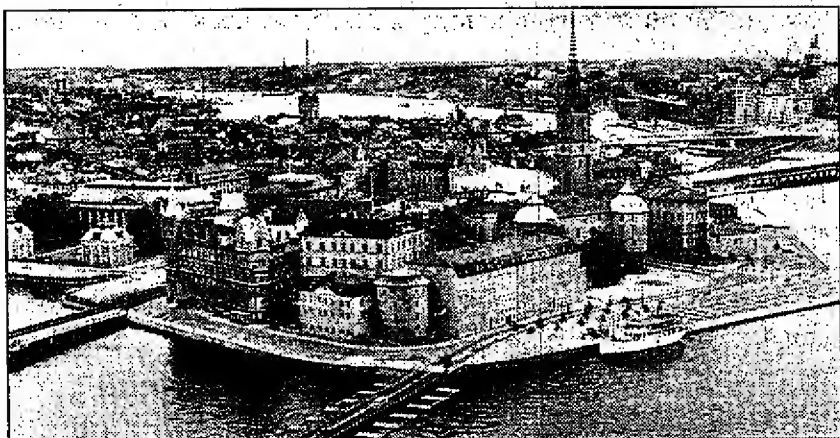
Судьба, однако, пощадила нас. Когда подошла очередь получать амуницию, то оказалось, что комбинезона ма-

лого размера для сына нет. Капитан предложил лететь нам вторым рейсом, а за это время сыну подберут на складе подходящий размер. Мы вышли из очереди, оделись и отошли в сторону.

После взлета первого самолета опять встали в очередь. Переодевание прошло довольно спокойно. Самолет вскоре поднялся в воздух и взял курс на восток. Примерно через час штурман предложил надеть кислородные маски, поскольку самолет поднялся на предельную высоту. Для нас это означало, что мы вошли в опасную зону. Время перелета этой зоны тянулось томительно долго, и когда штурман вышел с улыбающимся лицом, всем стало ясно — мы в безопасности. Раздался невольный крик радости. Штурман объявил, что самолет уже находится над шведской территорией и через час будем на стокегольмском аэродроме.

С самолета сошли словно вновь родившимися, веселыми, радостными. Но сзади раздался какой-то странный шум. Обернувшись, я заметил, что нас обгоняют санитары с тележками, на которых лежат окровавленные люди. На мой вопрос — что случилось? — один из них скороговоркой ответил, что на самолет, недавно прилетевший из Англии, напали два немецких истребителя и обстреляли его. В результате был убит штурман и два пассажира, а трое тяжело ранены. В это время к нам подошел молодой человек и по-русски сказал, что он разыскивает семью из трех человек, которая должна была прилететь из Англии. Убедившись, что это мы, он стал обнимать нас и сказал, что он здесь по поручению посла Советского Союза Александры Михайловны Коллонтай²³. В справочной аэродрома ему сообщили, что самолет подвергся нападению немцев и поврежден, имеются жертвы и среди пассажиров. Когда этот самолет приземлился, он вместе с врачами и санитарями «скорой помощи» бросился к нему, но дверь была прострелена и не открывалась. Ее взломали. Когда вошли, то увидели раненых, убитых и живых, но в глубоком шоке, пассажиров. Он тут же стал разыскивать мужчину, женщину и ребенка.

— К счастью, — сказал он, — вас там не оказалось.

Стокгольм

С аэродрома мы благополучно прибыли в гостиницу. Номер был заранее заказан. Придя в себя от длинного и тяжелого пути, мы благодарили судьбу, что за короткое время она дважды спасла нас.

На следующий день я пришел в советское посольство.

Секретарь Александры Михайловны Коллонтай, жена атташе посольства, сразу провела меня в кабинет. На ходу она предупредила, чтобы я не задерживался у посла, поскольку Коллонтай плохо себя чувствует. Когда вошел в просторный кабинет, то за столом увидел небольшую, сутуловатую старую женщину с лицом, покрытым крупными морщинами. Она сидела на высоком стуле, а рядом с ней стояла коляска, на которой она передвигалась. Ее левая рука неподвижно лежала на столе, а правой она перебирала какие-то бумаги. Я много слышал об Александре Михайловне, о ее уме, красоте, необыкновенном революционном прошлом и бурной жизни. Теперь только яркие молодые глаза напоминали о ее былой красоте. Когда я поздоровался, она улыбнулась половиной рта. С первых же слов я сообщил Коллонтай, что являюсь работником внешней разведки НКВД. Прислан сюда в качестве заместителя резидента под прикрытием первого секретаря посольства. Время моего пребывания в Стокгольме будет зависеть от того, когда будет подписан договор о перемирии с Фин-

ляндией, после чего я выеду в Хельсинки к месту своей работы.

— Таким образом, — сказал я, — основным направлением моей работы в Швеции будет наблюдение и освещение ситуации, складывающейся в Финляндии на этапе войны с ней. Руководство НКВД просит вас оказывать мне в этом деле посильную помощь.

Когда Александра Михайловна услышала, что основной моей целью является работа в пользу скорейшего вывода Финляндии из войны, ее лицо оживилось, морщины разгладились, и она стала приветливее ко мне, чем в начале встречи.

— Что касается моей работы по посольству, то чем больше вы меня загрузите, тем больше обрету я связей среди шведов, которые могут пригодиться нам в будущем.

Мне показалось, что Коллонтай сделала движение, чтобы встать, но паралич левой ноги помешал ей это сделать. Она только огорченно задвигалась на стуле и уже не дребезжащим голосом, а твердо сказала, что рада знакомству со мной и готова оказать мне помощь для быстрого моего вхождения в социальные слои общества, которые меня будут интересовать. Она с горечью заметила, что прошлые представители моей службы игнорировали ее попытки оказать им помощь, и это не пошло на пользу их работе.

Далее я рассказал Коллонтай, что незадолго до «зимней войны» я был послан в Финляндию резидентом и по указанию Молотова должен был немедленно информировать его в случае положительного ответа финнов на ноту-ультиматум от 26 ноября 1939 года. Это ее заинтересовало, и Коллонтай стала расспрашивать меня дальше.

В конце беседы она сказала, что многолетний консул

А.М.Коллонтай

посольства Владимир Мартынович Смирнов уходит на пенсию, оставаясь на постоянное жительство в Швеции. Посол предложила мне стать советским консулом в Швеции. До начала работы в посольстве она дала мне пятидневный отпуск, чтобы Смирнов ознакомил меня с условиями консульской службы в Швеции и, заодно, познакомил бы и со столицей Швеции — Стокгольмом.

— Для вашего сведения скажу, что Владимир Мартынович старый большевик. Он член РСДРП с 1900 года. Его главной работой в партии было обеспечение безопасности Владимира Ильича Ленина и его соратников при поездках их на Запад через Финляндию и Швецию на съезды, конференции, совещания и т.д. Он являлся главным организатором по пересылке нелегальной литературы и оружия с Запада в Петербург.

Такая характеристика Смирнова вызвала у меня особый интерес к нему. Большевика-подпольщика, который, начиная с 1918 года, безвыездно работает в Швеции, наверняка можно будет использовать в качестве «наводчика» на шведов, представляющих для разведки интерес.

Встретились мы со Смирновым на следующий день после беседы с Коллонтай. Из его первых слов я понял, что Коллонтай его уже проинформировала обо мне.

— Шведское общество, — сказал Смирнов, — имеет высокую степень общественного развития. Народ Швеции живет в достатке, в результате чего страна с давних пор избавлена от социальных потрясений. По характеру швед общителен, трудолюбив, честен в общении, доверчив. Договора на большие суммы денег часто заключаются под честное слово партнеров. Шведы — музыкальный народ, любят народные песни и танцы, в том числе и хороводные.

Когда весной 1920 года Красная Армия разгромила войска белых генералов, отношение шведов к Советской России склонилось в пользу заключения торгового договора, который вскоре и был подписан. Примерно в это же время в Швеции было сформировано социал-демократическое правительство, которое возглавил Брантинг, член руководства этой партии.

С приходом к власти правительства Брантинга в стране развернулось движение за признание правительства Советской России. Большую работу для приближения этого события провели левые социал-демократы.

К моменту приезда в Стокгольм Александры Михайловны Коллонтай в качестве посла Советского Союза в 1930 году социал-демократическому правительству и левым социал-демократам удалось притушить враждебное отношение к Советскому Союзу у многих людей, особенно среди интеллигенции. Это позволило Коллонтай расширить круг сторонников сближения с Советским Союзом во всех слоях шведского общества. Помогли ей и старые интернациональные связи социал-демократов Севера Европы, где она провела долгие годы до 1917 года в эмиграции.

Правда, в начальный период деятельности она встрети-лась с некоторыми трудностями. Предрассудки королевского двора, как и высшего буржуазного общества, отношение к ней как к первой в мире женщине-послу, отняли у нее много сил. Несмотря на косые взгляды шведской элиты, Александра Михайловна вскоре завоевала всеобщие симпатии. Много сил и здоровья положила она на то, чтобы улучшить шведско-советские отношения.

— Что касается дальнейшей работы Коллонтай, — сказал Смирнов, — то об этом она сама расскажет вам, когда будет вводить в курс работы посольства.

На этом закончилось моя беседа со Смирновым. Мне было приятно встретиться с человеком, который за долгую работу в Швеции так много сделал для сближения двух наших народов.

На следующий день Смирнов повез меня в министерство иностранных дел, чтобы представить как нового консула советского посольства в Швеции. Принял нас заместитель заведующего консульским отделом «Александр Иванович», — так он просил называть себя при встречах с ним.

После недолгого официального знакомства и разговора по служебным делам я спросил его, откуда он так хорошо говорит по-русски, строго соблюдая лексику и

грамматику этого языка. Александр Иванович улыбнулся и рассказал, что несколько лет тому назад он окончил университет в городе Упсале, где попутно с обязательными дисциплинами изучал и русский язык на филологическом факультете университета. Преподавателем был крупный филолог русского происхождения, который и раскрыл студентам всю красоту звучания и певучести русского языка, подчеркнул Александр Иванович.

Разведчики и члены их семей собирали не только разведанные, но и грибы

На это я ему откровенно высказал свою радость, что с первых дней пребывания в Швеции встретил коллегу по работе с таким отличным знанием русского языка. Я высказал надежду, что это поможет нам решать деловые вопросы в духе взаимопонимания и доброжелательства, а также позволит общаться и не формально. Он одобрил такие контакты.

На мои вопросы Александр Иванович ответил, что больше всего любит Пушкина и Лермонтова, как гениев мировой поэзии. Толстого, Тургенева, Гоголя — как величайших прозаиков. Что касается Достоевского, то он читал его, но без особой охоты, так как тот слишком в мрачных тонах описывает жизнь человека, ее безнадежность и страдания. У Достоевского нет радост-

ных проявлений жизни. Он угнетающе действует на сознание читателя, отметил Александр Иванович. Оказалось, что в музыке он любит Чайковского, Глинку, Даргомыжского. Из художников он назвал Левитана, Репина, Иванова, Маковского. Я был очень доволен тем, что встретил в коллеге высокообразованного шведа, любящего русскую культуру.

Дней через десять раздался звонок телефона. Когда я взял трубку, то услышал голос Александра Ивановича, сказавшего, чтобы я приехал к нему в МИД для важного разговора. По моем прибытии туда он сообщил, что вчера вечером немецкий посол посетил министра иностранных дел и в ультимативной форме потребовал выдать немецкого гражданина Вольвебера, который в настоящее время находится под арестом шведской полиции за нелегальное проживание на территории Швеции. Находясь в Германии, говорил посол, Вольвебер в 1936 году организовал диверсионную группу по потоплению немецких судов, на которых из Германии доставлялась в Испанию помощь генералу Франко²⁴ в его борьбе против коммунистических повстанцев. За эти преступления Вольвебер в свое время был приговорен немецким судом к смертной казни, но от наказания скрылся и сейчас обнаружился в стокгольмской тюрьме.

— По поручению министерства, — сказал Александр Иванович, — полиция провела допросы Вольвебера по существу обвинения его в диверсионной деятельности, где Вольвебер заявил, что это провокация гестапо за то, что он в Германии проводил антифашистскую деятельность. Там же, на допросе, Вольвебер заявил о своем советском гражданстве и потребовал передачи его Советскому Союзу.

— В связи с этим, — сказал Александр Иванович, — министерство иностранных дел Швеции поручило мне через вас довести до сведения Наркоминдела СССР весь этот инцидент с Вольвебером и либо подтвердить факт его гражданства СССР, либо опровергнуть.

— А как вы лично воспринимаете заявление Вольвебера о его советском гражданстве? — спросил я.

Подумав немного, он сказал, что на откровенный вопрос ответит откровенно: война немцев принесла много жертв русским, и он против того, чтобы появилась еще одна жертва.

Поблагодарив его за столь важный для меня ответ, я сказал, что как консул официально прошу министерство иностранных дел Швеции разрешить мне встретиться с Вольвебером, чтобы выяснить вопрос о его советском гражданстве, а кроме того прошу шведские карательные органы не передавать до этого гражданина Вольвебера немцам, а наоборот, принять меры его безопасности в тюрьме.

Выслушав меня, Александр Иванович благожелательно сказал, что о моих просьбах он доложит министру.

На следующий день мне позвонили из стокгольмской полиции и сообщили, что завтра они повезут меня в тюрьму для встречи в течение 20 минут с арестованным Вольвебером.

В тюрьму прибыл в сопровождении полицейского. Меня сразу провели к арестованному. Когда я вошел в камеру, Вольвебер просматривал газеты. Камера была рассчитана на два человека, но в ней находился один арестованный. Должен сказать, что она была обставлена с некоторым комфортом: маленький столик у кровати, пружинная кровать с матрасом, хорошее освещение. В камере чисто.

Встретил меня Вольвебер с холодным интересом, пока я не сказал ему, что я консул советского посольства, и показал советский дипломатический паспорт. Как он обрадовался моему приходу, трудно передать. Он плакал от радости, восклицая: «Я спасен! Я спасен!» Прошло несколько минут, он успокоился и, когда пришел в себя, заговорил на довольно чистом русском языке. Волнуясь, он переходил на немецкий.

Он громко и торжественно заявил, что с давних пор является гражданином Советского Союза. За антифашистскую деятельность нацистский суд Германии приговорил его к смертной казни. Взяв в руки газету и повертывая ее, он быстро написал: «Красная капелла».

Затем, продолжая водить рукой по газете, он сделал вид, что читает мне некоторые строки из нее.

Когда я кивнул головой, подтвердив, что заметил написанное им, Вольвебер попросил меня сообщить о нем в Москву, запросить его паспорт.

Должен сказать, что как только Вольвебер написал эти слова, я вспомнил, что в прошлые годы в Германии с такими позывными работали антифашисты.

Из тюрьмы я сразу поехал к Коллонтай и сказал ей, что мне надо срочно сообщить в НКВД о случившемся с Вольвебером.

Коллонтай задумалась и затем спросила:

— Что совершил Вольвебер такого, что немцы упорно добиваются его выдачи для расправы?

Я рассказал Александре Михайловне эту довольно давнюю историю. Когда Германия в 1936 году вступила в войну на стороне генерала Франко в Испании, все прогрессивные силы мира выступили против немецкого фашизма, посылавшего в Испанию оружие. Антифашистские силы в самой Германии создали группу по срыву поставок оружия для Франко. В эту группу были включены специалисты по изготовлению электромагнитных мин и установщики этих мин на кораблях, перевозивших оружие. Возглавил эту группу опытный моряк Вольвебер. Когда в 1936 году эта группа приступила к действию, то каждый пятый корабль, следовавший из Германии в Испанию, вдруг в открытом море, далеко от берегов, взрывался, а моряки спасались на шлюпках. Так продолжалось около двух лет, и немцы никак не могли выяснить причину гибели пароходов.

Когда гестапо случайно удалось напасть на лабораторию по изготовлению таких мин, Вольвебер и большинство его группы успели бежать в Норвегию. Из Норвегии, оккупированной немцами, Вольвебер нелегально перебрался в Швецию, где его и арестовали. Такова суть этого дела...

Я составил телеграмму в адрес руководства НКВД с изложением сути проблемы и попросил срочно выслать советский паспорт на имя Вольвебера. Я просил также дать

указания Наркоминдела Коллонтай, чтобы она посетила министра иностранных дел и потребовала передачи Вольвебера Советскому Союзу. Телеграмму послал «молнией».

В Стокгольме события развивались своим чередом. Вернувшись от министра иностранных дел, Коллонтай пригласила меня к себе и рассказала, что, по словам министра, если Советский Союз не представит доказательств, что Вольвебер является гражданином СССР, шведское правительство будет вынуждено передать его немцам.

— Вольвебер, — сказала Коллонтай министру, — является советским гражданином, и через несколько дней я представлю юридическое доказательство, сделав при этом официальное заявление шведскому правительству.

Мне же Коллонтай сказала:

— После Сталинграда шведы стали много сговорчивее, и они отдадут нам Вольвебера.

День спустя получил срочную телеграмму из НКВД. В ней говорилось, что Вольвебер известен, его паспорт советского гражданина первым самолетом будет мне переслан. Эту весть тут же сообщил Коллонтай и как на крыльях помчался в МИД.

Через день, за три часа до взлета самолета, в советское посольство прибыли два полицейских, которые вместе со мной отправились в тюрьму. Там на Вольвебера надели наручники и доставили его к трапу самолета. Наручники были сняты, когда он вступил в самолет. Через 20 минут машина взлетела, взяв курс на восток.

Завершилась эта история тем, что по прибытии в Москву Вольвебер стал одним из руководителей антифашистского фронта и до конца войны работал среди немецких военнопленных. Уехал он в Германию сразу после образования ГДР.

Когда несколько лет спустя я, волею судьбы, был направлен в Берлин резидентом для ведения разведки в Федеративной Республике Германии (ФРГ), то в лице министра ГДР Вольвебера встретил доброго товарища и друга.

Через две недели Коллонтай позвала меня для продолжения беседы, начатой во время первой встречи.

Воспользовавшись добрым отношением к себе со стороны Коллонтай, я попросил ее рассказать, почему дипломаты посольства жалуются, что им трудно проникать в высшие сферы шведского общества, чтобы устанавливать там полезные связи.

— В чем корни этого явления? — спросил я.

— Начну с того, — ответила Александра Михайловна, — что вы первый, кто обращается ко мне за советом по такому важному вопросу деятельности дипломатического корпуса. В двух словах ответить на него трудно.

В процессе завязывания связей возникают ситуации объективные и субъективные. В первые годы моего пребывания в Швеции был сильно распространен антисоветизм, и встреча советского человека со шведом была весьма затруднительна.

Далее она поведала, что когда начинала завязывать связи, то немногие отваживались приходить в советское посольство. Представители политической и буржуазной элиты вообще избегали контактов с советскими людьми. Требовались большие усилия, чтобы преодолеть их антипатию к Советскому Союзу. Правда, было одно исключение, когда швед охотно приходил в посольство. Это тогда, когда с нашей стороны ему предлагалась выгодная сделка. Шведы любят торговать и охотно торгуют продуктами своего труда. Каждый швед — коммерсант. Их девиз в жизни — накопительство. Поэтому Швеция была одной из первых стран, которая вступила в торговые отношения с Советской Россией.

Коллонтай напомнила мне историю, как в тяжелые годы гражданской войны в России именно шведы поставили «тысячу паровозов для Ленина».

— Однако, — сказала Коллонтай, — названные трудности вовсе не означают, что в высшие сферы невозможно проникнуть. Можно, но для этого дипломат должен быть хорошо подготовлен в области государства и права, быть способным экономистом и обязательно знать шведский язык. Без этих качеств дипломату в Швеции делать нечего. По себе могу сказать, что пока не освоила швед-

ский язык, со своими немецким, английским и французским было очень трудно устанавливать связи.

Советские дипломаты должны быть внешне представительными, эрудированными и высокообразованными, — продолжала Коллонтай. — Не зря Екатерина Великая на дипломатическую службу предлагала посылать умных, стройных, высоких, лицом красивых и пьющих умеючи.

На тот период времени, пока вы не выедете в Хельсинки, — продолжала Коллонтай, — рекомендую вам попытаться проникнуть в социал-демократическую партию и торгово-экономические круги. В этом я готова оказать вам помощь, и увидим, что из этого получится.

Я поблагодарил ее за полезные советы и оказание помощи. Затем сказал, что хочу доверительно проинформировать о судьбе ее личного архива, доставленного в НКВД предыдущим резидентом, когда она в тяжелом состоянии находилась в больнице. Я знал, что этот архив был по сути дела выкраден у нее из-под больничной кровати, поскольку мой предшественник полагал, что такое же может сделать и шведская спецслужба, чтобы прочитать совершенно уникальные заметки старого деятеля большевиков и ее характеристики партийных коллег. Когда личный секретарь Коллонтай Эмми Лоренсен вынуждена была рассказать больной Александре Михайловне об этом неприятном происшествии в больнице, Коллонтай очень переживала и огорчилась.

— Поскольку я в Центре руководил разведкой по скандинавским странам, то два ваших чемодана — один большой, второй поменьше, поступили к нам в отделение с поручением наркома Берии: прочитать содержимое от первой до последней строчки и письменно доложить ему о прочитанном.

Откровенно говоря, такое приказание Берии означало, что я должен изучить ваш архив на предмет вашей политической благонадежности. Не скрою, — сказал я, — что ваши мемуарные материалы прочитал с большим интересом и ничего в них не обнаружил такого, что бы представляло интерес для Берии.

Мою докладную записку начальник разведки Фитин направил Берии и позднее сказал мне, что с ней ознакомлен Сталин.

Вскоре я получил указание сложить материалы назад в чемоданы, как они лежали при вскрытии их, опечатать чемоданы сургучными печатями НКВД и отвезти их в Институт Маркса-Энгельса-Ленина, где сдать в архив на хранение. Так и было сделано, сказал я Александре Михайловне. Она, волнуясь, протянула мне свою морщинистую руку:

— Спасибо за рассказ об архиве и за то, как вы доложили о нем Берии. Теперь я, наконец, буду спокойна! А то чего я только и не думала...

Я был рад, что хоть одна забота свалилась с ее старческих плеч.

СЕКРЕТНАЯ ВСТРЕЧА КОЛЛОНТАЙ И ПААСИКИВИ

Рано утром 10 февраля 1944 года Коллонтай позвала меня к себе на квартиру в здании посольства и при этом заметила, что речь пойдет о моем деле. Это означало, что надо ехать немедленно.

Когда мы встретились, она рассказала, что недавно один из богатейших промышленников Швеции Валленберг выезжал в Финляндию, чтобы убедить финнов начать переговоры с Советским Союзом о перемирии. Вчера он вернулся и сообщил, что вскоре в Стокгольм придет представитель Финляндии Паасикиви. Он будет иметь поручение своего правительства выяснить условия выхода Финляндии из войны. Первая неофициальная встреча с ним намечается на 16 февраля. В этой связи она попросила коротко сказать, что мне известно о Паасикиви.

— О Паасикиви, как и о вас, Александра Михайловна, можно написать несколько книг, но сейчас о нем скажу кратко.

На это мое высказывание она мило улыбнулась.

— В дореволюционные годы, — начал я, — Паасикиви окончил юридический факультет Петербургского университета. Политикой стал заниматься с юношеских лет. Всю свою жизнь примерялся, чтобы поставить Финляндию под защиту какой-либо мощной державы, не исключая при

этом и СССР. Много раз в составе финской делегации принимал участие в переговорах с Советским Союзом в довоенное время и на этих переговорах занимал компромиссную позицию. Несколько раз встречался с Молотовым и Сталиным, они с уважением относились к нему.

Первая встреча с Паасикиви состоялась 16 февраля в условиях строгой секретности. Он заявил на ней официально, что уполномочен финским правительством выяснить условия советского правительства относительно прекращения Финляндией военных действий и выхода ее из войны. Во время беседы финн вел себя сдержанно и с достоинством. По словам Коллонтай, она все же решила вызвать его на разговор по нынешней ситуации воюющих сторон. Мало-помалу Паасикиви разговорился, стал ругать немцев за то, что те втянули Финляндию в войну против России без согласия большинства финнов.

— Мне не пришлось, — сказала Коллонтай, — долго убеждать его, что Финляндия зря вступила в войну с нами.

На этом они и расстались до 19 февраля 1944 года, когда была назначена дата передачи ответа советского правительства об условиях перемирия. Кстати говоря, сказала Коллонтай, этот ответ она уже получила из Москвы. Александра Михайловна предложила мне внимательно ознакомиться с этим документом. Организацию встречи, сказала мадам посол, она поручает советнику В. Семенову и мне с таким расчетом, чтобы к вечеру 19 февраля все было готово для приема Паасикиви.

Первое, с чего я начал — это ознакомился с условиями перемирия. Вот какими они были:

- ◆ Разрыв отношений с Германией и интернирование немецких войск и кораблей в Финляндии, причем, если Финляндия считает эту последнюю задачу для себя непосильной, то Советский Союз готов оказать ей необходимую помощь своими войсками и авиацией.
- ◆ Восстановление советско-финского договора 1940 года.
- ◆ Немедленное возвращение советских и союзных военнопленных, а также советских и союзных лю-

дей из гражданского населения, содержащихся в концлагерях или используемых финнами на работах.

- ♦ Вопрос о возмещении убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией советской территории, был оставлен до переговоров в Москве.
- ♦ Вопрос о Петсамо также оставлен до переговоров в Москве.

Москва предписывала заявить Паасикиви, что если финское правительство согласно немедленно принять эти условия, советское правительство готово встретить в Москве представителей Финляндии для переговоров о заключении конкретного соглашения.

В интересах конспирации передача условий перемирия состоялась 19 февраля за городом, в санатории курортного района «Сальшебаден», где Коллонтай проходила курс лечения.

В тот день мы с Семеновым прибыли в санаторий к вечеру в качестве посетителей больной. Нашему приезду она обрадовалась, заметив, что очень скучает в этих апартаментах, хотя и условия лечения здесь прекрасные. Мы сказали ей, что комнаты для нас слева, а для Паасикиви справа от ее апартаментов подготовлены. Нас она может вызвать к себе в любое время, нажав на кнопку, которая находится у двери, выходящей в парк. Один звонок будет означать — вызов Семенова, два — вызов меня, пояснял я.

Подошло время ужина, Коллонтай пригласила официанта и сделала заказ на три персоны. Когда вкатили тележку с огромным подносом, уставленным тарелками с едой, мы с Семеновым удивились обилию холодной закуски. Коллонтай тут же успокоила нас, сказав, что за холодные закуски в Швеции не платят, а их большое разнообразие дается для выбора каждому по своему вкусу. В половине одиннадцатого мы с Семеновым ушли в свою комнату и стали ждать Паасикиви. Ровно в одиннадцать он вошел в санаторий. Я встретил его в вестибюле. Паасикиви крепко пожал мне руку и сказал:

— Господин советник, не странно ли, что судьба сводит нас в тяжелые времена для наших стран? В начале войны нас обменяли на болгаро-турецкой границе, а сегодня мы встречаемся в Стокгольме в интересах мира между нашими странами?

— Судьба бывает и милостива. Не все же нам воевать, — ответил я.

— Дай-то Бог! — вздохнул он.

Беседа двух уполномоченных государственных деятелей длилась полчаса. Вышел Паасикиви от Коллонтай, как мне показалось, весьма довольным. Через пять минут Александра Михайловна звонком вызвала нас к себе и рассказала о беседе с Паасикиви. В начале она познакомила его с условиями перемирия. Паасикиви напряженно, молча слушал их пункт за пунктом. Когда Коллонтай закончила чтение, он долго сидел в такой же позе, задумчиво опустив голову. Чтобы прервать молчание, она сказала ему, что не ожидала таких мягких условий перемирия. Ведь одно из главных

Дипломат — он и в лесу дипломат

условий его — это всего лишь восстановление советско-финского договора 1940 года и отвода финских войск к границе 1940 года. Какая страна-победительница предложит почти побежденной стране такие условия без ее оккупации!

Паасикиви, подняв голову, расстроено сказал ей, что его правительство прочно связало себя с Германией и, к

сожалению (так и сказал), все еще рассчитывает на их общую победу над Советским Союзом.

Это будет, по его мнению, главным препятствием к заключению перемирия на предъявленных условиях.

Дней десять спустя, когда в Финляндии стали известны советские условия перемирия, то вокруг этих предложений в стране развернулась острая борьба. Гитлеровская Германия применила «выкручивание рук», и финское правительство с согласия парламента 17 марта 1944 года дало отрицательный ответ на советское предложение о перемирии. Финские реакционные силы все еще надеялись на победу.

Советскому Союзу при таком ответе ничего не оставалось, как мощными ударами на Карельском перешейке и в Южной Карелии разгромить финскую армию, освободить всю северную часть Ленинградской области, все занятые районы в Карело-Финской республике. Только такой разгром финской армии заставил правительство Финляндии 25 августа 1944 года просить Советский Союз о перемирии...

ЛЮБОВНАЯ ДРАМА И ЛЮБОВНЫЙ ФАРС В ШВЕЦИИ

Весной 1944 года один из наших разведчиков зашел ко мне и рассказал следующую историю.

Один промышленник средней руки месяц тому назад устроил торжественный ужин в своей загородной резиденции для советских дипломатов во главе с Коллонтай. В их числе поехал и Р., как переводчик шведского языка. Со стороны хозяина присутствовали только многочисленные члены семьи и родственники. В их числе была девушка лет 18–19, поразившая Р. своей красотой. Ему показалось, что девушка, глядя на него, призывно улыбалась своими большими голубыми глазами.

Надо сказать, что Р. стоил такого внимания. Он был выше среднего роста, спортивного склада, блондин с серыми глазами. Словом, соответствовал всем тем качествам, которые требовала Екатерина II при приеме на дипломатическую службу.

— Когда ужин кончился, — сказал Р., — все вышли в гостиную, чтобы поговорить за чашкой кофе, а девушка подошла ко мне и, взяв за руку, увела в сад. Отойдя в сторону от веранды, она, прижавшись ко мне, первая начала меня целовать, нашептывая, что влюбилась с первого взгляда.

Конечно, девушка очень понравилась ему, и он от ее поцелуев не уклонялся. Возвращаясь в дом, она взяла с

него слово встретиться с ней в ближайшее время без присутствия посторонних. Он дал согласие на встречу.

Теперь Р. хотел посоветоваться со мной, идти ему к ней или отказаться, поскольку и на этот раз без поцелуев не обойдется.

— Когда она обнимает и целует, то я чувствую, что она вся прилипает ко мне. Откровенно говоря, я боюсь, что не устою от ее ласки, — заключил он свою исповедь.

— Не мне тебе говорить, что интимная связь с иностранкой не рекомендуется. Однако в твоем случае не пойти к девушке, которой ты это обещал, было бы камством. Тебе, конечно, надо пойти и сказать ей, что у тебя в Москве невеста и поэтому ты считаешь дальнейшие встречи невозможными.

— Я согласен, другого выхода нет, — ответил Р.

После встречи с девушкой он снова пришел ко мне и рассказал, что на этой встрече она вела себя как и в первый раз — начала с поцелуев, повторяя: люблю, люблю. Потом она вполне серьезно сказала о своем желании выйти за него замуж и готовности поехать с ним хоть на Северный полюс. Для начала они могут тайно обвенчаться, отец очень любит ее и, узнав об этом, простит прегрешение.

— Какой ты видишь выход из этой истории? — спросил я молодого человека.

— Я думал над этим и пришел к выводу, что лучше всего — это мой отъезд в Советский Союз, и чем скорее, тем лучше, — ответил Р.

Мне его ответ понравился, так как и мои размышления вели к такому решению проблемы. Перед тем как писать в Центр о случившемся с Р., решил переговорить с Коллонтай и выяснить ее мнение.

Когда она узнала, кто отец этой девушки, то сказала, что это один из крупнейших промышленников Швеции. Было бы несчастьем, если бы его дочь и наш атташе посольства совершили подобную авантюру. Она думает, что отец не даст согласия на ее брак с советским гражданином.

— Как вы думаете поступить в этом случае? — спросила она.

— По-моему, Р. надо отозвать из Швеции и немедленно.

— Я считаю, что это единственный выход из создавшейся ситуации, — подчеркнула Коллонтай.

Телеграмма была послана. Через два дня мы получили согласие на откомандирование атташе посольства в Москву. В тот же день пригласил к себе Р. и объявил о согласии Москвы на его отъезд на родину.

Вернувшись с последней в их жизни встречи, Р. рассказал, что когда сообщил о своем отъезде на месяц в Москву, девушка расплакалась, повторяя: это конец... это конец, мы больше не встретимся.

Через три дня после их встречи Р. улетел в Москву. Обратно он не вернулся.

Конечно, в этой истории мог быть и другой конец, если бы наша разведка решила породнить разведчика с крупнейшим магнатом Швеции, но кто знает, чем бы все это кончилось...

В конце апреля 1944 года из Москвы поступило указание, чтобы в определенном месте и в назначенное время я провел встречу с человеком, который, возвращаясь из Финляндии, сделает остановку на один день в Стокгольме. Он передаст мне информацию о военной и политической обстановке в Финляндии, полученную им. Местом встречи называлась квартира нашего разведчика Г. Меня это крайне удивило, и я пошел к резиденту для объяснения. Заявил ему, что считаю недопустимым подвергать себя опасности расшифровки перед шведской контрразведкой. Ведь квартира Г. и сам он наверняка находятся под наблюдением «наружки». В этой связи мы подвергаем провалу и весьма ценного источника информации.

— Как же вы могли сообщить Центру место встречи, не переговорив со мной? — спросил я резидента Т.Т. — Здесь, в Швеции, мы имеем весьма опытную контрразведку. Я недавно решил проверить, нахожусь ли под на-

ружным наблюдением, и пошел в город, наметив целью посещение одной картинной галереи. Вначале даже не предпринимал попытку проверки, идет ли за мной «наружка», но как только начал проверять, то обнаружил, что меня «ведут» два «наружника» — один шел за мной метрах в ста, а другой следовал по параллельной улице, наблюдая мой проход на углах переулков, соединяющих эти улицы. Это весьма хитрый и опасный для нас метод слежки. Когда я зашел в картинную галерею, то минут через десять в нее зашел тот, который «вел» меня с параллельной улицы. Сейчас, — сказал я резиденту, — изменить место встречи нельзя, и поэтому провести ее должен хозяин квартиры.

Резидент пригласил к себе Г. и сказал, что в интересах безопасности ему следовало бы встретиться с приезжим. Тот категорически отказался, сославшись на указание Москвы о том, кто должен провести встречу с источником. Короче говоря, пришлось идти мне. Чтобы ввести в заблуждение портье дома, я купил огромный букет роз, коробку конфет и пошел к смазливой жене Г. в его отсутствие. Когда вошел в дом, портье возился с чем-то и, бегло взглянув на меня, не спросил, к кому я иду. Это уже половина удачи. Через час, как было условлено, пришел источник и, когда я спросил его о портье, ответил, что его на месте не было. Это уже победа. Хозяйка поставила нам кофе, а сама ушла в другую комнату.

Собеседник рассказал, что происходило в финских политических и военных кругах с февраля 1944 года, когда Паасикиви получил у Коллонтай условия перемирия, которые вскоре были опубликованы во всех газетах, и до резкого вмешательства Гитлера, требовавшего прекратить переговоры с СССР. Маннергейм и Рюти гарантировали немцам, что Финляндия до конца дней будет воевать на стороне Германии.

Как стало известно источнику из верхушки генералитета, финны увеличили в три раза закупки оружия, боеприпасов, военной амуниции в Швеции. Разговоры о перемирии — это ширма, прикрывающая настоящие агрессивные силы Маннергейма и Рюти. Их можно при-

нудить к переговорам о перемирии только разгромом основных сил финской армии, сказал в заключение встречи собеседник.

Придя в посольство, составил телеграмму в Москву, где изложил результаты встречи с источником. Замечаний из Москвы не поступило, но дальнейшие события показали, что эта информация была учтена...

В конце мая меня пригласила Коллонтай и рассказала, что журналист из социал-демократической газеты на целую полосу расписал, как женщины из высшего общества Швеции снимают дачи вокруг лагеря интернированных советских офицеров-моряков и под предлогом работы по дому приглашают их для любовных дел.

— Конечно, — сказал я, — черт с ними, с этими потаскухами, важно переговорить с офицерами и предупредить их от возможных провокаций. В этой связи мне бы стоило поехать в этот лагерь и по возможности разобратся на месте.

Коллонтай согласилась с этим, и на следующий день, как консул СССР в Швеции, я выехал в лагерь.

Принял меня начальник лагеря, морской офицер шведской армии, весьма настороженно. Я объяснил ему, что я советский консул и имею поручение посла ознакомиться с условиями содержания интернированных советских моряков, выслушать их претензии по поводу отношения к ним со стороны шведской администрации. Начальник лагеря не возражал против этого и разрешил встречу с нашими моряками в группе не больше трех человек. Тут же он распорядился пригласить ко мне трех старших офицеров, которые поддерживают распорядок в лагере. Вскоре эти три моряка появились. Они отработовали, что по званию являются капитанами третьего ранга, что по-сухопутному означает майор.

Я спросил их — знают ли они о шуме в стокгольмской прессе в отношении любовных проделок некоторых шведских женщин с советскими моряками, работающими вне предела лагеря? Задав вопрос, предложил выйти на свежий воздух, поскольку в помещении тяжело ды-

шать. Офицеры поняли мой намек, и мы вышли на действительно благоухающую природу. Конечно, чужие уши нам были ни к чему.

Ответить на мой вопрос вызвался А.Б. Он сказал, что эти слухи известны каждому моряку лагеря. К несчастью, сообщения газет имеют некоторое отношение к ним, правда, не в таких масштабах, как сообщают газетчики. Нам известно всего три случая, имевшие место осенью прошлого года, сказал А.Б.

Одну из таких историй рассказал друзьям инженер-механик. Как-то под вечер он проходил мимо садовой клумбы, на которой сидела и ежилась от боли хозяйка дома. Она попросила ей помочь. Он поднял ее на руки, и, когда опустил на крыльце, то она потянула его на себя. Словом, он не устоял. Двух других моряков женщины столь же хитрой инициативой склонили к сближению. Одна из этих женщин просила у моряка сотворить ей ребенка из-за неспособности мужа сделать это. Моряк, кажется, успел в этом, но помалкивает. Во всех трех случаях женщины жаловались на своих мужей, обвиняя их в холодности.

— А как остальные моряки? Безгрешными ходят на работу, ежедневно, ежечасно встречаясь там с красивыми шведками? — спросил я.

— Признаний было всего три, — ответил капитан. — Возможно, их было и больше, но мы никого не понуждали к признанию по поводу их взаимоотношений с женщинами.

— Вы не допускаете, что вражеская разведка может специально подставлять женщин, чтобы последующим шантажом и угрозами вербовать наших моряков, особенно офицеров?

— На этот счет мы предупреждали, что такие попытки противник может предпринимать и чтобы они были бдительны. Мы верим, что наши моряки ведут себя достойно, — ответил А.Б.

Со своей стороны рассказал старшим по лагерю офицерам, что мой приезд вызван обращением журналиста буржуазной газеты к советскому послу Александре Ми-

хайловне Коллонтай с просьбой разрешить ему посетить лагерь моряков для встречи с ними.

— Она полагает, что допускать кого бы то ни было из шведов в лагерь советских моряков не следует без ее на то согласия, и просила, чтобы вы имели это в виду при любой попытке проникнуть к вам. Если лагерная шведская администрация будет навязывать вам такую встречу, требуйте приезда представителя советского посольства в лагерь для урегулирования конфликта.

Мои собеседники были довольны таким решением Коллонтай.

Перед отъездом встретился с начальником лагеря, шведом, и просил его, чтобы он пресекал всякие попытки посещения советских моряков без согласия на это советского посла.

— Так есть, так будет и впредь, — сказал он.

Поблагодарил его за соблюдение международного закона о лагерях для интернированных и пожелал соблюдения их и в дальнейшем. Затем я встретился со многими моряками. У них было хорошее настроение и высокий моральный дух. Все они жаждали скорейшей победы и возвращения на Родину.

Провожать меня до автомобиля вышли все моряки лагеря, скандируя: «Смерть фашизму! Да здравствует Советский Союз!»

По возвращении я пошел на доклад к Коллонтай.

Коллонтай не осуждала советских моряков за их интимную связь с женщинами, считая последних виновниками в этом. Мои действия в лагере она одобрила.

На лагерной истории, раздутой газетами, можно было бы поставить и точку, если бы это событие не аукнулось в Стокгольме.

Месяца через полтора после тех событий ко мне зашел военный разведчик и рассказал, что бывая на дружеских встречах в шведских семьях, он обратил внимание на предпочтительное к нему внимание жен своих коллег. Еще до танцев соседка по столу обращала свое внимание к нему до такой меры, что ему было неудобно перед собравшимися. Когда начались танцы, то и другие

женщины не оставляли его своим вниманием. Что касается соседки, то она в танце вешалась ему на шею до неприличия.

Вскоре после этой беседы ко мне пришел разведчик нашей резидентуры и тоже рассказал, что с недавних пор знакомые ему шведки начали проявлять к нему повышенный интерес, хотя раньше он не вызывал у них никаких эмоций. Он тоже считал, что это эхо событий в лагере моряков...

МИЛЛИАРД ШВЕДСКИХ КРОН НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОССИИ

На одном из докладов у Коллонтай она сообщила мне, что через неделю в посольстве она дает обед некоторым промышленникам и банкирам, которые принимали участие в займе Советскому Союзу. На этот обед она приглашает и меня, чтобы я постарался познакомиться с представителями делового мира. При этом рассказала историю получения этого займа.

Месяц тому назад от Молотова пришло указание о желательности получить у шведов заем в размере не менее половины миллиарда крон. Конечно, это задача сложная, но выполнимая, если использовать для этого все возможности и волю.

Для начала она решила пригласить к себе крупного промышленника и банкира Акселя Юнссона, с которым с давних пор имела контакт по экономическим проблемам. Если он согласится принять участие в займе, думала она, то его наверняка можно будет получить.

С первых минут встречи Юнссон поздравил ее с большими победами Красной Армии на фронтах войны и высказал уверенность в скором разгроме Германии. Коллонтай сказала ему, что эта победа стоит России многих жертв, разрушения промышленного потенциала, и поэтому Советский Союз нуждается в финансовой помощи со стороны Швеции. После таких слов Юнссон стал се-

рьезен, перестал улыбаться и спросил, какую сумму хочет получить СССР?

— Я, конечно, взволновалась, — рассказывала Александра Михайловна, — но спокойно, прямо глядя на него, сказала: — один миллиард крон!

Юнссон крикнул и, минуту подумав, ответил:

— Многовато.

Потом он замолчал.

Коллонтай нарушила его молчание заявлением, что победа над гитлеровской Германией — это освобождение Европы от фашизма. В том числе и Швеции.

— Ну что ж, — прервав свое молчание, сказал Юнссон, — Советскому Союзу надо помочь. Из своего кармана я могу выложить полмиллиарда. В отношении же других банкиров и промышленников затрудняюсь сказать, но попробую потрясти их карманы на вторую половину суммы. Что касается срока кредита и процента годовых, то постараюсь сделать их необременительными для СССР.

Встретились они через пять дней, мучительных от ожидания результатов. Когда уселись, Юнссон деловым тоном заявил:

— Мадам Коллонтай! Недостающие до миллиарда крон пятьсот миллионов выделяют мои друзья. Заем дается вам на десять лет с годовыми всего в семь процентов. — Сказав это, он через короткую паузу добавил: — У меня к вам тоже есть просьба — организовать мне встречу со Сталиным.

По словам Коллонтай, от неожиданности этой просьбы она взволновалась, не зная как ответить. Она понимала, что Сталин не согласится на это. Заметив ее затруднение с ответом, Юнссон сказал, что вряд ли у Сталина будет время принять его, поэтому просит ее организовать тогда встречу с Микояном. Целью его встречи в Москве будет обсуждение послевоенного экономического устройства Европы. У него на этот счет имеются соответствующие предложения. Речь идет о плане помешать американцам захватить экономику ослабленной Европы.

— История с займом закончилась получением из Москвы благодарного ответа за мои усилия и официальным приглашением Юнссона на встречу с Микояном, — улыбнувшись, сказала Александра Михайловна. — На приеме, куда вы приглашены, я представляю вас советником посольства, занимающимся экономическими проблемами.

На обед пришло человек восемь, среди которых были и шведы средних лет, и довольно пожилые. С сидевшими справа и слева от меня мне довольно легко удалось установить контакт, а затем заинтересовать их в продолжении такового. Один из них пригласил меня выехать с ним на три дня в его загородный дом половить раков.

В назначенный день я поехал в гости к новому знакомому. Оказалось, что его дом полон гостей, прибывших на разные сроки — кто на два, три или больше дней. Мне отвели комнату во флигеле, где я разместился на три дня. Первый ужин состоял только из раков, приготовленных разным способом и очень вкусных.

Рано утром следующего дня мы поплыли с рыбаком выбирать ловушки, расставленные за два дня до этого. В ловушках оказалось столько раков, что едва вместили их в лодку.

Три дня пребывания позволили закрепить знакомство с хозяином дома и с некоторыми его друзьями в такой степени, что это позволило мне продолжить с ними встречи. Спасибо Александре Михайловне, это она своим рассказом о займе вдохновила меня на поиск полезных связей среди промышленников и коммерсантов.

Не могу не рассказать о поучительном случае, когда Коллонтай дала дипломатам посольства урок вежливости и этики в дипломатической практике. На одном из совещаний дипломатов посольства она попросила высказаться о том, какой сувенир следовало бы преподнести премьер-министру Ханссону²⁵ по случаю круглой даты дня его рождения. Были предложения послать ящик русской водки, пусть пьет за нашу победу над Гитлером, преподнести целого копченого осетра, армянский выдержанный коньяк, тульское дуствольное ружье штучной работы, корзину отличных антоновских яблок, которые

вчера были получены из Москвы. Последнее предложение сделал робко я. Александра Михайловна взглянула на меня и... поручила своему секретарю принести четыре лучших антоновских яблока. Из принесенных она отобрала два крупных и велела секретарю упаковать их для отправки с поздравительным письмом юбиляру. Среди присутствовавших начался шум, гомон и недовольство решением Коллонтай. Я ждал, что скажет Александра Михайловна. Обведя взглядом всех присутствующих, она спокойно и мягко сказала:

— Миленькие, меня Ленин критиковал сорок раз.

Все затихли, усваивая смысл сказанного. В тишине Александра Михайловна закрыла совещание.

На следующий день мне позвонила секретарь и попросила зайти в голубую гостиную. С порога я увидел высокое, почти до потолка, ветвистое дерево, все усеянное цветами сирени. Оказалось, что это действительно штамбовая сирень зимнего цветения, выращенная в оранжереях ботанического сада, и Ханссен в знак благодарности за сердечное поздравление прислал Коллонтай ответный сувенир. Так назидательно закончилась история с двумя яблоками.

«КОГДА ДИПЛОМАТЫ ВСТУПАЮТ В ДЕЛО — ВОЙНЕ КОНЕЦ»

Рано утром 18 сентября 1944 года мне на квартиру позвонила Александра Михайловна Коллонтай и попросила зайти к ней по очень важному делу. В ее кабинете меня ожидал шифровальщик посольства, который передал телеграмму из Наркоминдела следующего содержания: «Откомандируйте в Хельсинки Елисеева с расчетом прибытия туда не позднее 20 сентября в связи с назначением его заместителем политического советника Союзного (Советского) Главнокомандования, дислоцируемого в Хельсинки». Вскоре в кабинете появилась Александра Михайловна. Она поздравила меня с рождением второго сына и сказала, что по этому поводу послала Зое Михайловне поздравление. Очень сожалеет, что роды оказались тяжелыми и опасными для ее здоровья. Она уже связалась с главным врачом больницы, и он заверил ее, что лечение роженицы проводится под наблюдением опытных специалистов, а о состоянии ее здоровья посольство будут информировать ежедневно.

— Понимая неизбежность вашего срочного отъезда в Хельсинки в дни, когда ваша жена находится в тяжелом состоянии, я охотно беру Зою Михайловну под свою защиту на все время вашего отсутствия, — сказала Коллонтай. — У вашей жены я ценю скромность, ум, такт, чего недостает многим женам наших дипломатов, — добавила она.

Не преминула Александра Михайловна дать оценку и моей скромной работы в Стокгольме.

— Ваша помощь по подготовке и проведению конфиденциальных переговоров с финнами и шведскими представителями о капитуляции Финляндии и подписании перемирия с ней была для меня незаменимой, о чем я сообщаю председателю Союзной Контрольной

Комиссии по Финляндии Андрею Александровичу Жданову, — и вручила мне запечатанный конверт.

Мы тепло распрощались. Она уезжала в санаторий под Стокгольмом на несколько дней.

Во второй телеграмме по линии разведки за подписью Фитина сообщалось о назначении меня резидентом в Финляндии и приказывалось немедленно вылететь в Хельсинки для организации встречи председателя СКК Жданова Андрея Александровича на уровне, соответствующем его рангу. В телеграмме сообщалось также, что моя работа, как и всех работников резидентуры, должна быть направлена на выполнение задач, стоящих перед разведкой и СКК — Союзной Контрольной Комиссией (Советской), дислоцированной в Хельсинки. Руководителю ее, Жданову, следует докладывать о проводимой работе и одновременно с этим поддерживать оперативную связь с Центром.

Зарядившись такими указаниями, поехал в больницу, в надежде привезти жену домой, а если не отпустят, рассказать ей о срочной необходимости отлета в Хельсинки. К жене меня даже не пустили. Главный врач сообщил, что она находится в таком состоянии, когда посещения запрещены даже близкими. Мои уговоры не помогли. Этот эскулап отказал в передаче даже записки. С тяжелым сердцем улетал я в Хельсинки.

Жена Зоя и старший сын Игорь.
Середина 40-х годов

Наш самолет приземлился на аэродроме недалеко от Хельсинки.

На контрольном пункте аэродрома работал немолодой офицер-пограничник, которому я вручил свой паспорт. Он взял его равнодушно, без всякого внимания, но через минуту лицо его просветлело. Профессионально окинув меня взглядом, он прищелкнул печать в паспорт и громко сказал:

— Давно пора. Когда дипломаты вступают в дело, значит, войне конец!

«Неплохая встреча», — подумал я, в третий раз приезжая на работу в Финляндию.

«Неужели финский народ простит своим правителям те жертвы и разрушения, которые страна понесла в «зимней» и в этой войне», — с такими мыслями вступил я на землю наших северных соседей. Как только я вышел из аэропорта, шофер такси предложил сесть в машину, но я не знал куда ехать. Здание представительства было разрушено нашей авиацией, и осталась одна возможность — искать пристанище в какой-либо гостинице. Однако сделал я по-другому. Поехал прямо в МИД Финляндии. Решил сразу объявиться у шефа протокола Хаккарайнена, если война не сдула его с этого света. Скоро я уже входил в приемную шефа протокольного отдела. Секретарша оказалась моей знакомой, много лет работала у Хаккарайнена из любви к нему, но он, зная об этом, не хотел на ней жениться.

Завидя меня, она порывисто поднялась и скрылась в кабинете шефа. Через минуту дверь вновь открылась, на пороге появился маленький, толстенький, с облысевшей головой-грушей Хаккарайнен. Взяв мою руку в две свои, он тепло приветствовал меня с приездом в Финляндию, заявив, что очень рад видеть меня в числе ведущих сотрудников СКК. Заверил, что будет, как и в прошлые годы, делать все, чтобы способствовать сближению наших народов.

— Нас с вами на охоте не убили, — намекнул он на охоту с аграриями в 1940 году, — и на войне не убили, значит, провидение определило нам и дальше продолжать эту работу.

Когда я ему сказал, что приехал прямо с аэродрома и прошу у него приюта, он вызвал машину и повез меня в гостиницу «Торни». При этом он сказал, что там будет жить руководство СКК. В «Торни» уже действовала наша военная администрация, которая тут же выделила для меня довольно большую комнату с расчетом, что в ней может находиться и мой помощник. Там же я узнал, что А.А.Жданов прилетает в ближайшие дни. Разместившись в комнате, начали с Хаккарайненом разработку протокола встречи.

На аэродром поехали за час до прибытия самолета с расчетом внимательно осмотреть места, где могли быть заложены взрывные устройства.

Оказалось же, что на аэродром уже три часа подряд прибывают самолеты, доставляющие в Хельсинки из Ленинграда полковников и генералов Советской Армии, которые будут оказывать помощь финской армии по изгнанию немцев с территории Финляндии и осуществлять контроль за этим процессом.

С финской стороны на встречу прибыли министр обороны Вальден, его заместители и начальник Генерального штаба.

Самолет запаздывал на час, и встречающие разбрелись по группам. С Вальденом я был мало знаком, но у меня он с давних пор вызывал интерес, как человек, который может помочь мне, не ведая об этом, проникнуть в мощную кастовую группу 20 семейств, управляющих экономикой страны.

Хаккарайнен представил меня Вальдену. Когда я назвал свое имя, он вспомнил меня.

Неожиданно Вальден остановился. Мы стояли и молчали. Наконец, он медленно сдвинулся с места и тихо сказал:

— Перед самой войной мой сын женился на любимой девушке и в первые же дни ушел на Восточный фронт. Там он и был убит. Бога ради, не подумайте, что в этой смерти я виню вас, нет. В смерти сына и других таких же юношей я обвиняю Гитлера и... некоторых наших деятелей..

— Может быть, у вас остался внук или внучка и вам будет легче пережить эту трагедию? — сочувственно спросил я.

— Нет, они мало прожили вместе. После смерти сына невестка покинула наш дом. Надежды на дедовскую радость у меня нет. У меня немалое состояние, но нет близких, кому бы мог оставить его.

— Мне кто-то говорил о вашей картинной галерее, которая включает в себя картины великих мастеров живописи прошлых веков и наших дней. Завещайте ее вашему народу, который будет вечно благодарен вам, — сказал я и добавил: — Наш купец Третьяков завещал Москве свою галерею, и имя его будет вечно жить в народе.

Вальден, достав из кармана визитную карточку, сказал:

— В любое время можете посетить мою галерею, но хотел бы сам в качестве гида ознакомить вас со своими сокровищами.

Я поблагодарил министра за приглашение. Видимо, картинная галерея была настолько дорога ему, что разговор о ней, как мне показалось, отвлек его от мрачных мыслей. В конце беседы он говорил совершенно спокойно.

Я не допускал мысли, что Вальден разговором о гибели сына по вине Гитлера хотел показать себя перед представителем СКК человеком невинным в участии Финляндии в войне против СССР на стороне немцев. Его исповедь, видимо, была криком души человека, потерявшего сына в войне, к которой он причастен.

Андрей Александрович Жданов прилетел с опозданием на полтора часа. Для встречи был выстроен батальон солдат. Министр Вальден и Жданов обошли строй. Жданов громко по-фински поприветствовал солдат, те прокричали: «Благодарим!» и прошли строем. Простившись с финнами, глава СКК отбыл в свою резиденцию.

Обустройство аппарата СКК заняло несколько дней. Это время я решил использовать для ознакомления с документами о перемирии, которые будут являться основой наших правовых действий в стране, а также встретиться с некоторыми своими источниками, и в первую очередь с Ахти, Адвокатом и Монахом, чтобы при первой ознакомительной встрече с генерал-полковником Ждановым я мог проинформировать его о положении в стране.

О Жданове я знал немного. Среди коммунистов было известно, что он, любимец Сталина, руководит идеологической работой в партии и считается третьим лицом в государстве.

В 1939 году Жданов, по поручению Сталина, вместе с Куусиненом принимал участие в подготовке «зимней войны» и руководил ею, когда она началась. Невольно я сделал вывод, что Жданов — это второй Куусинен. Если первый дошел только до города Териоки, то второй, Жданов, — добрался до Хельсинки.

Прежде чем идти к нему на доклад, я решил ознакомиться с Соглашением о перемирии, выполнение которого будет проходить под контролем СКК.

Я выписал для себя основные статьи этого Соглашения потому, что за них шла острая борьба на переговорах. В дальнейшем именно эти положения легли в основу Договора о мире, подписанном в 1947 году:

«Ст. 13-я. Финляндия обязуется сотрудничать с союзными державами в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними; ст. 20-я. Финляндия обязуется немедленно освободить, независимо от гражданства и национальной принадлежности, всех лиц, содержащихся в заключении в связи с их деятельностью в пользу Объединенных Наций, или за их сочувствие делу Объединенных Наций, или ввиду их расового происхождения, а также отменить всякое дискриминационное законодательство и вытекающие из него ограничения; ст. 21-я. Финляндия обязуется немедленно распустить находящиеся на ее территории все прогитлеровские (фашистского типа) политические, военные, военизированные, а также другие организации, ведущие враждебную Объединенным Нациям, в частности, Советскому Союзу, пропаганду, и впредь не допускать существования такого рода организаций».

Ознакомившись с этим документом, я пришел к выводу, что перечисленные статьи Соглашения о перемирии безусловно расширяют наши разведывательные возможности, хотя реакционные силы постараются сохранить власть и скрытно управлять страной, как это случилось после «зимней войны».

Значит, надо срочно восстанавливать связь со своими довоенными источниками информации и, если война их пощадила, приступить к активному включению их в работу, теперь уже в качестве источников влияния. Развивая мысль об «источниках влияния», я пришел к выводу, что это могут быть люди, сотрудничающие со мной только на патриотической основе, единомышленники, убежденные в необходимости настоящей прочной дружбы между Финляндией и СССР. Именно такими подвижниками и были мои высокопоставленные друзья в Хельсинки.

Восстановление связи начал с Монаха.

На мой телефонный звонок из автомата ответил он сам. Видимо, позабыв наши довоенные условности, долго не мог сообразить, кто ему звонит. Узнав и вспомнив, прокричал в трубку: «Эврика!», что означало немедленную встречу.

Встреча была дружеской.

Прежде всего попросил Монаха высказать свою точку зрения о причинах присоединения Финляндии к фашистской Германии в войне против СССР и какой, по его мнению, должна быть его страна после капитуляции.

— Правительство Рангеля с согласия парламента, — сказал Монах, — затащило Финляндию в Антикоминтерновский пакт «под обещание» Гитлера сохранить страну как демократическое государство. Чтобы тут же привязать нас к своей военной колеснице и оживить наступательные действия финской армии на северном фронте, в Хельсинки в мае 1942 года неофициально прибыл к президенту Рюти представитель Гитлера. Он передал, что Гитлер весьма дружески относится к Финляндии, и поэтому финны могут присоединить к себе такую территорию на севере России, какую только пожелают.

По первому варианту южная граница «Великой Финляндии» начиналась с побережья Финского залива, чуть южнее Ленинграда, и шла прямо на восток, южнее го-

рода Вологды, до Урала. Рюти пояснил, что в этом большом районе проживает более трех миллионов русских и некоторые финские племена и народности. С помощью немцев русское население можно будет передвинуть за пределы новой границы, а здесь оставить только финнов и близкие им племена. Рюти особо подчеркнул, что эта территория несметно богата железом, никелем, нефтью. «Один Кольский полуостров, — сказал он, — вмещает в себя всю таблицу Менделеева». Спор зашел о том, как поступить с Ленинградом, стоит ли его присоединять к Финляндии, или объявить «вольным городом» под международным попечительством с подключением к нему близлежащих финских территорий для обеспечения его жизнедеятельности.

На встрече был подвергнут обсуждению и второй вариант аннексии советской территории. Он имел границу от Ленинграда по реке Свирь, южному побережью Онежского озера с включением Беломоро-Балтийского канала. Далее граница шла прямо на север до Белого моря, и территория в «Великой Финляндии» опять-таки включала Кольский полуостров. Часть выступавших отдавала предпочтение этому варианту, считая, что немцы охотнее согласятся на передачу меньшей территории, чем уступят нам весь Север России, по площади большей, чем сама Финляндия. Не придя к единому мнению, господа передали немцам на их усмотрение оба варианта.

Оставляя в стороне мотивы немцев, предложивших Рюти подготовить такой план, хочу заявить, — сказал Монах, — что наши реакционеры вели с вами не оборонительную войну, как это они утверждают, а агрессивную, империалистическую. За это они должны понести ответственность. Это была только приманка, дабы подтолкнуть финнов к более активному участию в войне, — прорддолжал Монах, — поскольку после разгрома немецких войск под Москвой в декабре 1941 года у сателлитов Германии поколебалась надежда на победу Гитлера. Не зря же через месяц после получения Плана Рюти в Хельсинки прилетел сам фюрер, явно с целью понуждения наших вояк к увеличению числа вдов и сирот.

— А кто из политических деятелей и лидеров партий принимал наибольшие усилия по срыву переговоров о сепаратном мире с СССР, начатых в феврале 1944 года по инициативе Советского Союза?

— Я приветствую, — сказал Монах, — включение в соглашение перемирия статьи, где говорится, что Финляндия обязуется сотрудничать с СКК в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними. Но если Советский Союз в лице СКК не предпримет энергичных мер по наказанию виновных, то нынешнее правительство сделает все, чтобы уклониться от проведения суда над своими единомышленниками, которые вчера кричали «хайль Гитлер!»

К таким лицам, по его мнению, можно отнести Рюти, Рангеля, Виттинга, Рамсея, Кивимяки, Вальдена, Хаккила, Линкомиеса, Таннера, Эрко, Ниукканена.

На мой последний вопрос, как он видит свою роль в строительстве новой демократической Финляндии, ответил:

— Остаюсь сторонником дружбы с Советским Союзом и в этом качестве буду бороться за демократическую Финляндию. Я буду работать в этом направлении.

В целях проведения такой работы порекомендовал ему продолжать сближение с Паасикиви. Этот человек лучше других знает кухню реакционных сил, стремящихся удержаться у власти.

— В случае поддержки с вашей стороны, — сказал Монах, — Паасикиви может стать первым кандидатом на пост премьер-министра, оттеснив любого кандидата правых сил.

Условились о следующей встрече только после того, как он побывает у Паасикиви.

Размышляя об итогах встречи с Монахом, я посчитал, что идти на прием к Жданову с таким багажом рано. Сведений недостаточно, чтобы раскрыть перед главой СКК широкую картину политической жизни финского общества в первые дни после войны.

Конечно, нынешнюю ситуацию в стране хорошо должен знать Адвокат. На телефонный звонок подошла его

жена и сказала, что в Хельсинки он будет через три дня. Ничего, подожду.

Решил поехать в резиденцию Жданова, чтобы представиться его сотрудником и выяснить, когда ориентировочно он может принять меня для доклада. Его помощник Владимир Петрович Терешкин, карел, отлично владеющий финским языком, сказал, что ближайшие 5–6 дней Андрей Александрович будет занят с генералами по неотложным делам, и как только освободится, даст знать о дне приезда. Меня это очень устроило.

Через три дня встретился с Адвокатом. Он дружески обнял, и первой его фразой была: «Очень хотел, чтобы именно вы приехали к нам в этот трудный и сложный час нашей истории».

Адвокат рассказал, что после падения Муссолини²⁶ в Италии парламентская фракция социал-демократов в июле 1943 года во главе с Вяйне Войонмаа²⁷ посетила Паасикиви, где уговаривала его поехать в Стокгольм для зондирования условий сепаратного мира с СССР.

— Мы уже упустили время, когда США в феврале 1943 года предлагали свое посредничество в мире с русскими, — заявил, по словам Адвоката, Паасикиви, — отказ Рюти воспользоваться этим дорого обойдется нашему народу. Чем ближе к окончанию войны, тем выше будет цена мира, — сказал Паасикиви, добавив: — Россия наголову разобьет немцев и финнов. Только безумцы все еще надеются уцелеть от поражения.

К сожалению, — сказал Адвокат, — президент Рюти говорил с Паасикиви не более пяти минут и в грубой форме отклонил его предложение о поиске контакта с русскими в интересах Финляндии. Правительство Линкомиеса продолжало саботировать выход Финляндии из войны. Однако нельзя сказать, что действия демократических сил были напрасны. Народ не только в Финляндии, но и в Швеции стал смелее требовать сепаратного мира с русскими.

Адвокат сказал, что лично он принимает все статьи Соглашения о перемирии, хотя некоторые из них жестки и суровы, но если учесть потери Советского Союза, то, объ-

ективно говоря, условия перемирия терпимы, и демократы будут добиваться суда над виновниками войны.

Договорились о времени встречи, подтвердили продолжение конфиденциальности нашей связи и... разошлись.

Время в Хельсинки летело быстро. Прошло десять дней после приезда Жданова и отправки телеграммы в Москву с просьбой об указаниях нашей резидентуре, но ответа все не было.

Молчал и помощник Жданова Терешкин. Мне, конечно, было известно, что Жданов очень занят организацией вооруженного выдворения из Финляндии немецких войск, которые стремятся задержаться в стране, обстреливая финские войска, пытавшиеся интернировать их.

В такой «мертвый час» решил встретиться с Ахти, который мог проинформировать меня о тайных планах лидеров реакционных сил и их представителей в парламенте.

В обеденное время, прогуливаясь в безлюдном парке, позвонил ему. К телефону подошел он сам.

— Здравствуйте, — сказал я и замолчал.

Он спросил:

— Кто говорит?

Я ему ответил первым стихом первой руны финского эпоса «Калевалы»:

*Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу —
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово...*

Ахти сразу узнал, кто говорит, и в знак этого продолжил стих:

*Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы...*

Еще в довоенное время мы обменивались с ним такого рода сигналами, когда была необходимость в срочном контакте.

Встретились как старые друзья. Пожимая мне руки своими ладонями-клещами, он произнес:

— Хорошо, что вы в Хельсинки. Я буду иметь возможность получать от вас помощь советами. Для начала я хотел бы познакомить вас с программой действий на по-

слевоенное время, составленной моим знакомым — Урхо Кекконеном²⁸. Эта программа в форме речи по случаю подписания перемирия будет объявлена по радио на всю страну.

По словам Ахти, руководитель службы радио обратился к премьер-министру Кастрену с просьбой, чтобы кто-либо из членов правительства выступил по радио о таком важном событии, как подписание перемирия, но тот отказался. Отказались и некоторые ведущие политические деятели. Только Урхо Кекконен дал согласие выступить. Ахти вынул из кармана машинописные страницы и стал с листа переводить мне содержание речи Кекконена.

« ...Мы все, весь народ, должны стойко перенести свое поражение. Мы проиграли войну против Советского Союза, наша мужественная борьба окончилась тяжелым поражением... Нам нужно перед собой и другими признаться, что наш отважный и стойкий противник победил нас... Нам никогда не удастся вернуть военными средствами положение, которое мы занимали до войны. Честное признание этого факта станет предпосылкой и пробным камнем для нашего национального существования, ибо вынашивание мысли о мести и как явные, так и тайные планы вернуть потерянное, то есть мысли о реванше, означают гибель для нашего народа...

Урхо Кекконен

Мы должны исходить из того факта, что Финляндия и Россия были и будут соседями. Советский Союз в настоящее время превращается в ведущую европейскую державу, и нам следует понятьковую действительность мировой политики, хотя бы в такой степени, чтобы уяснить себе, что Советскому Союзу в его положении совершенно незачем мириться с такой си-

туацией, когда вблизи его западной границы на протяжении более тысячи километров тлели бы непогашенные очаги ненависти и войны. Если мы вследствие унаследованного нами недоверия не захотим воспользоваться этим путем, это будет означать, что мы не верим в будущее финского народа...

Договор о перемирии, хотя он и является суровым, обеспечивает нашу государственную свободу. Более того, мы предполагаем, что сохранение независимости Финляндии в интересах Советского Союза, поскольку ему, надо думать, больше пользы от независимой, верящей в будущее Финляндии, чем от покоренной, приговоренной к подневольному существованию страны. Результаты, к которым привела эта война, свидетельствуют о том, что наша политика в последнее время была ошибочной.

По вполне понятным причинам настроение у нас в стране нерадостное. Но у нас все же нет никакого повода для мрачной безнадежности. От нашей рассудительности и реалистического подхода зависит теперь не только наша жизнь, но и судьба финского народа, жизнь грядущих поколений. И мы не должны подвергать ее опасности из-за своих предрассудков и упрямства, отрицающего объективную реальность....».

— Я знаю больше, чем другие, — сказал Ахти, — какие трудности преодолел Урхо Кекконен, чтобы составить и всенародно выступить с такой программой.

Должен признаться, что на меня эта программа произвела большое впечатление. Каким надо быть мужественным и преданным демократии человеком, чтобы в первые дни после подписания Соглашения о перемирии, когда еще не потушены пожары от налетов нашей авиации, призывать народ Финляндии отказаться от вражды и ненависти к Советскому Союзу и начать строить мирные и добрососедские отношения!

Ахти передал мне для ознакомления «Тезисы» выступления Кекконена перед депутатами шведского риксдага.

«...Не в интересах Финляндии быть союзником какой-либо великой державы в качестве форпоста у советской границы, находящегося постоянно на чеку и подвержен-

ного угрозе первым попасть под колесницу войны, не имея при этом достаточного политического влияния, чтобы с ней считались при решении вопросов войны и мира.

Мы не можем также строить свою будущую внешнюю политику на политических противоречиях между Советским Союзом и его нынешними союзниками и на предсказываемом разладе между нами... Таким образом, национальные интересы Финляндии не позволяют ей связывать себя с политической линией, направленной против Советского Союза или даже думать о такой линии. Другим альтернативным путем является осуществление политики нейтралитета...»

Так никто из финских политиков еще не говорил. Я решил, что на общем политическом фоне Финляндии выступления Урхо Кекконена были совершенно экстраординарным явлением. Следовало самым горячим образом обратить внимание Москвы и Жданова на мудрые слова финского политика. Я подготовил по этому поводу служебную записку...

Прошло уже пять дней после передачи Жданову материалов источника Ахти в отношении Урхо Кекконена, но никаких сигналов из резиденции не поступало. Тогда я решил сам проявить инициативу. Явился к Терешкину и попросил доложить Жданову о моем желании встретиться с ним. Оказалось, что Жданов, ознакомившись с материалами, сам хотел утром встретиться со мной, но учитывая дневную занятость, сказал, что примет меня вечером.

Встретил он меня доброжелательно. Поздоровавшись, Жданов предложил кресло, а сам уселся на диване рядом с журнальным столиком, на котором, как я заметил, лежали мои справки.

Свой доклад я начал с краткого обзора деятельности демократических сил в военные годы. Рассказал, как они боролись за сепаратный выход Финляндии из войны. В числе таких политиков назвал шесть левых социал-демократов, которые все еще находятся в тюрьме. Сделал я это, имея в виду обратить внимание Жданова на то, что необходимо потребовать от правительства Кастрена незамедлительного выполнения статьи 20 перемирия. Жданов

нов на лету ухватил эту мысль. Прервав меня, он вызвал своего заместителя генерал-лейтенанта Савоненкова и предложил ему сделать представление премьер-министру Кастрену по поводу неудовлетворительного выполнения статьи 20-й Соглашения о перемирии. Я назвал Савоненкову имена.

— В «шестерку» Карла Вийка, — отметил я, — входят такие деятели социал-демократической партии как К.Сундстрем, В.Мелтти, М.Ампуя, Ю.Рясянен, К.-М.Рюдберг.

После того, как вопросов к этой части информации от Жданова не последовало, подробно проинформировал его о выступлении 25 сентября 1944 года Кекконена по радио с программой послевоенного переустройства страны на демократической основе.

— Такую программу можно приветствовать и надо поддерживать, — энергично высказался Жданов и неожиданно спросил: — Какие предложения на этот счет вы имеете?

— Чтобы осуществить программу, предложенную Кекконеном, — сказал я, — нужно всем демократическим силам положить много труда, поскольку политическое руководство страны явно будет пытаться сорвать ее. Ведь дело в том, что нынешнее правительство Кастрена как проводило, так и продолжает проводить политику, выгодную реакционным силам. Оно укрывает их от справедливого суда. Это правительство надо прогнать в отставку, а вместо него образовать правительство во главе с Паасикиви, — высказался я, изложив главе СКК то, что уже давно созрело у меня и моих друзей. Я добавил, что подоспело время для демократов готовить парламент к принятию закона о суде над виновниками войны.

— Почему вы однозначно считаете, — прервал меня Жданов, — что надо выдвигать Паасикиви в премьер-министры нового правительства? Ведь из материалов о Кекконене, с которыми я ознакомился, и особенно из его выступления по радио ясно, что Кекконен на посту премьер-министра может решительнее и быстрее демократизировать страну и установить дружеские и добрососедские отношения с СССР? — сказал Жданов, улыба-

ясь и всем видом показывая, что я ошибся, называя Паасикиви в качестве будущего премьер-министра.

— В парламенте неделю тому назад обсуждались кандидатуры на пост нового премьер-министра. Там были подвергнуты обсуждению двое возможных кандидатов — Паасикиви и Кекконен. Но от Кекконена получили категорический отказ. При этом Кекконен добавил, что самым подходящим кандидатом на этот пост является Паасикиви. После отказа Кекконена парламент утвердил Паасикиви на пост премьер-министра. Только поэтому я и осмелился назвать его первым кандидатом в премьеры, — улыбаясь в свою очередь Жданову, ответил я. — Тогда же Ахти рассказал мне, а я передаю вам, что в результате его обсуждения с Кекконеном вопроса о премьер-министре он, Ахти, советовал Кекконену добиваться поста министра юстиции, чтобы успешно разогнать фашистские и полуфашистские союзы и группировки в стране и расчистить поле демократическим силам для проведения в жизнь его программы.

— Как сам Кекконен отреагировал на такое предложение Ахти? — нетерпеливо спросил Жданов.

— Я тоже спрашивал об этом Ахти, и тот ответил мне словами самого Кекконена, что если ему будут предлагать пост министра юстиции, то отказываться он не будет.

— Продолжайте встречи с Ахти, который, как видно, сам талантливый человек, и если ему потребуется наша моральная поддержка, окажите ее, — твердо сказал Жданов.

Рассказал Жданову о том, что источник влияния Монах намерен встретиться с Паасикиви.

Жданов перебил меня:

— Расскажите, а кто такой Монах?

— Это финн, сообщивший мне 11 июня 1941 года о том, что фашистская Германия 22 июня начнет войну против Советского Союза и на ее стороне в войну против нас выступит и Финляндия.

Жданов вопросительно посмотрел на меня и строго спросил:

— Ну-ка, повторите ваш рассказ о сообщении Монаха.

Во всех деталях, слово в слово, я рассказал ему, при каких обстоятельствах Монах получил эту информацию и от кого она исходила.

Жданов торопливо спросил:

— Вы эту информацию посылали в Москву?

— Да, информация была послана в тот же день, час спустя после ее получения. Она была послана «молнией» начальнику разведки Фитину с просьбой о немедленном докладе наркому Берии. Вскоре мною было получено подтверждение о вручении информации наркому.

Я видел, что мой рассказ сильно взволновал Жданова. Он быстро встал из-за стола, стал ходить по комнате, напряженно размышляя. Через минуту сел за стол и, глядя в мою сторону, тихим голосом, как бы рассуждая сам с собой, произнес:

— Такая информация мне не встречалась, — и чуть позже, глядя на меня в упор, взволнованно спросил: — Докладывалась она Сталину?

— Сталину эта информация докладывалась спецсообщением в день получения ее из Хельсинки. Второй раз она докладывалась Сталину лично Фитиным в присутствии Меркулова 17 июня 1941 года. Об этом мне рассказывал сам Фитин.

Жданов затих, продолжая в упор смотреть на меня немигающими глазами. Мне показалось, что он не замечает меня и все еще находится в возбужденном состоянии. Чтобы прервать его молчание, сказал, что после посещения Монахом Паасикиви результаты их беседы доложу. Жданов посмотрел на меня и уже спокойным голосом заметил, что Монаху можно доверять. Ведь он, рискуя жизнью, доказал свое доброе отношение к СССР.

Утром следующего дня я решил собрать разведчиков резидентуры, чтобы рассказать о своей беседе со Ждановым и задачах, поставленных им.

Выйдя из душного помещения резиденции на свежий воздух парка, я спросил себя, почему мой рассказ об информации Монаха о войне так сильно взволновал Жданова? Тогда ответа я не нашел. Нет его и теперь, хотя прошло полвека...

НОВОЕ КАЧЕСТВО РАЗВЕДКИ: «ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ» СТАНОВЯТСЯ «ИСТОЧНИКАМИ ВЛИЯНИЯ»

Очередной круг встреч начал с Моисея. На вопрос о том, как ведут себя таннеровцы и их покровители, Моисей ответил, что некоторые из них перекрашиваются в либералов, а вся их деятельность направлена на сохранение своих постов. Точно так же ведут себя лидеры Аграрного союза, Коалиционной партии и других.

На мой вопрос, что надо предпринять, чтобы отстранить от руководства партий антисоветских лидеров и лишить их влияния на правительство, источник ответил:

— Имеется единственная возможность — предание Рюти, Таннера и других виновников войны народному суду. После этого многие проблемы во всех партиях можно будет решать без особых усилий.

— Правильнее было бы сначала прогнать это правительство в отставку и сформировать новое правительство во главе, например, с Паасикиви, — стал я размышлять вслух.

— Без согласия президента и парламента свалить правительство невозможно, — ответил Моисей.

— Ну, а если вы, например, посоветуете Вуори, чтобы он ушел в отставку и уговорил министра Фагерхольма сделать то же в знак протеста против действий прави-

тельства. А затем они потребуют отставки правительства. Можно так сделать? — спросил я.

Моисей сидел в глубокой задумчивости.

— Да! — наконец сказал он. — Но Фагерхольм? В политике непредсказуем, хотя и жаден.

— Перед ним будет большая перспектива, если Таннер пойдет под суд.

Моисей согласился попытаться свалить таким путем правительство Кастрена...

В середине октября мне позвонил шеф протокола МИД Финляндии Хаккарайнен и попросил встречи в связи с предстоящей передачей нам советской гражданки, осужденной в 1943 году к пожизненному заключению за шпионаж. Я ответил ему, что мне это дело неизвестно, и переадресовал его к нашему военному представителю.

На самом же деле мне было хорошо известно это горестное событие. Начало его относится к середине 1942 года. В то время в СССР два молодых разведчика приступили к подготовке девушки, финки по национальности, в качестве радистки для заброски в Финляндию. Отец ее финн из той группы О. Куусинена, что перешла в СССР из Финляндии в связи с преследованием их как коммунистов. Через несколько лет ее отца репрессировали как врага народа. Эльвина (такова ее кличка) осталась с матерью и переживала трагедию гибели отца. В Советском Союзе она закончила среднюю школу, поступила в пединститут и получила диплом педагога средней школы по русскому языку.

По характеру она была скромная, тихая, неболтливая, преданная Советскому Союзу. Организаторам операции этого казалось достаточным, чтобы принять ее на работу в НКВД и начать подготовку. Видимо, они надеялись повторить случай с Гертой Куусинен. В начале тридцатых годов, после репрессирования ее мужа в СССР, Герта, оставив малолетнего сына на попечение дедушки, нашла в себе силы пройти подготовку и быть переброшенной по решению Коминтерна в Финляндию для проведения коммунистической работы в нелегальных условиях.

После непродолжительной общей подготовки Эльвина в конце того же года была на самолете доставлена через линию фронта в намеченный район и на парашюте приземлилась в пятнадцати километрах от усадьбы, где на первое время должна была укрыться от возможных поисков контрразведкой противника.

Далее рассказ буду вести со слов нашего источника Анны, узнавшей об этом деле от хозяйки поместья Хеллы Вуолийоки. Кто же такая Хелла Вуолийоки, принявшая радистку советской разведки в своем поместье, находившемся примерно в пятидесяти километрах от Хельсинки?

Х.Вуолийоки — талантливая финская писательница и общественная деятельница. Ею написано около пятидесяти книг и пьес, в которых подробно освещаются философские, социальные и духовные проблемы жизни и деятельности финского общества. Она безусловный сторонник демократического развития страны, известная русофилка, враг любого проявления диктатуры над человеком. После войны ее пьеса «Каменное гнездо» была поставлена в Малом театре Москвы и имела огромный успех.

— В полночь, когда в доме все уже спали, — сказала Анна, — послышался слабый стук в дверь, становившийся все настойчивее, пока не разбудил горничную, а та свою хозяйку. Когда горничная приоткрыла дверь, не снимая ее с предохранительной цепочки, то увидела девушку, дрожащую от холода и ночных страхов, просящую впустить ее, чтобы переговорить с Хеллой Вуолийоки. Горничная сжалась над посетительницей. Когда горничная ввела девушку в комнату, то та рассказала хозяйке дома, что приехала с севера в Хельсинки искать работу парикмахерши или экономки и просит содействия в этом у Х.Вуолийоки. После такой краткой беседы Эльвину оставили в доме для более подробного обсуждения этой проблемы.

Рано утром следующего дня Эльвина вошла в спальню хозяйки и рассказала, что ранее работавший в советском диппредставительстве дипломат Ярцев и его жена Ирина просят Вуолийоки приютить ее в своем доме до

подыскания работы в Хельсинки, выдав ее за свою дальнюю родственницу.

Эльвина рассказала также, что этой ночью она самолетом перелетала линию фронта и прыгнула на парашюте в пятнадцати километрах от ее поместья, а парашют спрятала под низковетвистой елью и засыпала снегом в километре от места приземления. Свои следы на снегу запутала, выйдя на укатанную снегом дорогу.

Появление незнакомки в доме встревожило Хеллу Вуолийоки. Она испугалась возможности поисков парашютистки в районе ее поместья. Ведь как ни прятать Эльвину, полицейские ищейки могут обнаружить ее. Оставалась надежда, что появление самолета в их районе не было замечено. После сердечных мук за судьбу Эльвины и свою тоже Х.Вуолийоки все же решила оставить ее у себя, объявив прислуге, что к ней приехала родственница на время ее болезни (она уже пять дней лежала в постели).

Потянулись томительные дни. Так продолжалось около двух недель. На пятнадцатый день в дверь дома ночью сильно постучали, и на вопрос «Кто?» последовал ответ: «Полиция». Вошло четыре человека. Они начали проверку документов и обыск во всем доме. На вопрос хозяйки о причине такого позднего визита полицейских в ее дом был ответ, что ищут советскую диверсантку, приземлившуюся в этом районе, и показали парашют Эльвины. Далее полицейские заявили, что документы девушки, находящейся в этом доме, вызывают подозрение, и они вынуждены задержать ее, чтобы провести следствие для выяснения всех обстоятельств появления ее в этом доме. Эльвина была арестована и увезена в полицию города Хельсинки. Хозяйку дома предупредили о невыезде из усадьбы без разрешения на это городской полиции. Начались допросы Эльвины.

Следствие взял на себя начальник Государственной полиции Антони. Это был хитрый и жестокий человек. При его прямом участии в конце 1942 года все беженцы-евреи, находящиеся к этому времени в Финляндии, были собраны в лагеря и их готовили для отправки в фашистскую Германию. Только благодаря усилиям

шведского Красного Креста Антони не удалось отправить их в Германию.

На первом этапе допросов Эльвина придерживалась своей легенды. Тогда Антони изменил тактику допросов. Он прикинулся влюбленным в Эльвину. Поместил ее в одиночную камеру, улучшил питание и обслуживание ее тюремщиками. На допросы к нему ее привозили в легковом автомобиле. Допросы были заменены простой беседой с чаепитием и конфетами. Эльвина в своих разговорах стала податливее и все больше и больше раскрывала себя как радистка-разведчица. На последнем этапе следствия ее из тюрьмы перевели в городскую однокомнатную квартиру, откуда на допрос привозили без охраны. Такой тактикой следствия Антони удалось влюбить в себя Эльвину. Беседы-допросы продолжались несколько месяцев, в течение которых Эльвина рассказывала все о себе, родных и раскрыла методы ее подготовки органами государственной безопасности Советского Союза.

Когда следствие было закончено и передано в суд, то Эльвина с квартиры была возвращена в одиночную камеру, но теперь без всяких льгот.

Суд приговорил Эльвину к смертной казни. Когда ей было объявлено решение суда, она пережила сильный стресс и сошла с ума. Ее не казнили. В тюремной камере она находилась до подписания перемирия. 19 сентября 1944 года ее передали нам.

— Как только следствие над Эльвиной было закончено, — сказала Анна, — арестовали Хеллу Вуолийоки, предъявив ей обвинение в укрытии опасной советской шпионки. На следствии ей инкриминировали также тайную связь с противником и укрытие советской шпионки в целях передачи через нее секретной информации вражеской стороне. Так крупная общественная деятельница и талантливая писательница, известная не только в своей стране, но и в мире, попала за решетку.

По словам Анны, на протяжении всего допроса от Вуолийоки требовали признания, что она является советской шпионкой, и сведений о том, кто из ее близких знакомых занимается шпионажем в пользу Советского Союза. На-

званный выше Антони и стоящее за его спиной полуфашистское правительство были непреклонны в желании приписать ей шпионаж и осудить, чтобы опорочить и скомпрометировать деятельность демократических сил в пользу мира с Советским Союзом. Хелла Вуолийоки рассказала также Анне, что на первом допросе дала показания о том, что приютила Эльвину, не зная, что она прибыла в Финляндию для шпионажа. Из объяснений Эльвины Вуолийоки поняла, что ее целью явилось выяснение неофициальным путем возможности прекращения войны и подписания перемирия с Финляндией.

Когда следствие было закончено, дело ее было передано в суд, который состоялся весной 1943 года. Хелла Вуолийоки была приговорена к пожизненному заключению.

В стране был создан комитет по спасению писательницы. Когда члены этого комитета посетили Таннера, как председателя парламентской фракции социал-демократической партии, и попросили его выступить в поддержку требования комитета об освобождении Х.Вуолийоки, Таннер отказался от этого, заявив: «Писательница виновна и должна понести наказание». Хелла Вуолийоки стала жертвой за свою деятельность в пользу мира.

— После осуждения, — продолжала Анна, — Вуолийоки не подавала прошения о помиловании. Тысячи просьб о посещении ее в тюрьме властями отклонялись. Свидания были разрешены только близким родственникам. Это означало, что ее могли посещать только родная дочь, внучка и зять Сакари Туомиоя, директор Национального банка. Боясь за свою карьеру, Туомиоя публично отказался от посещения матери своей жены. Хелли посещали только дочь и внучка. Осужденная находилась в одиночной камере до дня подписания перемирия 19 сентября 1944 года. Ее моральное и физическое состояние было тяжелым. В день выхода ее из тюрьмы у ворот собрались тысячи сторонников и почитателей ее таланта.

Была освобождена и Эльвина. Встречавший ее наш работник рассказывал, что вела она себя тихо, спокой-

но, безразлично, видимо не понимая, что происходит вокруг нее. Медицинская сестра, выделенная финской стороной, сопровождала девушку к месту жительства в Советском Союзе. Позднее мы узнали, что через несколько месяцев она в доме матери покончила жизнь самоубийством.

Не могу закончить рассказ об Эльвине, не высказав своего отношения ко всему этому делу. По моему мнению, работники Центра — исполнитель и его начальник, санкционировавший проведение «дела Эльвины», были плохими психологами и скверными разведчиками. Нельзя было посылать Эльвину, отец и брат которой были репрессированы в Советском Союзе за пропаганду финского национализма, разведчицей-радишкой на ее родину. Трудно представить себе, чтобы после такой психической травмы можно было рассчитывать на стойкость Эльвины при проведении следствия.

Посылка радишки самолетом через линию фронта в район поместья Вуолийоки была неоправданным риском. Опросом местного населения полицейские легко нашли поместье, где скрывалась Эльвина.

Большой ошибкой, а вернее политической и моральной ошибкой, была посылка Эльвины к Вуолийоки — крупной общественной деятельнице и активной участнице движения за мир и дружбу между нашими народами, которая к разведке не имела никакого отношения. Рассчитывали, наверное, и на то, что перелет самолета через линию фронта не будет замечен финнами.

Исход «дела Эльвины» оказался трагичным. Эльвина и Хелла Вуолийоки стали жертвами бездарных московских организаторов. Правда, Х. Вуолийоки после выхода из тюрьмы была реабилитирована в соответствии со статьей Соглашения о перемирии. Она снова заняла положенное ей видное место среди творческой интеллигенции. Приняла участие в создании Демократического союза народа Финляндии и стала одним из его руководителей. Возвратилась она и к писательской деятельности. Какое заблуждение и невежество проводить операцию «на авось»!..

Не прошло и недели после встречи с Моисеем, как столичные газеты сообщили, что два министра от СДПФ Э.Вуори и К.Фагерхольм подали в отставку в знак протеста антинародной деятельности правительства Кастрена, требуя его отставки.

Когда правящие круги вскоре узнали о намерении Вуори и Фагерхольма подать в отставку, президент Маннергейм пригласил к себе смутьянов и пытался убедить их остаться в правительстве, но они отказались. Не долго думая, Маннергейм поручил премьер-министру Кастрену созвать заседание Совета министров, где сделать последнюю попытку уговорить раскольников.

Заседание Совета министров было назначено на следующий день. Воспользовавшись этим, Вуори и Фагерхольм сделали официальное заявление о своей отставке. Правящая элита попыталась спасти правительство по принципу — два уходят, но и два придут, однако этого реакции не удалось сделать. Кастрену и его правительство пришлось уйти.

Разумеется, в эти горячие дни я не мог не встретиться с Ахти.

Моя укоренившаяся привычка читать по лицу показала мне, что он находится в хорошем настроении.

Свой рассказ он начал с сообщения о посещении Паасикиви. Сначала поздравил его с назначением на пост премьер-министра, а затем приступил к изложению цели своего посещения.

Свой рассказ он начал с сообщения о посещении Паасикиви. Сначала поздравил его с назначением на пост премьер-министра, а затем приступил к изложению цели своего посещения.

— Зная вас как честного политика и патриота, хотел бы предостеречь вас, господин премьер-министр, от не-

Маршал Карл Маннергейм

вольных ошибок при формировании вами правительства, — заявил ему Ахти.

Паасикиви поблагодарил за сказанное в его адрес и стал рассказывать, что за последние дни его посетили многие политические деятели разных партий, с которыми он обсуждал намеченных кандидатов в министры. Теперь он рад выслушать и его. В итоге обсуждения выяснилось, что в состав правительства Паасикиви намерен включить 8 министров из числа СДФП и одного коммуниста, 10 министров от буржуазных партий, в том числе 2-3-х беспартийных.

Паасикиви сказал также, что в настоящее время самым ответственным министерством является министерство юстиции. Туда он пошлет Урхо Кекконена — способного юриста и молодого политика.

Рассказывая мне о своем впечатлении от беседы с Паасикиви, Ахти заметил, что правительство Паасикиви, по его мнению, будет в состоянии выполнять обязательства по перемирию.

— Могу я об этом сказать Жданову?

— Скажите и добавьте, что у нас в Финляндии только Паасикиви способен это осуществить, — уверенно произнес Ахти.

Для подготовки записей бесед с источниками к докладу у Жданова у меня была одна ночь.

Утром следующего дня я уже сидел в его кабинете и наблюдал за лицом Жданова, когда он читал мои материалы. Молча и сосредоточенно читал он документы.

Отложив документы, Жданов поднялся с кресла и стал прохаживаться, все еще размышляя над прочитанным. Ожидая его высказываний, я настороженно молчал. Наконец, подойдя и глядя в упор на меня, он сказал:

— Своего оптимизма по поводу состава министров правительства Паасикиви вы не передали мне. Десять министров от буржуазных партий и восемь от демократических организаций не смогут провести демонтаж диктатуры реакционных сил.

— По мнению наших источников, такое соотношение министров в правительстве — это значительная победа демократических сил. Ведь министры от буржуазных

партий подбирались премьером из числа тех кандидатов, которые разделяют его линию на неуклонное выполнение условий перемирия и демократизацию страны. Наши источники считают, что новый состав правительства под руководством Паасикиви начнет добросовестно работать по выполнению условий перемирия и изменению внешней политики в направлении установления мирных добрососедских отношений с Советским Союзом, — спокойно ответил я.

— Это и ваше мнение? — спросил Жданов.

— Да, источники объективно подошли к оценке нового правительства.

— Хорошо, — сказал Жданов.

В это время мне хотелось спросить, разделили ли он после моего пояснения такую точку зрения, но... я воздержался. Мне показалось, что он остался удовлетворенным моим ответом.

Затем мы перешли к обсуждению предстоящих выборов депутатов в парламент.

От того, кто победит на этих выборах, будет зависеть и направление политики государства. Для реакционеров и националистов это последняя надежда избрать такой парламент, который сохранил бы прошлый режим в стране и не допустил демократических перемен.

— Что имеют в виду ваши источники, говоря о победе демократов на выборах? — спросил Жданов.

— Демократы рассчитывают, что значительная часть выборщиков отдадут свои голоса за кандидатов блока ДСНФ-компартия-общество «Финляндия-Советский Союз», и это составит не менее числа тех, кто голосует за кандидатов социал-демократической партии и Аграрного союза.

— Значит, блок ДСНФ не отвоюет и половины депутатских мест у правых партий? — спросил Жданов. — Да, с таким числом депутатов от ДСНФ много не сделаешь, — с сожалением добавил он.

Мне очень хотелось спросить его, что он имел в виду под словом «много», но Жданов опередил меня своим вопросом:

— Не кажется ли вам, что ваши источники и вы сами фетишизируете Паасикиви как демократа и как премьер-министра?

«Понятно, — подумал я, — меня проверяют на предмет идеологической стойкости по отношению к финским буржуазным политикам и лидерам. Это серьезно».

Мне сразу вспомнилась угроза Берии глубокими подвалами Лубянки, когда в 1940 году я делал первые шаги по установлению контактов с политическими деятелями Финляндии.

Не торопясь, собравшись с мыслями, я сказал Жданову, что с тех пор, как начал работать в Финляндии в качестве резидента, т. е. с конца 1939 года и до настоящего времени, моей первейшей задачей было изучение всех ведущих политических деятелей и лидеров буржуазных партий на предмет выяснения их кредо и роли в политической жизни страны. Я изучал их таланты, культуру и философские убеждения. Если говорить конкретно в отношении нынешнего премьера Паасикиви, то он известен нам с 1918 года, когда начинал свою политическую деятельность в Коалиционной партии и с апреля по декабрь того же года занимал пост премьер-министра Финляндии. По своим убеждениям он был монархист, являлся, в числе других, инициатором установления монархического строя в стране, приглашения в качестве монарха немецкого принца. Осуществить это не удалось из-за революционных событий в самой Германии. Затем длительные годы он служил директором Национального банка и активно работал в партии, которая была и остается самой враждебной и антисоветской партией. В зрелые годы он отошел от деятельности этой партии и на политической сцене теперь выступает как беспартийный. Если же судить по делам, то его старые привязанности нет-нет да проявятся.

Если проследить поведение Паасикиви на протяжении всего периода войны, то окажется, что он все это время сидел как крот, не высказывая даже легкого возражения, не говоря уж об открытом протесте. И это тогда, когда многие видные деятели партий и общественных органи-

заций, начиная с середины 1943 года, требовали выхода Финляндии из войны и заключения перемирия. Голоса Паасикиви тогда не было слышно.

Однако если внимательно проанализировать программное заявление премьер-министра и сравнить его с заявлением Кекконена по радио 25 сентября, то окажется, что программа Паасикиви по многим принципиальным вопросам строительства нового государства только повторяет программу Кекконена.

Конечно, для советской стороны было бы выгоднее, если премьером мог бы быть молодой политик — Урхо Кекконен, который раньше других выступил с требованием отставки Рюти и прекращения войны с Советским Союзом. Но ему было бы труднее и сложнее преодолеть консерватизм мышления и взглядов в обществе на проведение внешней политики, дружественной СССР. Ведь надо иметь в виду, что реакционными силами в стране десятилетиями культивировалась слепая безрассудная ненависть к Советскому Союзу, и сейчас легче исправить такую ситуацию и строить государственность на демократической основе тому, кто был причастен, пусть в молодости, к проводившейся враждебности по отношению к русскому народу. Кстати, когда некоторые социал-демократы предложили Кекконену принять пост премьер-министра, он отклонил это предложение, объявив, что при нынешней ситуации премьер-министром может быть только Паасикиви.

Сформировав свое правительство, Паасикиви заявил в день независимости Финляндии в декабре 1944 года следующее: «Главным и определяющим во внешней политике Финляндии является отношение нашей страны к великому восточному соседу — Советскому Союзу. Это наша основная внешнеполитическая проблема, которую мы должны решить и от которой зависит будущее нашего народа. Мы недавно подписали с Советским Союзом Соглашение о перемирии, которое ныне осуществляется. Нет разных мнений по поводу того, что это Соглашение должно быть добросовестно выполнено. Но, помимо положений этого Соглашения, в будущем необходимо добиться хоро-

ших, основывающихся на доверии отношений с нашим великим соседом. Недоверие должно быть устранено, должна быть установлена дружба. По моему убеждению, в коренных интересах народа проводить внешнюю политику так, чтобы она не была направлена против Советского Союза. Мир и согласие, а также добрососедские отношения с Советским Союзом, основанные на полном доверии, являются первым принципом, которым следует руководствоваться в нашей государственной деятельности».

Зачитав эту выдержку из заявления Паасикиви, я сказал Жданову, что такое заявление мог сделать человек, который глубоко осознал неизбежность и необходимость коренной перестройки внешней политики Финляндии. Паасикиви, конечно, не поведет свой народ к социализму. Из старого монархиста не сделаешь социалиста.

— Наши источники отдают себе в этом отчет и не фетишизируют Паасикиви, а критически рассматривают его действия. Они же будут и помогать выполнять объявленную им программу.

— Ну что же, вопрос ясен. Надо проинформировать Сталина, — доброжелательно сказал Жданов. — Помогите Терешкину подготовить проект телеграммы в духе вашего сообщения мне.

На следующий день телеграмма была послана.

Итак, завершилось формирование правительства Паасикиви, которое первыми своими действиями подтвердило, что намерено добросовестно выполнять все условия перемирия.

В начале декабря с Советским Союзом было подписано соглашение о репарациях и порядке их выплаты. В ускоренном порядке готовились законы по демократизации политической и общественной жизни страны.

Для подведения итогов работы в 1944 году и обсуждения предстоящих мероприятий резидентуры в 1945 году мы собрались всей группой в резиденции председателя СКК, где вероятность подслушивания была исключена. Каждый из присутствующих подробно рассказал, как он вписался в новую, необычную обстановку чужой по языку, социальным условиям, обычаям, при-

вычкам страны, что удалось сделать по изучению социальной среды, в которой он хотел бы искать подходы к объектам для разработки и привлечения их к сотрудничеству, какие дружеские связи установлены или намечаются.

В качестве пополнения и закрепления уже приобретенных знаний на трудном пути разведки я процитировал собравшимся письмо старого английского дипломата и разведчика:

«Первый и лучший совет, какой я могу дать молодому человеку, вступившему на это поприще: слушать, а не говорить, по крайней мере не больше, чем нужно, чтобы побудить других говорить. Стараясь на протяжении моей жизни следовать этому методу, я выводил у моих оппонентов много полезных сведений и скрывал от них мои взгляды.

Надо быть осмотрительным во всякой стране, особенно с теми, кто при первом же вашем появлении больше всего стремится познакомиться с вами и сообщить вам свои взгляды. Я всегда убеждался, что их заверения неискренни, а сообщаемые сведения лживы. Держите ваш шифр всегда под крепким замком, но никогда не хвастайтесь своей осторожностью».

ПОДГОТОВКА К РЕШАЮЩИМ ВЫБОРАМ В СЕЙМ. ЖДАНОВ И СТАЛИН О ПУТИ ФИНЛЯНДИИ

Да здравствует 1945 год! Добрый тебе путь, молодой год, и много побед!

В середине января меня неожиданно пригласил к себе Жданов и предложил доложить о политической обстановке в Финляндии.

Свое сообщение я начал с объяснения ситуации, сложившейся к началу нынешнего года. Страна фактически разделилась на два враждующих лагеря: демократов и реакционеров. И те, и другие ожесточенно борются за души избирателей.

Таннер, объявивший кровную вражду коммунистам, разослал по крупным городам страны своих единомышленников для организации антикоммунистической пропаганды, чтобы перекрыть пути коммунистам в парламент.

Сторонники демократического направления, в том числе и коммунисты, организовали широкую кампанию по выходу из социал-демократической партии всех несогласных с Таннером и его политикой и вступлению их в недавно созданный Демократический союз народа Финляндии, целью которого является объединение представителей всех слоев населения в борьбе за свои жизнен-

ные интересы, за прогресс, за дружбу и сотрудничество с СССР. Практически это означает, что все вышедшие из СДПФ приняли участие в создании новой партии ДСНФ, куда вошли также и многие коммунисты.

Затем рассказал Жданову, что правительство Паасикиви встречает большое сопротивление реакционных сил при демократизации внешней и внутренней политики государства. Буржуазные партии, и прежде всего Коалиционная, распространяют ложные сведения о том, что после разгрома Гитлера Англия и США начнут войну против Советского Союза и финнам надо начинать думать о реванше. Чистка государственного аппарата потребует большего времени, чем это намечалось правительством.

— Учитывая, что подобные действия правых сил рассчитаны на ослабление усилий правительства Паасикиви, — заявил я, — законно и желательно, чтобы представитель СКК потребовал от МИДа Финляндии прекращения враждебной антисоветской пропаганды, нарушающей условия перемирия.

— Каково настроение парламента в отношении подготовки проекта Закона относительно суда над виновниками войны? — спросил Жданов.

— Нынешний парламент по своей воле посадил бы на скамью подсудимых вас и меня, как русских людей, а не Таннера и других виновников войны, — пошутил я весьма неосторожно и передал Жданову письменный доклад. Он с интересом стал его читать.

Минут через десять в кабинет зашел личный врач Жданова, налил из графина стакан воды и протянул ему таблетку. Жданов сказал врачу, чтобы он не мешал работать. Как только врач вышел, он с досадой выкинул таблетку в корзину, заметив, что «стенокардию вылечивает только смерть».

По ходу чтения моей информации Жданов ворчал, а кончив чтение, спросил:

— Не драматизирует ли ваш источник политическую ситуацию в стране и не втягивает ли нас третьей стороной в разрешение их внутренних конфликтов?

— Мне кажется естественным, что наш источник обращается к нам за помощью в критический период борьбы за демократизацию страны. Конечно, если бы Красная Армия вынудила Финляндию к безоговорочной капитуляции, тогда было бы проще и быстрее направить ее развитие по демократическому пути. Подписание перемирия спасло реакцию от поражения, — закончил я свое опасное высказывание.

Жданов перестал читать и, подняв глаза на меня, сказал:

— Вы, по всей видимости, войну наблюдали со стороны, не участвуя в ней, и потому так легко наше перемирие с финнами путаете с их полной капитуляцией. В свое время успешное продвижение немецкой армии к Ленинграду в нас, ленинградцев, вселило ужас, а у финнов была радость. Немцы двигались с таким напором, что наши солдаты не успевали отступать. Такое бегство у пунктуальных немцев вызвало подозрение, что русские готовят ловушку и... они стали фронтом у Пулковских высот, всего в 20 километрах от Ленинграда. Эта небольшая, в несколько дней, пауза позволила солдатам и ленинградцам построить такую оборону, что когда немцы, поняв свою оплошность, попытались захватить Ленинград, то получили такой отпор, что отказались от мысли захватить город с юго-запада. У них оставалась надежда сделать это с помощью финской армии. В начале наступление финнов развивалось успешно, наши войска на Карельском перешейке, в силу малого их числа, планомерно отходили к Ленинграду. Финны же, дойдя до старой границы 1939 года, в 25 километрах от Ленинграда, остановились и стали обстреливать город из дальнобойных орудий.

Вы, наверное, знаете, — продолжал Жданов, — что начиная с августа 1941 года до подписания перемирия в сентябре 1944 года мы шесть раз предлагали Финляндии перемирие, но финны отклоняли наши предложения. Почему? — спросил Жданов и сам ответил: — Враждебность, патологическая ненависть к Советскому Союзу и стремление правящей элиты осуществить безумную

мечту о «Великой Финляндии до Урала» помешали им разобраться в обстановке.

Почему мы так активно добивались выхода Финляндии из войны? — спросил Жданов и продолжал: — Знаете ли вы, какова была численность личного состава финской армии на день демобилизации и сколько наших войск было отправлено с финского фронта на Центральный фронт против Гитлера?

— Мне известно, что финны демобилизовали около трехсот тысяч человек, — был мой ответ.

Жданов лукаво улыбнулся и сказал, что финны демобилизовали 450 тысяч человек, а мы отправили на фронт против Гитлера 600 тысяч солдат и офицеров, которые были так необходимы на Берлинском направлении. Конечно, если бы Финляндия не пошла на перемирие, нам пришлось бы доводить ее до безоговорочной капитуляции, но это стоило бы нам больших потерь, примерно в миллион наших солдат. Нехватка этого миллиона сразу бы сказалась на главном направлении и в осуществлении главной нашей цели — как можно скорее разбить гитлеровский фашизм, не дать нацистской Германии заключить сепаратный мир с западными союзниками, о чем сейчас имеется достоверная информация.

— Так вот, после того как я рассказал вам о значении подписания перемирия, продолжаете ли вы поддерживать просьбу вашего источника, чтобы нам выступить с протестом о нарушении Финляндией условий перемирия в части запрещения и пресечения деятельности фашистских и полуфашистских организаций и союзов? — опять спросил Жданов.

— Поддерживаю просьбу. Более того, мои источники сообщают, что на страну надвигается продовольственный голод из-за неурожая зерновых, а валюты для закупки зерна на Западе у финнов нет. Мой источник, я вам докладывал о нем; спросил меня: «Мог бы Советский Союз оказать Финляндии продовольственную помощь, если бы Финляндия обратилась с такой просьбой в нынешний трудный час?»

— Что вы ответили вашему источнику? — резко спросил Жданов.

— Я сказал, что, к счастью, у нас в Советском Союзе урожай зерновых был хорошим и это позволит нашему народу сносно прокормить тыл и армию, сражающуюся с гитлеровской Германией; в отношении же помощи их стране компетентный ответ может дать только председатель СКК товарищ Жданов, — спокойно ответил ему и добавил: — Я думаю, что финнам можно было бы оказать помощь продовольствием.

— Когда у вас была такая беседа с источником?

— Вчера вечером.

Жданов начал снова, подчеркивая карандашом некоторые места, перечитывать мое донесение. Когда дочитал до последней строки, задумался, снял трубку телефона «ВЧ» и заказал разговор со Сталиным. Я поднялся, чтобы выйти из кабинета, но он рукой указал на кресло и сказал:

— Вы можете потребоваться.

Жданова быстро соединили с Москвой, и между ним и Сталиным начался разговор, который затем я записал в свою служебную тетрадь для памяти. Он был настолько важен, что я его хорошо запомнил и могу теперь воспроизвести.

Жданов:

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович. Докладывает Жданов. У меня появилась необходимость доложить вам о военном и политическом положении в Финляндии на начало 1945 года. К настоящему времени правительство Паасикиви все еще не выполнило статью перемирия о разоружении и интернировании немецких солдат и офицеров. Пока интернировано и передано нам в качестве военнопленных три тысячи немецких солдат.

Сталин (предположительно):

— Надо ускорить освобождение Финляндии от немецких войск. На Крайнем Севере Мерецков прогнал немцев в Норвегию за город Киркенес.

Жданов:

— Финны за помощью не обращались, уверяют, что сами выдворят их. Пусть повоюют со своими бывшими союзниками. Это им будет уроком на будущее.

Далее Жданов начал докладывать о выполнении условий перемирия постатейно. Когда подошел к изложению обстановки в стране, он, взяв мои донесения, сказал Сталину, что из достоверных источников стало известно о большом сопротивлении и саботаже условий перемирия со стороны правых, профашистских организаций, уже распущенных законом, но нагло продолжающих борьбу против демократических сил.

Сталин прервал его и, видимо, спросил, почему не вмешивается правительство Паасикиви. Жданов ответил, что Паасикиви издает указы, но исполнительная власть пока находится в руках реакционеров и фашистов, которые саботируют законы и указы президента. В этой связи к нам от надежных источников поступила просьба, чтобы председатель СКК выступил с протестом по поводу развязанной в Финляндии вражеской, антисоветской деятельности еще не запрещенных фашистских, полуфашистских организаций и потребовал их немедленного роспуска, как это указано в статье 21. Такая мера, по мнению наших информаторов, способствовала бы усилению борьбы прогрессивных сил за демократические преобразования в стране и оказала бы им помощь в предвыборной борьбе за места в парламенте, — сказал Жданов и замолк.

Сталин тоже молчал, но вскоре заговорил и, видимо, спросил:

— Не нанесет ли этот протест удар по престижу Паасикиви, который все же стремится выполнять условия перемирия?

Жданов тут же сказал, что его протест будет обращен к исполнительной власти на местах, которая саботирует выполнение статей перемирия вопреки указаниям президента. Этим мы выведем его из-под удара. Мы не будем выступать против министров правительства, которые проводят значительную работу по демократизации всех сфер деятельности государства.

Выслушав такой ответ, Сталин дал согласие на оглашение протеста и, вместе с тем, посоветовал Жданову, чтобы выборы в парламент не оставались без его внимания.

Жданов, поблагодарив Сталина, сказал, что вопросам выборов в парламент у него занимается специально выделенный работник, который регулярно информирует его о всех проблемах, возникающих в ходе подготовки к ним.

— У меня к вам, товарищ Сталин, в этой связи имеется вторая просьба, — сказал Жданов. — Наш источник сообщает, что по причине военной разрухи и особенно из-за неурожая зерновых надвигается голод, а валюты для закупки зерна на Западе нет. В этой связи финны обращаются с просьбой об оказании помощи, по возможности продовольствием. Если такая помощь может быть оказана, то лучше сделать это до выборов в парламент, чтобы показать финнам, кто у них настоящие друзья, а кто противники.

Высказав такую просьбу, Жданов с напряжением стал ждать ответа. Только минуты через две между ними начался разговор.

Сталин:

— В каком размере требуется продовольственная помощь и на каких условиях?

Жданов:

— На любых условиях, кроме валютной оплаты. Что касается размеров помощи, точно я сказать не могу. Это определится на переговорах с финской стороной, если в принципе будет дано согласие оказать таковую.

Сталин:

— Чьи интересы защищает ваш источник, обращаясь к вам за помощью? Не окажется ли это помощью реакционным силам?

Жданов коротко рассказал, кто он, и подчеркнул, что этот финн активно участвует в демократическом движении.

Сталин:

— Через кого и как вы думаете осуществить эту помощь?

Жданов:

— Наш работник, заместитель политического советника СКК встретится с этим источником и скажет ему,

что он разговаривал со Ждановым о его просьбе и тот положительно отнесется к ней, если с финской стороны будет такое обращение. Для этого источнику надо обратиться к кому-либо из министров, занимающихся проблемой обеспечения населения продовольствием, и от своего имени сделать ему предложение вступить в переговоры с советской стороной о предоставлении продовольственной помощи Финляндии в любое подходящее для них время.

Сталин после некоторого раздумья, видимо, спросил:

— Что означает ваша фраза «в любое подходящее для них время»?

Жданов:

— Эта фраза означает, что финны при большой нужде вскоре придут к нам с просьбой о помощи. В этом случае для нас было бы лучше оказать ее до парламентских выборов, чем позднее.

Мне было видно, как Жданов с большим напряжением ведет этот разговор. Он покраснел и вспотел. Я сопереживал ему, беспокоясь о том, согласится ли Сталин пойти навстречу просьбам наших источников.

Сталин согласился! Он сказал, что через несколько дней Наркоминдел сообщит о согласии Москвы. При этом он предупредил, чтобы до получения телеграммы от Молотова мы не вступали в контакт с финнами по указанным вопросам.

Жданов положил трубку телефона на аппарат, вытер пот с лица, повернулся ко мне и сказал:

— Ясно?

— Да, — ответил ему, — но у меня на встрече с источником может возникнуть ситуация, когда тот, выслушав меня о согласии СССР помочь, скажет, что он сам пойдет к Паасикиви, минуя министра, и от собственного имени заявит, что единственным способом избежать голода в стране является помощь Советского Союза и что с такой просьбой надо обращаться в Москву. Вы учтите, что этот источник действительно крупный политический деятель, бывает у Паасикиви. Как мне поступить в этом случае?

— Пусть он сам решает этот вопрос, — последовал ответ.

— А если он спросит меня об этом?

Жданов задумался и неожиданно спросил:

— А как вы сами думаете?

— Я думаю, что он не упустит случая использовать возможность посещения Паасикиви с таким предложением и его можно поддержать в этом.

Видимо, согласившись, Жданов легко поднялся с кресла и не то в шутку, не то всерьез сказал:

— А вы поспорили бы с моим сыном? — и улыбнувшись, не дожидаясь ответа, попросил дежурного принести два стакана чая.

Откровенно говоря, я не понял смысла сказанного им. Я знал от Терешкина, что Жданов часто спорит со своим сыном, который, являясь талантливым философом, в споре частенько побеждает отца. А меня он тоже считает ярым спорщиком, поскольку никто из его окружения не осмеливается с ним так разговаривать. Было видно, что Жданов еще напряжен после беседы со Сталиным. Хлебнув глоток горячего чая, он еще раз заметил, чтобы я не ходил к источнику до получения телеграммы из Москвы.

Через два дня мне позвонили из резиденции Жданова, чтобы я срочно зашел к Терешкину. Оказалось, что прибыла телеграмма, подписанная Молотовым, примерно следующего содержания: «Поручите заместителю политического советника довести до сведения финской стороны, что Советский Союз сможет оказать продовольственную помощь Финляндии в связи с недородом зерновых, если она обратится за таковой. Для вашего личного сведения сообщаем, что помощь зерном может быть в пределах до ста тысяч тонн». На телеграмме была резолюция: «Прошу переговорить. Жданов».

Принял меня он, как только я появился в приемной.

— Ну вот, теперь действуйте, но имейте в виду, чтобы просьба о помощи исходила от финской стороны, и чтобы у них не создалось впечатления, что мы ее им навя-

зываем. О размерах нашей помощи не объявляйте. Желая успеха, — довольный, сказал Жданов.

В тот же день я встретился с источником. Сообщил, что его просьба о продовольственной помощи мною обсуждена со Ждановым. Глава СКК с пониманием отнесся к просьбе, консультировался с Москвой, которая ответила, что если население страны испытывает такую нужду в хлебе, то правительство Финляндии может официально запросить советскую сторону о помощи.

На лице моего друга светилась радость. Он спросил, когда же это можно сделать?

— Хоть сегодня, — ответил я ему и поинтересовался, каким образом он думает организовать такую просьбу?

— Сегодня же я и запрошусь на прием к Паасикиви, благо у меня к нему имеется целый ряд важных вопросов.

— Может, вам удобнее это сделать через какого-либо министра?

— Нет, мое обращение к вам о помощи и ваш положительный ответ не должны стать известными кому бы то ни было. Сделать это надо только мне.

И я понял, что он был прав.

Провел он это мероприятие блестяще! Все пошло очень быстро, и в конце января было подписано Соглашение о поставках в Финляндию в период до 1 июля 1945 года тридцати тысяч тонн зерна (сколько они просили), одной тысячи тонн сахара и триста тонн кондитерских изделий. В Советском Союзе хлеб и другие продукты выдавались тогда только по карточкам.

Неделю спустя после публикации в прессе Соглашения о продовольственной помощи заместитель председателя СКК генерал-лейтенант Савоненков вызвал к себе министра иностранных дел К.Энкеля и в твердом тоне заявил ему протест о том, что в статье 13 перемирия предусматривается сотрудничество Финляндии с союзными державами по вопросам задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях и наказания их. Финские же власти задержали только 34 человека, обвиняемых в военных преступлениях, но суда над ними не провели. Вместе с тем, подчеркнул Савоненков, общественность Финляндии на-

стаивает на принятии срочных мер для выявления преступников войны, чтобы привлечь их к строгой ответственности за содеянные преступления. Советский Союз также ожидает строгого выполнения этой статьи.

Савоненков потребовал также быстрее выполнения статьи Соглашения в отношении роспуска профашистских организаций и пресечение их деятельности. Несмотря на требования общественности Финляндии, фашистская организация «Братья по оружию» до сих пор не распущена и продолжает терроризировать население страны. Местные власти в городах и поселках не приняли мер к полному прекращению деятельности ранее распущенных профашистских организаций. Значительная часть членов этих организаций продвигается в полицию, выдвигается на руководящие посты в административные и государственные органы.

Этот протест-заявление на следующий день опубликовали все газеты демократического направления. Начались собрания, манифестации, митинги трудящихся против засилья фашистов и реакции во всех звеньях политической жизни страны.

Работа продолжается и во время прогулки

Мне необходимо было выявить для доклада Жданову общую ситуацию в стране в ее динамике. Наиболее подходящим для такой цели мог быть Граф, с которым я и встретился.

Первое, что он сделал, поблагодарил советское правительство за бескорыстную продовольственную помощь Финляндии.

Далее Граф рассказал, что в схватке между правыми и демократами на стороне правых выступили английские и американские разведчики — Р.Босли, Д.Мэджил, Р.Юлитало. Особенно в этом старается английская разведка. Наиболее активно сотрудничали с англо-американцами такие деятели, как В.Кариокоски, являющийся директором центрального союза работодателей Финляндии, Тойво Тарьянне, канцлер юстиции, генерал Пааво Талвела, министр Бруно Кивикоски, полковник разведки Кякенен, Эрик Габриэльсон — начальник политической полиции города Хельсинки и другие.

Учитывая опасность враждебной деятельности англичан, я поручил Графу углубить свои отношения с другом для получения более подробных сведений о подрывной деятельности финнов, сотрудничающих с англо-американской разведкой.

Время неумолимо отсчитывает дни и месяцы. До выборов осталось чуть больше четырех недель. Надо было проинформироваться у Монаха.

Когда встретились, он рассказал, что после протеста Жданова Паасикиви обязал всех министров в месячный срок представить отчеты, что предпринято по пресечению подрывной работы реакционных группировок. Больше всех досталось министру юстиции Урхо Кекконену за медленную подготовку суда над виновниками войны.

Далее Монах сказал, что в ближайшие дни намерен посетить Паасикиви и посоветовать ему выступить по радио и призвать избирателей голосовать за кандидатов от демократического лагеря. Мне понравилось его намерение.

Дней за десять до выборов меня пригласил Жданов и предложил проинформировать об обстановке в стране перед этим событием.

— Продовольственная помощь Финляндии со стороны Советского Союза вызвала чувства солидарности среди населения и уже оказывает воздействие на избирателей в пользу демократов. Со стороны правых сил организационная работа в предвыборной кампании осуществляется лидерами и активистами распущенных фашистских и полуфашистских организаций. По данным наших источников правым силам активно помогают английские и американские разведчики, прикрытые дипломатическими паспортами.

— Например, шеф английской разведки в Хельсинки Рекс Босли в кругу своих приближенных недавно хвастался, что пока он здесь, Финляндия сохранит свой прежний режим и ее сближения с Советским Союзом не произойдет.

— Ну, это безответственный болтун, — сказал Жданов.

— Однако если учесть, что его друзьями являются в большинстве своем политические деятели — лидеры правых партий, некоторые министры, высшее офицерство и руководство карательных органов страны, то его болтовня, видимо, имеет под собой какие-то реальные основания.

— Скажите, а может случиться, что правые на парламентских выборах побьют демократов, завоюют большинство мест в парламенте и сформируют новое правительство во главе со своим ставленником, а Паасикиви и его министров пошлют в отставку? — спросил Жданов.

— При нынешнем политическом климате в стране, когда демократические силы пришли в движение, демократы на выборах борются за свои права и начинают завоевывать их, у меня есть уверенность, что они получат достаточное число депутатов, чтобы участвовать в формировании правительства, думаю, во главе с Паасикиви. Ведь не зря он еще до выборов в свое первое правительство ввел коммуниста. Он, может быть, один из первых почувствовал, какой накал страстей развернется в борьбе

за демократические права для каждого человека. Надо принять во внимание и еще один важный фактор: общественному мнению страны известно, что премьер-министром может стать только человек, к которому благожелательно отнесется СКК.

Далее я рассказал Жданову, что за полуторагодичную работу в Финляндии до Отечественной войны я убедился, как правящая элита всеми силами стремилась не допустить взаимных обменов делегациями ученых, писателей, художников, деятелей кино и т.д. Реакция ставила палки в колеса культурного обмена только для того, чтобы сохранить в сознании финнов образ советского человека, как врага и агрессора. Но и в те годы демократам удавалось поддерживать культурные связи с Советским Союзом.

— Мне кажется, — предложил я, — сейчас было бы весьма желательным прислать в Финляндию ансамбль Красной Армии, руководимый Александровым, и встряхнуть финнов песней и пляской.

— Начнем с ансамбля Александрова, — заметил Жданов.

В конце беседы я рассказал ему, что один мой источник посетил Паасикиви и попросил его выступить с обращением к избирателям, а два дня тому назад в газетах было опубликовано следующее заявление Паасикиви: «...Значение предстоящих выборов наиболее важно с внешнеполитической точки зрения. На предстоящих выборах следовало бы вместо лиц, принимавших участие в осуществлении ошибочной политики предыдущих лет, привлечь в парламент новые силы, у которых за плечами нет балласта прошлого и которые с открытым взором и без предрассудков могут приняться за решение предстоящих задач. Парламент должен, как говорится, получить «новое лицо».

Когда Жданов выслушал сообщение, он порывисто поднялся с кресла и воскликнул:

— Молодец Паасикиви! Это безусловно серьезная помощь всем демократам страны!

ВЫБОРЫ 1945 ГОДА: ПОБЕДА ДЕМОКРАТИИ ВПЕЧАТЛЯЮЩАЯ, НО НЕ ПОЛНАЯ

В выборы в парламент были отмечены самой высокой активностью избирателей за всю историю Финляндии. За ДСНФ голосовал каждый четвертый избиратель, что дало 49 депутатов в парламенте. СДПФ получила 50 депутатов и Аграрии — 49. Значимость победы ДСНФ заключается в том, что его депутаты в случае несогласия с парламентским большинством могут провалить любой закон. Это огромная победа демократических сил!

В день объявления результатов выборов меня пригласил к себе Жданов. Было заметно, что он в кислом настроении.

— Прогноз ваших источников оправдался. Теперь ясно, что парламент не сможет, если и захочет, вернуть страну к старым порядкам. Очевидно также, что и демократические силы, набрав двух третей депутатского корпуса, будут не в состоянии по-настоящему демократизировать Финляндию, как это делается в Румынии, — с огорчением сказал он. Я уже тогда догадывался, что Жданов мечтал о том, чтобы развитие Финляндии пошло по румынскому пути.

Не разделяя этой его точки зрения, я сделал вил, что не обратил внимания на его фразу о Румынии.

На пятый день после парламентских выборов Жданов вновь пригласил к себе. Ему, естественно, не терпелось

узнать новости из первых рук. Хорошо, что за короткое время мне удалось повидаться с двумя источниками.

— Последние две недели, — сказал я Жданову, — решали судьбу страны, какой ей быть: демократической или оставаться полуфашистской, враждебной Советскому Союзу. Парламентские выборы показали, что финский народ проголосовал за демократический путь развития страны. Это его огромная победа, но она не легко далась.

Продолжая свой доклад, рассказал ему, что Паасикиви, получив предложение формировать правительство, созвал заседание министров, где, поблагодарив их за хорошую совместную работу в прошлом, высказал пожелание о дальнейшей совместной работе. При этом Паасикиви заметил, что в связи с победой ДСНФ на выборах он намерен включить в состав правительства семь его представителей, в том числе трех от коммунистической партии. Единственной реакцией на намерение Паасикиви ввести в правительство трех коммунистов был слабый гул удивления. Отказов войти в новое правительство не последовало.

Формирование правительства, однако, затягивалось. Наступил апрель, а Паасикиви молчал. Только 17 апреля был объявлен состав правительства, в котором, по существу, остались прежние министры, только с некоторыми перестановками в связи с получением коммунистами поста министра внутренних дел. Им стал Юрье Лейно, муж Гертты Куусинен.

Парламентские фракции «трех больших» сделали от имени парламента следующее заявление: «...Необходимо установить подлинно искренние отношения со всеми демократическими государствами и, прежде всего, с Советским Союзом, построив эти отношения на базе обоюдного доверия и уважения, взаимных связей, искренней и прочной дружбы».

Я еще раз внимательно прочитал это заявление, и меня охватила радость! Это триумф демократических сил! Таким важным заявлением новый финский парламент начал свою работу.

Союзная Контрольная Комиссия посетила пленум финского парламента, после чего была приглашена на кофе главами финской группы межпарламентского союза. Слева направо: полпред Орлов, секретарь посольства Елисеев, советник посольства Попов. Фото и текст из шведской газеты середины 1940-х годов

За весь период самостоятельности Финляндии ее парламент впервые поручает правительству осуществлять новый курс внешней политики, направленной по пути уважения, обоюдного доверия, взаимных связей, искренней и прочной дружбы с Советским Союзом. Теперь дело за программой правительства Паасикиви.

После выборов я привел в норму и восстановил регулярность встреч с источниками влияния.

Через пять дней отправился к Жданову.

Жданов принял сразу. Он был в хорошем настроении. С каждой встречей он становился доступнее и приветливее.

— Каковы успехи? — спросил он, пожимая мне руку.

— Жаловаться было бы грешно! — в тон ответил ему. — Нынешний парламент имеет возможность принять закон об учреждении суда над реакционерами — политиками и генералами прогитлеровской приверженности.

— Наверно, мы зря на переговорах с финнами о перемирии уступили их просьбе, чтобы они сами судили своих виновников войны, а не международный суд, — заметил Жданов.

— Такой суд, по мнению демократических сил, будет иметь большую силу психологического воздействия на народ, чем если бы их судили победители. Конечно, финский суд может приговорить подсудимых к меньшим срокам тюрьмы, чем суд победителей, но не в этом главная цель судебного процесса. Важно то, что судить будут финны финнов по финским законам.

Жданов промолчал.

— Да, это хорошая победа демократических сил, она знаменует собой конец безраздельного господства реакции и начало процесса демократизации Финляндии, — сказал Жданов, видимо уже выбросив из головы абсолютную победу коммунистов по крайней мере в две трети голосов, которая ему грезилась.

За чаепитием он вновь заговорил о правительстве Паасикиви, воздавая ему должное в умении стабилизировать политическую обстановку в стране и добросовестно выполнять условия перемирия.

Воспользовавшись дружеским расположением Жданова, счел своевременным высказать ему некоторые пожелания возможных действий со стороны Советского Союза в отношении Финляндии.

— Нам стало известно, что лидеры реакционных кругов Финляндии через английскую разведку начали поиск путей сближения с государственными структурами Англии и США, чтобы прервать начатое сближение финнов с Советским Союзом. В этой связи хорошей контрмерой с нашей стороны было бы установление дипломатических отношений между Финляндией и СССР еще до подписания мирного договора союзников со странами-сателлитами. Юридически мы имеем полное право так поступить, поскольку Финляндия добросовестно выполняет условия перемирия.

Жданов с большим вниманием выслушал мои предложения, минуту помедлив, спросил:

— Это ваши личные предложения?

— Эти предложения возникли у меня в связи с быстро меняющейся политической обстановкой в стране в пользу Советского Союза. Такие меры со стороны СССР наглядно показали бы финнам, что русские не на словах, а на деле стремятся к установлению дружеских и добрососедских отношений.

— А как это может снизить безработицу?

— Безработицей охвачены больше всего судостроительная промышленность и лесобработывающая. В них занято большинство рабочего класса. Мы на выгодных условиях могли бы загрузить их верфи заказами на строительство новых судов большого водоизмещения и ремонтом судов, пострадавших в годы войны, которые у нас стоят на приколе. Что касается деревообрабатывающей промышленности, то финны могли бы обеспечить нас пиломатериалами и балансом для горнорудной промышленности, в чем она остро нуждается.

Жданов молча посмотрел на меня, а затем сказал:

— Прошу вас пойти к политическому советнику СКК Орлову, повторите ему ваши предложения. Вместе напишите записку Сталину.

После избрания парламента и формирования правительства появилось время для более плановых встреч с источниками информации и влияния. Решил повидаться с Графом. Едва встретились, как он взволнованно начал рассказывать сведения, которые взволновали и меня. Один его друг юности сообщил, что английская разведка вместе с финнами проводит перехват телефонных разговоров Жданова со Сталиным. Организаторами с финской стороны являются руководители разведывательного отдела Генерального штаба полковники Халлама и Кяккенен, а непосредственными исполнителями — офицеры радиоразведывательной службы Хейкки и другие.

Подслушивание телефона «ВЧ», по которому шла связь Жданова, было организовано на телефонном кабеле в районе г. Котка, где установлено круглосуточное дежурство специалистов радиоразведывательной службы.

Все разговоры по этому телефону они записывали на специальную пленку аппаратурой, полученной от английской разведки. Резидент этой разведки в Хельсинки Босли доставил из Лондона специальную лабораторию по расшифровке записей речи.

— К настоящему времени, — сказал Граф, — специалисты не могут расшифровать записи. По словам его друга, вместо речи происходит какое-то бурное улюлюканье, сумбурные звуки, но ни одного нормального слова не выявлено.

Рассказав это, он просил использовать эти данные весьма осторожно, чтобы не подвести его. Конечно, я обещал ему это.

Расставшись с источником, помчался в резиденцию Жданова. К счастью, он был свободен от посетителей. Как только сели, рассказал ему всю эту историю. Мой рассказ напугал его. Он быстро поднялся с кресла и, подойдя ко мне, тревожно спросил:

— Друг вашего источника сказал правду, что мои разговоры со Сталиным пока не поддаются расшифровке?

— Абсолютную правду. Граф доверяет ему, — спокойно ответил я.

— Кто кроме вас знает об этом?

— Кроме нас с вами — никто из советских людей не знает об этом.

— Что вы предлагаете?

— Прежде всего, — сказал я, — надо пока сохранять в тайне все, что нам известно об этом деле. Дальнейшие действия проводить под руководством II контрразведывательного управления Центра совместно со специалистами службы «ВЧ» наркомата. Нужно установить места нарушения телефонного кабеля, о котором сообщил наш источник. Выявить всех лиц, причастных к подслушиванию, и место лаборатории, в которой производится расшифровка записей переговоров. Учитывая, что министром внутренних дел является коммунист Лейно, следовало бы переговорить с ним, чтобы все расследование этого дела он взял бы на себя и поручил своему доверенному человеку в полиции (у него такой есть) лично про-

водить все нужные мероприятия совместно с представителями советской контрразведки. Следствие и суд над виновниками дела должны проводиться финскими органами правосудия.

Жданов в принципе согласился с высказанными предложениями, но добавил, чтобы наша разведка не отстранялась от этого дела. Сегодня же он будет договариваться с наркомвнуделом, чтобы срочно прислали нужных специалистов.

На третий день нашего разговора ко мне в номер гостиницы «Торни» ввалилось шесть москвичей и почти все старые знакомые. С той минуты было положено начало большой и кропотливой работе по разоблачению английской и финской разведок, подслушивавших телефонные разговоры между Ждановым и Сталиным.

Около двух недель потребовалось, чтобы завершить операцию. Наши связисты, постоянно находившиеся при СКК для обеспечения бесперебойной работы системы «ВЧ», быстро обнаружили места, где к телефонному кабелю подключалась аппаратура для записи разговоров. Финны из МВД установили дом и помещение, где была установлена аппаратура по расшифровке записи.

Получилось так, что когда полиция вошла в помещение лаборатории, три финских инженера в поте лица старались услышать человеческий голос. Аппаратура была опечатана, погружена в автомобиль, изъято много пленок-записей голоса и все доставлено в МВД для следствия над задержанными на месте преступления.

На следствии арестованные показали, что все их попытки расшифровать записи речи ни к чему не привели. По просьбе следствия наши специалисты, прибывшие из Москвы, проделали весь путь преступников от записи на пленку с телефонного кабеля в тех местах, где это проделывали нарушители, до сотни попыток расшифровать на этой же аппаратуре, но и эти действия не дали положительного результата. Вся аппаратура, изъятая у преступников, была передана в СКК для дополнительных исследований на предмет расшифровки записей голоса. На одну из таких проб пригласили Жданова, где он убедил

ся, что теми техническими средствами, которые применялись противником, расшифровать голос человека, записанный на пленку с аппарата «ВЧ», невозможно. Наши специалисты, присутствовавшие при этом, заявили, что современная техника сделать это не в состоянии. После этого Жданов успокоился и продолжал использовать «ВЧ» для связи со Сталиным. Правда, один из «руководства финской разведки» поспешно бежал в заморские края, чтобы избежать суда.

Опасаясь возможности подслушивания разговоров Жданова в самой резиденции, несмотря на установленный глушитель типа «зуммер», московские специалисты провели тщательное исследование этой системы, которая также оказалась высокой стойкости.

Наступил май месяц, а следы вьюжной зимы все еще оставались высокими сугробами по всем улицам Хельсинки, оставив транспорту и пешеходам узкие дороги. В такое время удобно проверяться и уходить от «наружки».

Жданов что-то зачастил с вызовами меня для доклада о положении страны за последние десять дней.

Принял он меня у себя в спальне, полусидя на кровати. Вид у него был измученного человека. Видимо, грудная жаба (по медицински — стенокардия) стала часто докучать его. Он был занят чтением какого-то документа.

Свой доклад я начал с сообщения, что в стране сейчас происходит дифференциация сил на противников и сторонников нового курса внешней политики Финляндии в отношении Советского Союза. Стало известно о недавних секретных встречах старых деятелей этой партии с Паасикиви, где уговаривали его отказаться от проведения суда над Таннером, Рюти, Рангелем и другими. На все их уговоры Паасикиви ответил примерно следующим образом: «После двух войн с Россией нам, финнам, наконец пора поумнеть. Народ не может нести ответственности за эти войны, каждый должен нести свой крест. Нашей первейшей задачей сейчас является добросовестное выполнение всех статей Соглашения о перемирии». Во время встречи Паасикиви вел себя с посетителями непочтительно. Те быстро ретировались.

Делались подходы к Паасикиви и со стороны английской разведки. Особенно усердствовал в этом В.Вильянен, но ответы ему были такие же, как представителям Коалиционной партии.

Видя, что Жданов не намерен меня прерывать вопросами, я далее рассказал, что помимо подрывной работы правых в парламенте они начали такую же работу непосредственно в СДПФ и Аграрном союзе, призывая руководство этих партий к разрыву с ДСПФ и созданию новой коалиции в составе СДПФ, Аграрного союза и остальных буржуазных партий.

— Чтобы предотвратить такой ход событий, — сказал я, — является целесообразным организовать такую встречу Паасикиви, парламента, правительства и СКК.

— Я думаю, что это будет правильным, — коротко ответил Жданов.

Вышел я от него с хорошим настроением. Заглянув в «святцы», встревожился, что пропустил две обусловленные встречи с Моисеем. Тут же позвонил ему. По голосу и сигналу он узнал, кто звонит, и через час мы уже вели беседу. Сожалел, что не встретились в обозначенное время, поскольку он недели три как зарядился одной идеей, которая не дает ему покоя. Суть ее состоит в следующем.

— Готовясь к очередному раунду борьбы демократических сил за проведение суда над главными виновниками войны, — сказал Моисей, — решил пока для себя определить, кого следует назвать виновником войны и судить за совершенные преступления. Вспомнив своего друга по молодым годам, П.П., работающего в Генеральном штабе, я решил посоветоваться с ним. Тот без колебаний ответил, что маршал Маннергейм, будучи тесно связан с фашистской кликой Германии, принимал прямое участие по вступлению Финляндии в войну с СССР на стороне Германии. Он 15 июня 1941 года, когда финны еще не вступили в войну, подписал приказ о подчинении финского армейского корпуса, дислоцированного в Рованиemi, немецкому главному командованию и об использовании его немцами в боях против Советского Союза. Являясь главнокомандующим финской армии, маршал Маннергейм в начале апреля

1942 года встретился с генералом Дитлем, командующим германским горно-егерским корпусом «Норвегия», наступавшим на Мурманском направлении. Целью встречи было согласование совместных планов весеннего наступления в Восточной Карелии и Мурманском направлении для захвата железной дороги в районе Беломорска или в другом пункте, чтобы прервать жизненно необходимую помощь со стороны Англии.

Гитлер под предлогом празднования 75-летия Маннергейма прибыл в Хельсинки, где провел переговоры с ним и президентом Рюти по закреплению Финляндии как верного участника войны против Советского Союза.

Когда немцы узнали о переговорах Паасикиви с советским послом Коллонтай в отношении прекращения войны и подписания с Финляндией перемирия, то немецкое правительство обратилось именно к Маннергейму, а не к кому-либо другому, чтобы сорвать согласие финнов на прекращение войны с Советским Союзом. И Маннергейму через президента Рюти удалось это сделать.

В начале июня 1944 года (за три месяца до капитуляции Финляндии) Гитлер направил Маннергейму письмо, в котором требовал не допускать мирных переговоров Финляндии с Советским Союзом и вступить в военный союз с Германией, сделав публичное заявление, в котором она, Финляндия, обязется сражаться вместе с Германией до конца. Не заключать мира и даже не зондировать его возможностей без консультации с Германией, то есть без ее разрешения. Вслед за письмом Гитлера в Хельсинки прибыл Риббентроп с требованием, чтобы Финляндия незамедлительно вступила в военный союз с Германией, и он, Риббентроп, будет оставаться в Хельсинки, пока она не выполнит это требование Гитлера. Когда попытка Маннергейма и Рюти провести желательный Гитлеру ответ через парламент не удалась, Рюти был вынужден лично подписать ответное письмо Гитлеру о согласии Финляндии сражаться вместе с Германией до конца.

После того, как Маннергейм 4 августа стал президентом, он всю силу своих способностей направляет на

срыв суда над главными виновниками войны, делая это с сознанием, что этим самым он выгораживает от суда и себя.

— Пока маршал Маннергейм будет оставаться президентом, демократизировать Финляндию и сделать ее дружественной к Советскому Союзу будет затруднительно. Пора показать народу его тесную связь с Гитлером и потребовать ухода его в отставку с поста президента. В этой связи желательно, чтобы Жданов в неофициальной встрече с Паасикиви убедил последнего в необходимости ухода Маннергейма в отставку в интересах дружбы и мира, — сказал Моисей.

Информация и предложение Моисея оказались важными, и я решил доложить Жданову. Принял он меня сразу, выпроводив из кабинета какого-то генерала. Заказывая чай, он заметил, что от моих докладов у него пересыхает в горле.

Положенную перед ним запись беседы он стал внимательно читать, подчеркивая некоторые абзацы. Окончив чтение, задумался, кивком головы пригласил к чаю и опросил:

— Каково ваше мнение по предложению источника в отношении Маннергейма?

— При сложившейся ситуации можно было бы спросить Паасикиви, как он расценивает вариант ухода Маннергейма в отставку с поста президента, скажем, по болезни или по старости. Ведь ему уже 79-й год и народ его президентом не избирал, а сделал это прошлый парламент военного времени. При таком подходе представителю СКК не пришлось бы вмешиваться в вопрос об отставке президента.

Все мною сказанное Жданов внимательно выслушал и еще раз прочитал мою запись беседы с Моисеем, подошел к телефону ВЧ и попросил московскую телефонистку соединить со Сталиным. Такого оборота дел я не ожидал и конечно взволновался — что скажет Сталин. Через минуту Жданову сообщили, что Сталину можно позвонить через полчаса. Отойдя от телефонного аппарата, Жданов стал прохаживаться по комнате. Считая

свою миссию законченной, я поднялся с кресла и сделал два шага к выходу, но он остановил меня, сказав:

— Вы можете понадобится при моем разговоре, останьтесь и коротко изложите вашу прошлую информацию.

Я захватил с собой записку тезисного изложения информации, полученной за последнее время, и положил ему на стол два листа машинописного текста. Жданов тут же начал внимательно читать, отмечая карандашом целые предложения.

Ровно через полчаса его соединили со Сталиным. Свой доклад он начал с изложения внутривнутриполитической обстановки в Финляндии, а затем перешел к тому, что в настоящее время в парламенте готовится закон о суде над главными виновниками войны, вокруг которого как в парламенте, так и в стране разрастается борьба между демократами и реакционными силами — кого судить, кто судьи и на какие сроки осуждать.

Сталин прервал его и, видимо, спросил, что делает правительство в этом направлении.

— Оно испытывает сильное противодействие этому со стороны врагов Советского Союза, — сказал Жданов и далее стал излагать предложения в отношении отставки президента Маннергейма.

Когда Жданов выговорился и замолк, Сталин тоже молчал. Я подумал даже, что прервалась связь, но вскоре от Сталина последовал примерно следующий вопрос: «Подшло ли время к отставке Маннергейма?»

Жданов:

— Еще рановато, пусть Маннергейм сначала осудит своих соучастников, а потом легче будет решать этот вопрос. Во время суда Маннергейм неизбежно будет неоднократно упоминаться как повинный в преступных приказах по армии и за сговор с немцами о вступлении Финляндии в войну на стороне фашистской Германии. Тогда народ Финляндии примет отставку Маннергейма с облегчением.

Сталин сказал (в последующем пересказе Жданова мне):

— Пусть Паасикиви сам решает об отставке Маннергейма, без нашего вмешательства.

Жданов:

— В беседе с Паасикиви мы не будем требовать отставки Маннергейма. Мы только поинтересуемся, как он лично относится к нему, также спросим, каково отношение к нему народа.

Сталин:

— А если Маннергейм после беседы с Паасикиви возьмет да и подаст в отставку, есть у вас предложение о кандидатуре в президенты?

Жданов вслух повторил:

— Кандидатуру в президенты? — и бросил на меня вопросительный взгляд. Я тихим голосом подсказал:

— Паасикиви.

Жданов тут же назвал это имя Сталину.

Закончив беседу, Жданов стал быстро ходить по кабинету. Вскоре, однако, он успокоился и, пересказав мне вопросы Сталина, сказал:

— Как видите, Сталин согласился с нашими предложениями в отношении отставки Маннергейма. Подготовьте справки на возможных кандидатов в премьер-министры, которые понадобятся, когда президентское кресло займет Паасикиви.

ПААСИКИВИ ПЕРЕХИТРИЛ ЖДАНОВА

С того майского солнечного дня нашей резидентуре пришлось активно заняться и этой проблемой, хотя источники влияния и так были сильно перегружены по своей основной работе.

Новый круг встреч начал с Адвоката. Когда позвонил и сообщил ему, что хотел бы повидаться, он скороговоркой сказал:

— Сегодня, через час.

По его ответу понял — располагает какими-то важными сведениями. И я не ошибся. Он ознакомил меня с документом, подготовленным Паасикиви для обсуждения с лидерами партий.

В документе излагались внешнеполитические позиции Финляндии, по которым можно было сделать вывод, что руководство страны должно выбирать путь, четко сбалансированный между СССР и Западом. Все пункты — их пять — этого документа так или иначе сводились к этому. Они вызывали недоумение: да тот ли это Паасикиви?

— Передайте этот документ мне, я его переведу и спрошу Жданова, как его лучше использовать, конечно, при строгом соблюдении секретности источника получения этого документа. Оригинал его верну вам сегодня же, — сказал я.

Мне показалось, что Адвокат с облегчением согласился с этим предложением.

Со встречи я поехал прямо в резиденцию к Терешкину для срочного фотографирования и перевода документа. Когда перевод был сделан, я попросил доложить его Жданову для ознакомления, а сам поехал к Адвокату, чтобы возвратить подлинник.

Через час я уже был в кабинете Жданова. Осмотрев меня с головы до ног, он строго спросил:

— Когда вы получили этот документ?

— Сегодня, три часа тому назад, — ответил ему, проверяя время по своим часам.

— Почему сразу не пришли после перевода документа Терешкиным?

— По законам разведки документ, полученный от источника, разведчик должен держать у себя минимальное время — сколько требуется для его обработки — ни на одну минуту больше, чтобы затем немедленно возвратить его владельцу.

Жданов, быстро пробежав глазами документ, спросил, чем вызвано появление такой записки Паасикиви.

— Слишком большое давление на него извне и изнутри. Видимо, он во время болезни не устоял перед такой обработкой, результатом чего и стала его записка.

— Не исключено, что Сталин может спросить, как же мы в прошлый раз рекомендовали такого неустойчивого политика в президенты? — задал вопрос Жданов.

— Я бы ответил так, как только что докладывал вам: Паасикиви в состоянии болезни подвергся нажиму со стороны мощных реакционных сил и, как видно из его записки, сделал им уступки. Это еще не означает, что он перешел в лагерь реакции.

Сказав это, я добавил, что он, Жданов, может исправить ситуацию, лично встретившись с Паасикиви.

Не сказав больше ни слова, Жданов заказал разговор со Сталиным. На этот раз их соединили быстро.

Жданов, как всегда, сначала доложил о текущих делах СКК, рассказал о сильном сопротивлении немцев финским войскам в районе Рованиemi и затем перешел к записке Паасикиви. Сначала прочитал саму записку, комментируя каждый ее пункт, а затем высказал оцен-

ку всему документу, назвав его не дружественным, неким отступлением от прежних заявлений Паасикиви о доверии, дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом.

Хотя Жданов довольно долго докладывал, как мне казалось, четко и ясно формулируя свои доводы, Сталин все же вернул его к повторению уже сказанного и по таким вопросам, которые вообще можно было не поднимать до уровня таких собеседников. Обсуждались, конечно, и сложные вопросы. Например, Сталин продолжал допытываться у Жданова, с чего он начнет беседу с Паасикиви, чтобы подвести собеседника к сознанию пагубности для дружбы наших стран его опасной затеи: ослабить и сорвать уже начавшееся сближение и доверие между нами.

Наконец, Сталин определил линию поведения Жданова в беседе с Паасикиви. Договорились они и о том, что встречу следует провести до заседания Совета Министров.

Учитывая срочность вопроса, Жданов собирался уже сегодня вечером договориться с Паасикиви о встрече с ним утром в десять часов. Я посоветовал ему, что лучше это сделать завтра в семь часов утра, за час до совещания Совета Министров, а сегодня не тревожить его, поскольку в обычае финнов рано ложиться спать и рано вставать утром. Жданов, посмотрев на часы, согласился.

На следующий день утром Терешкин позвонил в канцелярию премьер-министра и сообщил, что председатель СКК Жданов просит Паасикиви посетить его в десять часов для беседы. Только через полчаса ему сообщили о согласии. Встреча состоялась.

В середине того же дня я заехал в резиденцию и задал вопрос Терешкину, как прошла встреча с Паасикиви. Тот ответил, что беседа проходила в спокойной обстановке и ничем не отличалась от прошлых встреч.

Успокоенный этим, в обусловленное время встретились с Адвокатом.

На встрече он без предисловий стал рассказывать, как проходило заседание Совета Министров.

— Когда Паасикиви вернулся от Жданова, — сказал Адвокат, — мы все были в сборе и группами обсуждали

текущие дела. Паасикиви вошел в кабинет весьма возбужденный и, когда все уселись, громко и резко заявил: «Господа, среди нас есть русский шпион». Заявив это, он стал осматривать острым взглядом присутствующих, особенно приглашенных, как бы выискивая этого русского шпиона. Через минуту он вновь тем же голосом повторил: «Да, да, господа, среди нас есть русский шпион». В этом он убедился, когда господин Жданов в беседе с ним повторил почти все вопросы, перечисленные в записке, которую он накануне разослал каждому из присутствующих здесь.

— И как реагировали присутствующие на такое заявление Паасикиви? — спросил я.

— Все молчали. Затем кто-то спросил: «Убежден ли Паасикиви, что на столе у Жданова была копия его записки?» На это он ответил, что Жданов во второй части беседы использовал материалы именно из его записки, и в этом он убежден. В зале нарастал гул и ворчание. Сидящий впереди него министр юстиции Кекконен, вежливо попросив слова, сказал, что у Паасикиви нет доказательств, чтобы обвинять их в шпионаже в пользу Советского Союза, и поэтому премьер должен извиниться за нанесенное оскорбление, иначе может возникнуть вопрос об отставке правительства. Вслед за ним выступил министр Хело, сказавший, что записку премьер-министра мог передать Жданову кто-либо из чиновников канцелярии премьера. Там сомнительных юнцов хоть пруд пруди.

Паасикиви из нападения перешел в оборону. Он подтвердил, что в последнее время в его канцелярии действительно появилось много молодых девушек, размалеванных как в цирке, и юношей, весьма легкомысленных на вид. Утечка могла произойти и из канцелярии. Надо посмотреть, кто там работает. Премьер закончил разговор о шпионах словами, что погорячился в обвинении, и попросил у присутствующих прощения за это.

Далее Адвокат рассказал о второй части заседания Совета Министров. Паасикиви, по его словам, прямо сообщил собравшимся, что председатель СКК Жданов недоволен, как правительство проводит демократизацию в стране.

Подготовка к суду над главными виновниками войны затягивается, еще не определены сами виновники. В последние месяцы правые элементы на всех уровнях государственной деятельности развернули работу по срыву начавшегося сближения Финляндии с СССР. Особенно в области экономики и торговли. Паасикиви говорил долго и убедительно, перечисляя каждую статью Соглашения.

Подводя итог совещания, Адвокат отметил, что Паасикиви, в отличие от прошлого, вел себя строго и требовательно к министрам. Он сообщил, что Жданов в беседе с ним потребовал ускорить решение вопроса о наказании виновников войны и организаторов тайных складов оружия группой высших офицеров из Ставки главнокомандующего. И если Финляндия не в состоянии это сделать, то об этом позаботится СКК.

Заявление Паасикиви на заседании Совета Министров после встречи со Ждановым, что среди присутствующих есть «русский шпион», сильно встревожило меня. По всей видимости, Жданов неосторожно использовал записку Паасикиви в беседе с ним, возможно даже, что приводил отдельные абзацы или целые предложения из нее, что вполне убедило Паасикиви в присутствии «рус-

Политики работают в любой ситуации (второй слева — Е.Е.Елисеев)

ского шпиона» в числе собравшихся на это заседание Совета Министров.

Чтобы не затягивать выяснения этого вопроса, решил пойти к Жданову.

Встретил меня дружески, вопросом:

— Что нового?

Я передал ему все, что мне стало известно о заседании Совета Министров, особо выделив фразу Паасикиви: «Господа, среди нас есть русский шпион!» Взглянув на Андрея Александровича, я увидел, как он, встревоженный, возбужденный, с сильно покрасневшим лицом, быстро подошел к столу и поспешными глотками стал пить холодный чай. Усевшись в кресло, помолчал и, уже спокойным тоном, сказал:

— Эта старая лиса перехитрила меня.

Оказывается, разговор в отношении записки Паасикиви Жданов начал издавека и только по одному, первому, пункту ее. Однако премьер никак не реагировал. Тогда он, Жданов, стал вовлекать в оборот фактически все основные пункты также издавека, но Паасикиви делал вид, что не понимает предмета разговора. Тогда, по словам Жданова, он повел беседу, включая в нее смысловое значение всех пунктов записки. Только после этого Паасикиви начал оживленно пояснять свой смысл написания ее.

Затрагивая тему военных преступников, Паасикиви сказал, что на сегодняшнем заседании Совета Министров он намерен строго потребовать от министров неукоснительно и добросовестно ускорить работу по суду над виновниками войны. В этом месте, по словам Жданова, он прервал Паасикиви и спросил:

— Каково ваше мнение в отношении президента Маннергейма, отставки которого требуют демократические силы страны, считая его одним из главных виновников войны Финляндии против Советского Союза?

— В настоящее время заниматься Маннергеймом не стоит. Вначале надо от парламента получить закон об учреждении суда над виновниками войны, затем вычислить главных виновников войны и провести над ними суд.

На этом суде подсудимые, в целях оправдания себя, будут вынуждены ссылаться на распоряжения и приказы главнокомандующего вооруженными силами периода 1941—1945 гг. — то есть на Маннергейма. При такой ситуации Маннергейм будет вынужден уйти в отставку. На этом разговор о президенте и закончился.

— Конечно, — продолжал Жданов, — из моих высказываний по поводу его записки он мог сделать вывод, что мне ее кто-то передал.

— Я недосказал вам информацию Адвоката, как заявление Паасикиви о «русском шпионе» было воспринято присутствовавшими, — заметил я и сообщил Жданову, что когда Паасикиви второй раз произнес слова о шпионе, министр юстиции Кекконен отверг такое обвинение и попросил Паасикиви извиниться перед присутствовавшими. Кекконена поддержал министр Хело. Он сказал, что в канцелярии премьер-министра много молодых чиновников и документ мог уйти оттуда.

— Значит, ваш источник не имел неприятностей?

— Когда Паасикиви прибыл на заседание Совета Министров, то в отношении своей записки сказал, что она плод его болезненного состояния и обсуждаться не будет, это уже вчерашний день новой истории Финляндии.

— Так и сказал Паасикиви? — заинтересованно спросил Жданов.

— Об этом час тому назад меня информировал источник.

Жданов, улыбаясь и подходя к столику, произнес:

— За поведение Паасикиви можно было бы поднять тост, — и... заказал два стакана чая.

ОТОЗВАН ИЗ ФИНЛЯНДИИ ПО ДОНОСУ

Утро последнего дня мая выдалось ясным и теплым. Вся квартира, куда я недавно переехал из шумной гостиницы, была залита лучами солнца. Вскоре, однако, звонок телефона прервал эти радостные минуты. Мне звонили с работы.

Придя в гостиницу «Торни», я позавтракал в офицерской столовой и с хорошим настроением поднялся в спецкомнату, где стал читать телеграмму. В ней сообщалось, что в ближайшие дни из Стокгольма прилетит новый резидент для моей замены. В этой связи мне предлагалось подготовить и сдать дела резидентуры, а также передать ему на связь все мои «источники».

Коротко и неясно. «Что случилось?» — думал я, перечитывая слова телеграммы. Но ответа не нашел.

Во второй половине того же дня в гостинице «Торни» появился мой сменщик, и по его поведению я понял, что против меня состряпано какое-то обвинение. На мой вопрос, что случилось такого чрезвычайного и опасного, что Наркомвнудел срочно отзывает меня из страны, а ты «прискакал» в Хельсинки даже на день раньше, чем указывалось в телеграмме, он ответил:

— Твой отъезд связан с доносом на тебя в Москву одного из заместителей руководителя ансамбля, выступающего сейчас в Хельсинки. Он написал, что ты вмешиваешься в творческую деятельность этого ансамбля.

Весь второй день был посвящен подготовке дел к сдаче их новому резиденту, и тут я вспомнил, что в самом деле имел некоторое отношение к ансамблю, но отнюдь не к его творческой деятельности.

Примерно за неделю до этого ко мне зашел мой знакомый генерал-лейтенант А. и, зная, что я недавно переехал из гостиницы на городскую квартиру, попросил меня предоставить ее ему на один вечер для встречи с руководством ансамбля и ведущими солистами, которых он не раз принимал во время войны, будучи командующим крупного авиационного соединения. Провести эту встречу он хочет вместе со своими друзьями генералами в знак благодарности за счастливые минуты, которые ансамбль дарил летчикам во время войны, буквально за час до боевого вылета, бывавшего иногда последним.

Я согласился предоставить квартиру, но от приглашения провести вечер с ними отказался, поскольку все вечера были расписаны за неделю вперед для встреч с источниками.

Теперь, когда мой отзыв был связан с доносом, я решил срочно повидаться с генералом А., который организовывал встречу, привозил и отвозил участников ее. На мой звонок генерал А. сразу прибыл в гостиницу «Торни», сказав, что через два часа должен быть у Жданова и поэтому на разговор со мной он выделяет тридцать минут. Воспользовавшись этим временем, рассказал ему о случившемся со мной и попросил его доложить об этом Жданову, поскольку организаторами вечера были его генералы. Генерал А. сказал, что обязательно сообщит Жданову о случившемся. Я с нетерпением стал ожидать его возвращения.

Прибыл он взволнованным, с трясущимися руками и сразу попросил спиртного. Полстакана коньяка «Камю» немного успокоили его, и он заговорил:

— Когда я закончил свой отчет об участии финской авиации в изгнании немецких войск с территории Финляндии, то подробно рассказал Жданову, как по своей инициативе организовал встречу с руководством ансамбля и некоторыми ведущими солистами и солистками на частной квартире заместителя политического советни-

ка СКК, своего давнего товарища, который по занятости вернулся с работы к завершению встречи.

В этом месте Жданов прервал его вопросом:

— Почему же донос в Москву направлен не на вас двоих, а только на заместителя политического советника СКК, а вы проходите в нем только как участник?

Он ответил Жданову, что первым лицом встречи был назван заместитель политического советника СКК видимо потому, что встреча происходила на его квартире, другого объяснения он дать не может. Жданов вновь спросил:

— Правда ли, что на встрече много пили спиртного и в результате все участники встречи, особенно из ансамбля, возвратились в свою гостиницу в сильном опьянении, что сказалось на качестве их выступлений на следующий день.

На это, по словам генерала, он ответил Жданову:

— Это ложь и клевета на участников встречи. Никто из нас пьяным не был. Пили только вино, в том числе и сам доносчик. Донос вызван, видимо, какими-то внутренними разногласиями и проблемами в самом руководстве ансамбля, а факт встречи с генералами явился подходящим предлогом, чтобы использовать его для решения этих проблем.

Жданов, по словам генерала, выслушав его рассказ и ответы на вопросы, посоветовал, чтобы без нужды тот не искал повода для встреч в зарубежных условиях даже с советскими гражданами. На этом их беседа закончилась.

— Молодец ты, генерал! И спасибо тебе за объективность твоего доклада Жданову, — с облегчением расстался я с ним на многие годы.

Беседа генерала А. со Ждановым — это для меня было, как говорится, что гора с плеч. Важно, что Жданов узнал правду о встрече генералов с руководством ансамбля в моей квартире от честного человека, который рассказал так, как было на самом деле.

На следующий день я был готов начать передачу источников влияния, а затем уже — информаторов.

Договорился с Ахти о встрече. Увидев меня с посторонним человеком, он встревожился, удивился. При-

шлось сразу сообщить, что Москва отзывает меня на работу в центральный аппарат и просит оказывать Т.Т. полное доверие. Ответа от Ахти не последовало, он молчал, внимательно рассматривая мою замену.

В своей характеристике я представил Т.Т. как друга, с которым много лет работал в центральном аппарате, а последний год в Стокгольме.

Ахти внимательно слушал меня и искоса поглядывал на Т.Т. Когда я закончил, он выразил согласие продолжать проведение предложенных мною мер. В дальнейшем к беседе подключился и Т.Т., правда неудачно, перебивая собеседников. Когда разговор на минутку стих, он неожиданно для меня достал из своего кармана конверт, довольно полный по объему, и без всяких слов положил его в карман пиджака Ахти. Ахти и я изумились. Ахти с недоумением, глядя на меня, вытащил конверт, раскрыл его перед нами и извлек толстую пачку финских денег (их там было что-то около 100000 марок). После этого он зло спросил, для чего Т.Т. их ему дает? Т.Т. молчал. Тогда Ахти задал мне такой же вопрос: «Для чего?» Я был также удивлен и спокойно ответил ему, что этот конверт вижу впервые.

Только тогда Т.Т. промямлил, что эти деньги он преподносит в знак знакомства с источником и началом сотрудничества с ним. В ответ Ахти молча и зло сунул конверт с деньгами в руки Т.Т. и брезгливо очистил ладони, как бы смахивая с них грязь. Эта короткая минутная сцена ошеломила меня и испугала за судьбу дальнейшего сотрудничества ценнейшего источника влияния с нами. Каким же надо быть безумцем и идиотом, чтобы, не посоветовавшись с отъезжающим резидентом, вручить деньги источнику, который по своему существу и убеждениям неподкупен, а сотрудничает с нами в силу своего патриотизма и единства взглядов на проблемы Финляндии!

Затягивать беседу при таком психологическом настрое собеседников было нецелесообразно. Я обратился к Ахти с прощальным словом и передал ему просьбу Москвы, чтобы и после моего отъезда он оказывал нам помощь.

Выслушав меня, Ахти встал и сказал:

— Мой дорогой друг! Мне жаль расставаться с вами. Приезжайте к нам, когда пожелаете, дорога для вас будет всегда открыта.

На этом я с ним распрощался. Мы крепко обнялись друг с другом. Что касается Т.Т., то Ахти холодно и молча подал ему руку без каких-либо пожеланий на будущее.

Вернувшись, мы зашли в мою комнату в гостинице «Торни», где я сказал сменщику, что он совершил грубую ошибку, пытаясь вручить деньги источнику без согласования этого со мной.

— Запомни, — резко сказал я, — финна деньгами не привлечешь к сотрудничеству. Он пойдет на сотрудничество только тогда, когда наши и его интересы в отношении Финляндии совпадают. Он возьмет и деньги, но не для себя, а для возмещения издержек, связанных с расходами в интересах нашего общего дела. Ты должен знать, что финский народ весьма патриотичен, трудолюбив, общителен, честен и неподкупен. Наши источники влияния — это талантливые политики, государственные и общественные деятели, законники, каждый из которых сам участвует в государственном строительстве и имеет возможность влиять на своих коллег вплоть до президента. К таким людям надо подходить не с деньгами, а с дружбой. Случай с деньгами для Ахти вынуждает меня прервать передачу тебе моих источников до согласования с Москвой. Заключительные встречи с ними проведу без тебя, где обусловлю пароль встречи с ними для восстановления сотрудничества.

На подобной ноте и закончилась сдача-приемка источников влияния нашей резидентуры в Финляндии.

Рано утром следующего дня я выехал на автомашине в порт Турку на юго-западе Финляндии для встречи жены с двумя сыновьями, прибывающими пароходом из Стокгольма. Старшему сыну Игорю было тринадцать лет, а младшему, Юрию, которого я еще не видел в глаза, поскольку выехал из Стокгольма, когда жена находилась в роддоме, всего восемь месяцев.

Погода в тот день выдалась жаркая и солнечная. Триста километров не проехал, а буквально пролетел. В порт вкатил за час до прибытия парохода. Вместо большого комфортабельного судна к пристани пришвартовался маленький пароходик каботажного плавания с небольшим количеством пассажиров.

В Хельсинки прибыли благополучно, раз-

местились в городской квартире, в магазине детского питания добыли, правда с некоторыми трудностями, молочную смеси для сынишки. Не успели как следует победать, как телефонный звонок потребовал меня срочно прибыть к Жданову.

В кабинет вошел в тот момент, когда он внимательно рассматривал географическую карту северной части Финляндии. Увидев меня, поздоровался и сказал:

— Целый день разыскиваю вас.

По тону голоса и смыслу вопросов я понял, что пригласил он меня к себе не для того, чтобы читать мне нотации. Выслушав меня о планах резидентуры, он спросил:

— Не очень ли оптимистичны ваши прогнозы насчет уровня демократии в стране?

В самой модной коляске середины 40-х годов младший сын Юрий на улицах Стокгольма

— Второе правительство Паасикиви составлено из коалиции «трех больших» и в нем заложена основа для дальнейшего демократического развития. Правда, еще не все законы, принятые старым парламентом во время войны, отменены, но зато появились законы, утверждающие демократический путь развития Финляндии. С каждым днем их становится больше, и, естественно, уровень демократизации страны будет повышаться.

— Что вы можете пожелать новому резиденту, чтобы работа и после вашего отъезда успешно продолжалась?

— Повесьте над ним Дамоклов меч, как это вы сделали в первые дни моей работы с вами, — ответил я.

— Что вы имеете в виду? — настороженно спросил Жданов.

— Прикажите ему ежедневно являться к вам с докладом о важных событиях, происходящих в стране, — спокойно ответил ему.

Мой ответ ему понравился, он громко рассмеялся... и попросил дежурного принести бутылку красного вина.

Продолжая свою информацию, рассказал Жданову, что источник Адвокат жалуется на коммерческие службы Советского Союза, которые игнорируют все их вопросы в отношении подписания торгового соглашения на следующий год.

Жданов сразу вызвал Терешкина и поручил составить записку в ЦК о состоянии торгово-экономических связей, с внесением в нее предложений по всем направлениям. Затем, неожиданно для меня, спросил:

— Все ли ваши источники влияния считают необходимым заменить президента Маннергейма на Паасикиви и кого в этом случае они рекомендуют на пост премьер-министра?

— Подобный вопрос я ставил перед своими источниками. Их ответ всегда сводился к одной кандидатуре — Паасикиви. Что касается поста премьер-министра, то называются две кандидатуры — Кекконен и Пеккала²⁹, причем демократы предпочтение отдают второму, а Кекконену — зажиточные слои населения. Что касается моего мнения, то я считаю Кекконена исключительным яв-

лением в политической жизни Финляндии за весь период ее независимости.

Против диктатуры и насилия Кекконен начал борьбу сразу, как только стал министром внутренних дел. В середине 1937 года, собрав достаточно юридически обоснованные данные в отношении полуфашистской партии И.К.Л. (Патриотическое народное движение), платформой которой были антикоммунизм и антисоветизм, Кекконен министерским распоряжением приостановил ее деятельность и запретил издание всех ее газет. Правда, такая смелость стоила ему потери поста министра внутренних дел в декабре 1939 года. Однако это не лишило его уверенности в своей правоте.

Источник Ахти, характеризуя Урхо Кекконена, рассказал, что, по словам Кекконена, английская разведка в Хельсинки заинтересовалась им и начала его разработку. Его всячески обхаживали и как дорогого желанного гостя зазывали на специально устраиваемые для него коктейли. Недавно англичанка-разведчица, корреспондентка одной английской газеты, пыталась завлечь его в любовную авантюру. По этому поводу Кекконен добродушно сказал Ахти, что если англичане подложат ему кого-либо помоложе из династии, то он не откажется от островитянки, но родину не продаст.

Слушая меня внимательно, Жданов в этом месте громко рассмеялся и сказал:

— Видимо, ваш Ахти находится в близких отношениях с Кекконеном, поскольку обсуждает и такие интимные дела?

— Они друзья и исповедуют одну религию — демократизм, — ответил я.

Для меня это были томительные минуты ожидания своей судьбы. Но он, поднявшись с кресла и подойдя ко мне, спокойным голосом сказал, что когда он получил сообщение о моем отзыве, то занялся выяснением всех обстоятельств этого события. Все генералы, как в один голос, сообщили о моей непричастности к этой вечеринке.

— Скажу вам, что ваш отзыв из Финляндии — это не моя инициатива, — четко подчеркнул Жданов. — По

случаю вашего отъезда я разговаривал с наркомом Меркуловым, который сообщил, что по приезде в Москву вы будете назначены начальником отделения разведки по скандинавским странам — Финляндии, Швеции, Дании, Норвегии, Шпицбергену. Для вас это означает, что вы фактически остаетесь резидентом в Финляндии, но только без Дамоклова меча над головой, — улыбнувшись сказал Жданов и, наполнив два бокала красным вином, предложил выпить за продолжение работы по Финляндии из Москвы.

В Москву мы вернулись в дождливый день. По приметам — это к счастью. В тот же день без предупреждения явился к начальнику разведки П. Фитину. Увидев меня, он вышел из-за стола, поздоровался со мной дружески, без тени неприязни. Когда уселись, сказал, что до сих пор он толком не знает, что со мной случилось в Хельсинки.

— Твое счастье, что Жданов, разобравшись на месте, позвонил нашему наркому и рассказал, как все было на самом деле. У меня в столе лежит рапорт на подпись ему о назначении тебя начальником отделения разведки на скандинавские страны, а также, конечно, и Финляндию. Дня через два он его подпишет.

Фитин дал отпуск на три дня для приведения в порядок квартиры.

Когда через три дня я явился на работу, назначение было уже утверждено наркомом, и, потеснив своего заместителя, я разместился в одной с ним комнате.

Открывалась новая страница моей жизни.

ПОПЫТКА ОСВОБОДИТЬ РАУЛЯ ВАЛЛЕНБЕРГА

Первые месяцы работы в Центре я посвятил формированию резидентур в Норвегии и Дании, а также улучшению кадрового состава резидентур в Швеции и Финляндии в соответствии с новым порядком подбора кадров на закордонную работу, предложенным мною и утвержденным начальником разведки П.Фитиным.

В начале декабря 1945 года из Хельсинки от резидентуры поступило сообщение о том, что в высших правительственных кругах появились разговоры по поводу подготовки мирного договора с Советским Союзом. Решил позвонить в 5-й Европейский отдел наркоминдела по Скандинавии. К телефону подошел заместитель заведующего отделом Михаил Сергеевич Ветров, мой хороший знакомый по работе в советском посольстве в Швеции.

Когда встретились, он сообщил, что министерство иностранных дел Швеции разыскивает задержанного советскими войсками в освобожденной части города Будапешта секретаря шведской миссии, дипломата Рауля Валленберга, выполнявшего обязанности шведского представителя по защите интересов Советского Союза в Венгрии.

— Как это так? Задержали дипломата Швеции, защищающего интересы СССР?

— В январе 1945 года на одной из улиц освобожденной от немцев части Будапешта был задержан Рауль Валленберг. Это подтвердил заместитель народного комиссара иностранных дел Деканозов. Правда, он почему-то не сказал шведам, что после задержания Валленберга увезли в Москву.

— Откуда вы знаете, что он в Москве?

— На должность заместителя наркома иностранных дел Деканозов пришел из НКВД, оттуда он и узнал, — ответил Ветров.

Я все еще не мог поверить, что наши военные контрразведчики могли арестовать дипломата шведской миссии, защищавшего интересы СССР в Венгрии. Ведь это нарушение всех международных норм, принятых и Советским Союзом. Напомнил Ветрову, что когда немцы и финны объявили нам войну, то уже на второй день ее шведское правительство по просьбе правительства СССР взяло на себя функции защиты интересов СССР в Финляндии.

— Откровенно говоря, — сказал я, — не понимаю, почему ваш Деканозов, отвечая шведской миссии в Москве, сообщает только о том, что Валленберг обнаружен и приняты меры по его охране, но умалчивает, что он отправлен в Москву.

— Меня самого это удивляет.

Вернувшись от Ветрова и размышляя, через кого я мог бы проверить, находится ли в Москве под арестом в отделе военной контрразведки СМЕРШ Валленберг и в чем его обвиняют, вспомнил, что мой коллега по работе Л.Г. имеет в СМЕРШе хорошего приятеля. Не медля пригласил его к себе. Не говоря, что мне известно от Ветрова, попросил его сходить к своему приятелю и осторожно выяснить, что известно о шведском дипломате Валленберге, якобы арестованном в Венгрии и находящемся сейчас у них под следствием.

Часа через два он вернулся и рассказал, что скоро год, как на Лубянке в одиночной камере находится в заключении шведский гражданин Рауль Валленберг, обвиняемый в шпионаже против Советского Союза по за-

данию разведки США. Для ведения следствия создана специальная группа следователей, которые проводят непрерывно конвейерным способом допросы, но Валленберг отрицает свою принадлежность к американской разведке и категорически отказывается от обвинения его в шпионской деятельности против СССР. С первых дней допроса и до настоящего времени он доказывает, что в Будапеште у него было два поручения от правительства Швеции. Первое это защита интересов Советского Союза в Венгрии, второе — защита двадцати тысяч венгерских евреев от истребления их немецкими и местными фашистами. В силу отказа Валленберга от признания себя агентом американской разведки и причастности к подрывной работе сионистского центра следствие зашло в тупик. Как СМЕРШ будет выбираться из него — неизвестно, но на свободу выпускать его пока не собираются. Даже на прогулки его выводят только в одиночку в сопровождении охранника.

Рассуждая сам с собой над участью Валленберга, я увидел только одну возможность выхода его живым из тюрьмы — это привлечение его к сотрудничеству с советской разведкой с единственным поручением — создавать Советскому Союзу принцип наибольшего благоприятствования в экономических связях с фирмой его семьи.

Перед тем как встретиться с начальником разведки и предложить ему такой план действий, я решил проконсультироваться у старого нелегала — разведчика В.В., который, проработав положенный ему срок, сейчас находится в резерве разведки. По образованию он врач-психиатр и по призванию — талантливый разведчик. В 1938 году в школе особого назначения (ШОН) он вел курс «вербовка агента».

На мой телефонный звонок В.В. дал согласие на встречу, которая и состоялась на следующий день.

В начале я подробно изложил ему суть дела Валленберга, а затем высказал свое намерение пойти к начальнику разведки П.Фитину и предложить ему план, согласованный с В.В., по выходу Валленберга из тюрьмы.

В результате всестороннего обсуждения этого дела мы пришли к единому мнению, что Валленберг явился жертвой беззакония военной контрразведки, когда без всяких оснований он был задержан на одной из улиц освобожденной части Будапешта и доставлен в тюрьму НКВД. По существу, эта акция с самого начала носила провокационный характер.

При такой ситуации начальнику СМЕРШа В.Абакумову³⁰, конечно, придется сделать выбор, как поступить со шведским дипломатом: продолжать далее выколачивать у него признания в шпионской деятельности или воспользоваться предложением разведки и передать его в ее распоряжение, тем самым избежав ответственности за допущенное беззаконие по отношению к Валленбергу.

Когда под конец беседы я спросил В.В., согласится ли он стать вербовщиком Валленберга, что я буду предлагать Фитину, он заинтересованно ответил, что если начальник разведки поручит ему это дело, то он использует весь свой многолетний опыт, чтобы Рауль Валленберг вышел из тюрьмы другом Советского Союза. На этом мы и порешили.

Предстояла ответственная встреча с начальником разведки Фитиным.

Принял он меня в хорошем настроении, спросив, не отравили ли президента Финляндии Маннергейма в отставку?

— Нет еще, не отравили, но сегодня у меня к вам дело по Швеции.

И я начал свое сообщение по делу Валленберга. Прервав меня на полуслове, Фитин удивленно сказал, что о Валленберге ему известно только, как об американском агенте, шпионившем против Советского Союза. О том, что он являлся представителем шведского правительства по защите интересов Советского Союза, он слышит в первый раз. Я подчеркнул, что арест и нахождение Валленберга в тюрьме незаконны и нарушают все международные правила в отношениях между государствами. Я далее рассказал Фитину, что скоро год, как Валленберг подвергается жестким допросам. Он же катего-

рически отвергает обвинения. Фитин посочувствовал Валленбергу, сказав, что он попал в цепкие руки Абакумова и ему будет трудно выбраться из них. Воспользовавшись таким настроением начальника, я сказал ему, что пришел предложить план вербовки Валленберга нашей разведкой, если он, Фитин, получит разрешение от наркома внутренних дел на передачу Валленберга в ведение разведки. Фитин задумался, заметив, что это сложное дело и прежде чем идти к наркому, надо встретиться с Абакумовым и уговорить его, чтобы он согласился на передачу Валленберга нам. Тогда можно будет идти к Берии с совместным предложением передачи Валленберга к нам в разведку.

— А если Абакумов не согласится на передачу, ведь он, говорят, не из тех, кто выпускает из рук свою жертву? — сказал я.

— На встрече с ним мы постараемся доказать, что в деле Валленберга больше всех виновен он сам, — ответил Фитин.

— Вот поэтому, если вы уговорите наркома передать нам Валленберга, то как бы Абакумов ни сопротивлялся, он будет вынужден выполнить приказ.

Фитин не согласился с этим. Тогда я сказал, что если Абакумов не согласится передать Валленберга в разведку, то можно было бы предложить ему совместное расследование этого дела по схеме привлечения его к сотрудничеству с советской разведкой. Пусть Абакумов считает это своей победой, для нас ведь важно, чтобы Валленберг живым вышел из тюрьмы.

Фитин поддержал и эту идею и решил в ближайшие дни договориться с Абакумовым о встрече.

Недели через две встреча состоялась. При упоминании Валленберга Абакумов насторожился и взъерошился. Любезность сошла с его лица. Фитин сразу начал излагать цель нашего прихода. Он сказал, что от руководства НКВД ему известно об аресте в Венгрии шведского дипломата Валленберга, который с января нынешнего года находится под следствием группы следователей, специально созданной для этого дела.

— Вам, уважаемый Виктор Семенович, известно, — сказал Фитин, — что шведское правительство уже неоднократно обращалось в наркомат иностранных дел с просьбой сообщить о судьбе Валленберга, находящегося в СССР. Ответ заместителя наркоминдела Деканозова их не удовлетворяет.

— А для чего вам все это знать, уважаемый Павел Михайлович? — резко спросил Абакумов.

— Мы предлагаем вам прекратить следствие над Валленбергом и начать совместно с нами работу по привлечению его к сотрудничеству с советской разведкой. Пусть он и впредь останется в ведении военной контрразведки, но мы к вашим следователям добавим нашего опытного разведчика-вербовщика и дело завершим привлечением Валленберга к работе на Советский Союз, — спокойно и доброжелательно ответил Фитин.

— В такой помощи мы не нуждаемся. У нас есть много квалифицированных вербовщиков, которые не хуже вашего справились бы с ним, но следствие надо довести до признания его в сотрудничестве с американской разведкой и международным сионистским центром, — ответил Абакумов.

Пришлось и мне вступить в эту дискуссию. Я сказал, что дипломат Валленберг находился в Будапеште по поручению шведского правительства, чтобы осуществлять защиту интересов Советского Союза в Венгрии и оберегать венгерских евреев от расправы над ними немецких и местных фашистов. Семья Валленбергов в Швеции обладает миллиардным состоянием и никогда не проявляла враждебности к СССР. Наоборот, во время войны заводы Валленбергов добросовестно снабжали Советский Союз высококачественными шарикоподшипниками и инструментом, без чего наша авиация не могла бы подняться в воздух. Почти ежедневно наши самолеты по ночам пересекали линию фронта с Финляндией, приземлялись в Швеции и поставляли оттуда эти подшипники прямо на наши авиазаводы.

Один из Валленбергов по поручению советского посла в Швеции Александры Михайловны Коллонтай в 1944

году выезжал в Хельсинки убеждать финнов, чтобы они начали переговоры с Советским Союзом о заключении перемирия: нам тогда требовались солдаты с финского фронта для решающего удара по Берлину.

— Таким образом, — сказал я, — получается парадоксальная ситуация — в Швеции Валленберги помогают нам в разгроме фашизма, а вы сажаете в тюрьму шведского дипломата Валленберга без доказательств и требуете от него признания, что он в Будапеште шпионил против Советского Союза. Мне представляется, что такое показание он не даст и под пыткой...

— Мы не палачи! — выкрикнул Абакумов. — Мы только карающий меч Советского Союза и от Валленберга скоро получим показания, уличающие его в шпионаже против Советского Союза.

В это время Фитин подключился к разговору и сказал:

— Арест Валленберга в Будапеште является ошибкой военной контрразведки, и дело Валленберга, уважаемый Виктор Семенович, вы до суда не доведете. А если вам не с чем будет идти в суд, то скажите, пожалуйста, в связи с этим как вы намерены закончить это дело? Ведь бесконечно это дело продолжаться не может. Говоря об этом с вами откровенно, мы не желаем вам неприятностей, мы предлагаем вам отказаться от ведения следствия над Валленбергом, как агентом американской разведки, а совместно с нами начать с ним работу. Если это предложение вам не подходит, то передайте Валленберга к нам в разведку, и мы готовы нести всю ответственность за дальнейшее его пребывание в тюрьме.

Настала очередь говорить Абакумову.

— Валленберг в Будапеште занимался вывозом евреев только по спискам, которые представляли интерес для американской разведки и сионистского центра.

Что касается вербовки Валленберга советской разведкой, то это можно будет сделать только после того, как он искренне признается в своей враждебной деятельности против Советского Союза, и вербовать его будет СМЕРШ. Что же касается ваших упреков в незаконности задержания и ареста Валленберга, то вы не правы. Он перешел

в зону, освобожденную советскими войсками, из зоны, занятой немцами, не для прогулки, а с враждебными намерениями, и его вовремя задержали.

Фитин тут же возразил Абакумову, разве можно арестовывать иностранца и увозить в Москву, сажать его в тюрьму только из-за того, что он находился на улице освобожденной части Будапешта.

— Своим ответом, уважаемый Виктор Семенович, вы подтвердили отсутствие юридических оснований для ареста Валленберга. Если он является агентом американской разведки, как вы подозреваете, то передайте его нам, и мы переведем его. Такой опыт работы с агентами противника мы имеем.

Абакумов промолчал. На остальные наши вопросы он так и не ответил, не желая признаваться в незаконности ареста Валленберга и содержания его в тюрьме.

Когда зашли в кабинет Фитина, он, все еще взволнованный, сказал, что его друзья рассказывали об Абакумове как о жестоком и коварном человеке. Сейчас он лично убедился, что он вдобавок и карьерист, шагающий по трупам безвинных людей. Сейчас он без разбора расправляется с генералами и офицерами армии под командованием генерала Власова, которые, попав в окружение, сдались немцам. Конечно, там были и предатели, как и сам Власов, но большинство офицеров были честными воинами. Солдат из этой армии без суда и следствия всех загоняют в концентрационные лагеря.

В начале 1946 года Павел Михайлович Фитин попал в опалу у Сталина и был переведен на работу в Свердловск. Я расстался со своим хорошим другом, принципиальным и справедливым человеком.

В марте 1946 года НКВД был преобразован в Министерство государственной безопасности — МГБ. Вскоре после этого министром государственной безопасности был назначен Абакумов, близкий человек Берия и Сталина.

Назначение Абакумова министром государственной безопасности решающим образом осложнило ситуацию Валленберга. Сталин всегда с подозрением относился к

еврейской интеллигенции Советского Союза, а что касается дипломата Валленберга, то, по всей видимости, он негативно отнесся и к нему. Недаром Абакумов скрывал местонахождение Валленберга.

В середине июня 1946 года мне позвонил Михаил Сергеевич Ветров и проинформировал, что на днях у Сталина побывал шведский посланник Седерблум и просил его оказать помощь в розыске шведского дипломата Рауля Валленберга. Полного содержания беседы он не знает, но Седерблум позвонил в министерство иностранных дел и сообщил, что Сталин обещал ему принять меры к розыску дипломата, а о результатах поставить в известность шведскую миссию в Москве.

Ветров спросил меня, не известны ли мне результаты поисков. Ответил, что не знал даже о такой беседе, не знаю и о результатах поисков. Про себя же подумал, что напрасно шведы пошли к Сталину с просьбой оказать им помощь. Это их роковая ошибка. Посланнику надо было пойти с такой просьбой в наркоминдел лично к Молотову, который, по-моему, решил бы вопрос о Валленберге в соответствии с международными законами. Он не стал бы позорить себя перед общественным мнением мира.

Так и оказалось. Только спустя полтора месяца после посещения Сталина посланником Седерблумом заместитель министра иностранных дел СССР Вышинский, почкорный слуга Берии, ссылаясь на беседу шведского посла Сульмана с заместителем министра МИД СССР Маликом от 12 июня о поиске Валленберга, сообщил, явно с согласия Сталина, следующее: «...мною были наведены справки в соответствующих компетентных органах. В результате тщательной проверки установлено, что Валленберга в Советском Союзе нет и он нам неизвестен». На запрос во время посещения Седерблумом Сталина Вышинский не ответил. Почему? Мне кажется, что Сталин перед встречей с Седерблумом вызвал к себе министра Абакумова для выяснения дела Валленберга. Абакумов, конечно, был вынужден доложить Сталину, что Валленберг упорно отрицает свою связь с американ-

ской разведкой и международным сионистским центром и нужных показаний следствию не дает.

Видимо, в результате обсуждения этого дела они и решили не выпускать Валленберга на волю, а тайно умертвить его. Шведам же сообщить, что его в Советском Союзе нет и «он нам неизвестен».

Установить точную дату расправы со шведским дипломатом мне не удалось. Даже оперативные сотрудники 3-го управления МГБ (бывш. СМЕРШ) не знали, когда он был расстрелян или отравлен ядом. Одно можно твердо сказать, что Валленберг был умертвлен до 17 июля 1947 года.

Дата его смерти — 17 июля 1947 года от инфаркта миокарда — была сообщена Министерством иностранных дел СССР родственникам Валленберга десять лет спустя после его гибели — в феврале 1957 года и только под большим нажимом общественности Швеции и его родственников.

В наше время установить день смерти Валленберга очень трудно. Многие прямые участники и свидетели расправы над ним ушли из жизни.

Министр Абакумов и часть следователей его команды были расстреляны в 1954 году. Палач понес наказание за все свои многочисленные преступления, в том числе и за расправу над Валленбергом.

Осенью 1947 года Павел Михайлович Фитин приехал в Москву по делам службы. Он рассказал мне, что по его сведениям Рауль Валленберг был расстрелян на Лубянке, но его родственникам сообщили, что он умер от инфаркта. Мы с Фитиным очень сожалели о том, что нам не удалось убедить Абакумова передать Рауля Валленберга в разведку, чтобы, дезавуировав обвинения СМЕРШа, выпустить его на свободу сторонником сотрудничества Швеции с Советским Союзом...

В конце 1945 года политическая ситуация в Финляндии оставалась сложной. Суд над главными виновниками

войны начался 15 ноября 1945 года. Суду были преданы: бывший президент Р.Рюти, бывший премьер-министр Ю.Рангель, бывший министр Х.Рамсей, бывший министр В.Таннер, бывший посол в Германии Кивимяки, бывший премьер-министр Э.Линкомиес.

Первые дни показали, что и подсудимые, и их защитники пытались превратить суд в дискуссионный клуб о юридической правомерности судебного процесса над политическими лидерами государства.

Чтобы пресечь эти попытки реакции сорвать суд, один из наших источников посетил премьер-министра Паасикиви и посоветовал ему провести заседание Совета Министров, на которое пригласить председателей парламентских фракций и их заместителей. Следовало обсудить на таком заседании правительства политическую ситуацию в стране и в том числе итоги первых дней суда над главными виновниками войны.

Паасикиви, колебавшись, согласился с этим предложением. Такое заседание состоялось в двадцатых числах ноября 1945 года.

В своем выступлении Паасикиви сказал, что в стране существуют и действуют правые силы, которые стремятся посорить правительство с парламентом и общественностью, чтобы сорвать добросовестное выполнение всех статей Соглашения о перемирии и тем самым посорить с Советским Союзом.

В настоящее время на повестке дня имеется два сложных вопроса, говорил Паасикиви, которые тормозят развитие добрых отношений с Советским Союзом. Первым таким вопросом является судебный процесс над виновниками войны, а второй — тайные склады оружия, организаторами которых являются некоторые высшие офицеры из штаба Главного командования. Начавшийся суд над главными виновниками войны с первых дней приобрел уродливую, скандальную форму. Там дискутируют о чем угодно, но не занимаются выяснением степени ответственности каждого подсудимого. Министру юстиции следует навести там порядок, чтобы судебный процесс проходил строго в соответствии с законодательством.

вом государства. Что касается второго трудного вопроса, то в настоящее время уже начато следствие для установления ответственных за это злодеяние.

Вскоре на допросах главных виновников войны было установлено, что президент Маннергейм, будучи главнокомандующим финской армии, еще за семь дней до объявления войны, 15 июня 1941 года, отдал приказ о подчинении германскому главному командованию финского армейского корпуса для использования его в военных действиях против СССР. Кроме этого было выявлено, что Маннергейм отдал приказ об установлении постоянного контакта верховной ставки финской армии со ставкой Гитлера. Авторитет Маннергейма как «спасителя отечества» рухнул.

Через две недели после окончания суда над главными виновниками войны Маннергейм в начале марта 1946 года подал в отставку с поста президента. Демократические силы стали выступать с требованием суда над ним, как виновником войны. Опасаясь такого исхода для себя, он выехал в Швейцарию, якобы для лечения. Там он и умер.

Вскоре парламент утвердил Паасикиви Президентом Финляндской Республики.

26 марта было сформировано правительство на основе коалиции «трех больших». Вскоре резидент сообщил, что Аграрный союз на пост премьер-министра выдвигал Урхо Кекконена, но против него выступил Демократический союз народа Финляндии, считая, что Кекконен является представителем буржуазной партии. Правое большинство социал-демократической партии также выступило против Кекконена, считая его, наоборот, слишком прогрессивным деятелем. В результате парламент большинством голосов на пост премьер-министра утвердил Мауно Пеккала — представителя Демократического союза народа Финляндии, социалиста. При формировании правительства Кекконену, претендовавшему на пост премьера, был предложен пост министра юстиции, от чего он отказался.

О роли президента Паасикиви при формировании правительства и подборе премьер-министра резидент

сообщал весьма скромно. Не знали ли сознательно умолчать? Куца телеграмма резидента не раскрывала борьбу сил, выступавших против назначения Кекконена премьер-министром, не сообщалось и отношение самой резидентуры.

А Жданов? Сколько раз мне приходилось сообщать ему о мнении источников влияния, что в нынешней политической обстановке в стране самым подходящим премьер-министром был бы Урхо Кекконен, который будучи настоящим патриотом, может быстрее и лучше других осуществить демократизацию страны, направить внешнюю политику на установление добрососедских отношений с Советским Союзом.

Не думал ли он, что из М.Пеккала можно сделать финского Петру Гроза³¹? Как ни говори, но Жданов в этом вопросе показал себя недалёковидным политиком.

Меры, принятые министром юстиции Кекконеном по запрещению деятельности полуфашистских и реакционных формирований и союзов в стране, организации суда над главными виновниками войны и созданию следственной комиссии и суда над высшими офицерами Главной ставки Маннергейма, ожесточили правых против него. Они выступали с клеветническими заявлениями, обвиняя его в сотрудничестве с русскими. Сам Паасикиви, как нам было известно от источников, до самого последнего времени не давал согласия на разработку Кекконеном закона о сменяемости государственных чиновников, тем самым задерживая изгнание видных представителей военного режима, занимавших ответственные посты в государстве.

Таким образом, со всей очевидностью можно сделать вывод, что именно Паасикиви не пожелал иметь Кекконена в качестве премьер-министра.

ОТ МИРНОГО ДОГОВОРА К ДОГОВОРУ О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМОПОМОЩИ

С лета 1946 года началась подготовка Мирного договора. Политический климат располагал к этому.

По сведениям нашей резидентуры в Хельсинки, английская и американская разведки, чтобы сорвать подписание Мирного договора на условиях, предложенных Советским Союзом, пустили в ход всю свою агентуру.

Сторонники сближения с Советским Союзом в противовес им активно вступили в борьбу за принятие Финляндией условий, предложенных Советским Союзом в проекте Мирного договора. Таким образом, усилия демократов заставили правительство Паасикиви согласиться с условиями, предложенными Советским Союзом.

При обсуждении проекта Мирного договора на Совете министров иностранных дел союзных стран финская делегация никаких замечаний к проекту мирного договора не высказывала, и, естественно, проект поступил на пленарное заседание Парижской Мирной конференции, открывшейся в июле 1946 года. При обсуждении его на самой конференции финская делегация неожиданно сделала попытку добиться пересмотра территориальных и репарационных постановлений Соглашения о перемирии 1944 года.

Делегация США поддержала попытки финской делегации. Было ясно, что Запад хочет посорить Финляндию с Советским Союзом. Узнав об этом, демократы страны активно выступили за подписание Договора и, несмотря на сопротивление США и реакционных сил страны, Мирный договор с Финляндией был заключен от имени Советского Союза и Великобритании и стран содружества. Подписан он был в Москве 10 февраля 1947 года. США не участвовали в его подписании, поскольку юридически не находились в состоянии войны с Финляндией.

Выражая настроение и волю народа Финляндии, Паасикиви уже через два дня после заключения Мирного договора заявил:

— Мы должны поддерживать добрососедские отношения с Советским Союзом, и наша внешняя политика не может быть когда-либо обращена против Советского Союза. Если в будущем кто-нибудь попытается напасть на Советский Союз через нашу территорию, мы должны вместе с Советским Союзом сражаться против агрессора в таком масштабе и так долго, как мы только сможем.

В свою очередь, первый заместитель председателя парламента Урхо Кекконен (ставший им после ухода из правительства) заявил, что «ратификация Мирного договора, которая свершилась сейчас так внезапно, кладет конец определенному периоду истории нашего отечества, тому злополучному периоду, первые события которого начались 30 ноября 1939 года (начало «зимней войны»). Ратификация Мирного договора означает также начало нового периода в жизни нашего народа».

Заявлением двух ведущих лидеров страны Паасикиви и Кекконена освятили Мирный договор для Финляндии. Именно этот договор стал одним из важнейших документов, определивших дальнейшее направление внешней политики Финляндии на сближение с СССР.

Вскоре, после ратификации Финляндией Мирного договора, Союзная (советская) контрольная комиссия закончила свою работу и Жданов со своим аппаратом генералов и полковников покинул Хельсинки.

Назревали условия для следующего договора — о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Разумеется, в центральном аппарате разведки это было воспринято как сигнал для резидентуры, чтобы она не упустила из вида такое важное событие.

Не откладывая вопрос в дальний ящик, в июне 1947 года я написал соответствующую телеграмму резиденту и понес ее на подпись к новому начальнику разведки Петру Васильевичу Федотову. Ранее он работал начальником управления контрразведки и, по словам его противников, был медлителен в решении вопросов, а его сейф назывался «братской могилой живых дел». На самом же деле оказалось, что он весьма активно, с положительными результатами, руководил разведкой.

Встретил меня он доброжелательно. Рассказав ему суть вопроса и коротко доложив состояние дел в резидентуре, попросил подписать телеграмму. Читал он ее дважды, медленно, а затем сказал, что телеграммой таких вопросов не решить, мне надо выехать в Хельсинки и там с работниками резидентуры обсудить их.

Прошла неделя, а кадры все еще не могли получить из МИДа паспорт с визой финского посольства на въезд в Финляндию. Я уже хотел жаловаться Федотову, что кадры задерживают мой выезд, как неожиданно позвонил он сам и сказал, что заместитель заведующего отделом ЦК партии по международным связям Терешкин просит прийти к нему по весьма важному делу.

С Терешкиным мы встретились как старые друзья, вспомнили жаркие дни работы в Хельсинки. О причине моего приглашения к нему в ЦК он рассказал следующее. Недавно наш посланник в Финляндии сообщил, что член ЦК коммунистической партии Финляндии Юрье Лейно скрытно от руководства партии написал книгу антисоветского содержания, в которой в извращенном виде раскрывает беседы Жданова за период его пребывания в Хельсинки с членами ЦК компартии. Попытки руководства финской компартии уговорить его отказаться от издания книги отклоняются Лейно, а рукопись им уже передана в издательство. Его жена Герта Куу-

синен просит, сказал Терешкин, чтобы ты приехал в Хельсинки и попытался уговорить его отказаться от издания книги, так как публикация ее может сорвать заключение Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

— А если Лейно откажется изъять рукопись из редакции и уничтожить ее, что делать тогда? — спросил я его.

— Для этого мы и посылаем тебя в Хельсинки, чтобы в зависимости от поведения Лейно ты внес предложение, как решить эту проблему. С отъездом не задерживайся.

Через день вылетел в Хельсинки. Чтобы прояснить ситуацию, встретился с Гертой Куусинен. На встрече она рассказала, что год назад развелась с Лейно. Из трезвенника, ни капли не бравшего в рот спиртного до 1944 года, он за два последующих года, находясь на посту министра внутренних дел, превратился в алкоголика.

— Пытался ли кто-либо из руководства партии говорить с Лейно о написанной им книге? — спросил я.

Герта ответила, что несколько раз пытались выяснить, каково содержание написанной им книги, но он всякий раз уходил от вопросов.

На следующий день повидался с Лейно. Встретил он меня настороженно, не так, как в прошлые годы — в обнимку. Выглядел он типичным алкоголиком — опухшее, синюшное лицо, с ярко-красным носом и трясущимися руками. Я не удержался и спросил, отчего он так плохо выглядит, постарел и кажется совсем больным человеком. Лейно хотел подняться и стоя ответить, но покачнулся и шлепнулся обратно в кресло. Собравшись с мыслями, он сказал, что за два года, после того как мы расстались, у него было очень много работы по министерству внутренних дел, без выходных и свободных вечеров. Работа измотала его, и он хочет уйти в отставку.

Затем он стал вспоминать, как в 1945 году обезвредил группу разведчиков центрального аппарата финской разведки, пытавшихся расшифровать телефонную связь Жданов — Сталин. Рассказывал он и о других «победах» в пользу Советского Союза, но молчал о своей литера-

турной работе. Я посчитал, что наступило время спросить его об этом, и задал прямой вопрос:

— Уважаемый Юрье Лейно, мне известно, что вы написали книгу, которая по своему существу является враждебной Советскому Союзу и издание ее может нанести вред добрососедским отношениям наших народов. Объясните мне по-дружески, зачем вы это сделали?

Лейно опешил от моего вопроса, заерзал в кресле, хотел что-то сказать и опустил голову. Долго сидел молча, затем тихо вымолвил:

— Вы знакомы с содержанием книги?

— Поэтому и спрашиваю!

Прямого ответа не дал. Он стал долго и нудно рассказывать, что с тех пор, как стал министром внутренних дел, руководство компартии отдалило его от участия в политической деятельности, важные решения принимались узким кругом членов ЦК.

— А зачем при этом в искаженном виде описываете встречи Жданова с руководителями компартии Финляндии?

На мое предложение изъять рукопись от ответил отказом.

Вернувшись со встречи и обдумывая, как пресечь появление книги на прилавках магазинов, мне пришла отчаянная мысль: не попытаться ли выкупить у издательства все экземпляры книги и на складе типографии уничтожить их, до единого экземпляра, оплатив издательству все издержки по выпуску этой книги. Провести это мероприятие мог бы, по моему мнению, один из наших источников, не раскрывая себя, однако, перед издательством.

Перед тем, как писать свои предложения в Москву, посоветовался с разведчиком Р.В., у которого этот источник находится на связи со времени моего отъезда из Хельсинки. В результате обсуждения пришли к единому мнению, что задуманное мероприятие может провести источник, если, конечно, он даст на это согласие. Разумеется, с покрытием нами всех больших расходов, связанных с этим делом.

В телеграмме на имя начальника разведки П. Федотова я изложил суть содержания беседы с Лейно и его категорический отказ изъять рукопись, а также предложение по уничтожению книги и попросил согласие Центра на встречу с источником для выяснения его возможностей и согласия на проведение этой операции. Написал также, что для покрытия расходов по этому делу потребуются несколько миллионов финских марок.

Через три дня Федотов сообщил, что согласен со всеми нашими предложениями.

На следующий день вместе с Р.В. встретились с источником, хорошо знающим обстановку в стране. Встреча была самой сердечной.

В тот же день встретился с источником по делу книги Лейно. Встретились как старые знакомые. Коротко рассказал ему содержание книги и подчеркнул, что написана она по заданию врагов мира, дружбы и сотрудничества между нашими народами. Наши попытки уговорить Лейно отказаться от издания ее не увенчались успехом.

— В этой связи, — сказал я, — имеется только одна возможность: все экземпляры изданной книги уничтожить, пустить под нож прямо на складе типографии, чтобы ни один из них не попал в руки читателя. Разумеется, для этого надо получить согласие руководителя издательства и оплатить ему все расходы с выпуском книги и ее уничтожением.

Через три недели резидентура сообщила в Центр, что источник принял наше поручение к исполнению и для этого потребуется сумма в «N» миллионов финских марок, чтобы расплатиться с издательством и типографией. Вскоре ЦК ВКП(б) передал просимую сумму, которую тут же выслали в резидентуру.

Когда издательство полностью закончило печатание книги, все экземпляры ее на складе типографии были пущены под нож. К тому времени Лейно полностью получил от издательства за свою книгу иудины деньги и, узнав о ее истреблении, не горевал и не протестовал.

Так закончилось это непростое мероприятие.

К началу 1948 года движение за заключение Договора набрало большую силу, но и реакционные силы страны усилили борьбу против заключения Договора.

В самый разгар такого противоборства Председатель Совета Министров СССР Сталин 22 февраля 1948 года направил письмо президенту Паасикиви, в котором писал, что «...мы с Вами вместе будем ответственны перед своими народами, если мы допустим повторение фашистской агрессии... Учитывая эти соображения и желая создать условия для коренного улучшения отношений между нашими странами в целях укрепления мира и безопасности, советское правительство предлагает заключить советско-финляндский пакт о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи».

Соответствующие переговоры предлагалось провести в Москве или в Хельсинки.

Это предложение Сталина было неоднозначно встречено в Финляндии. Вспыхнула острая полемика между сторонниками и противниками заключения Договора.

Когда содержание письма Сталина стало широко известно мировому общественному мнению, то правительства западных государств и их пресса предпринимали большие усилия, чтобы не допустить заключения Договора. Так, президент США Трумэн³² в своем послании Конгрессу пытался доказать, что заключение советско-финляндского Договора будет означать угрозу миру и независимости Финляндии.

Консервативная пресса Англии в один голос утверждала, что заключение Договора с Советским Союзом вовлечет Финляндию в сферу влияния Советского Союза.

Данные советской разведки из Англии и США поставили своей целью любыми путями сорвать подписание пакта о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В этих целях их политические, дипломатические и разведывательные службы были мобилизованы для осуществления самых широких мер.

Учитывая складывающуюся чрезвычайную обстановку в Финляндии в связи с письмом Сталина, стало очевид-

но, что решающее значение сейчас приобретают выступления демократических сил страны в поддержку заключения советско-финляндского пакта.

На заседании государственного совета Паасикиви 9 марта объявил о своем решении вступить в переговоры с советским правительством, положив в основу Договора 4 положения, высказанные им на заседании большой комиссии парламента. Правительство Пеккала одобрило это решение президента, и в тот же день советскому правительству было направлено письмо, в котором правительство Финляндии заявило, что «стремясь всеми средствами способствовать развитию добрососедских и основанных на доверии отношений между Финляндией и Советским Союзом, выражает готовность направить в Москву свою делегацию для переговоров».

В ответном письме от 11 марта Председатель Совета Министров Сталин предложил приступить, по желанию финнов, к переговорам в Москве.

Переговоры начались в Москве 25 марта 1948 года. Размах враждебной пропаганды принял такие размеры, что даже у Паасикиви дрогнули нервы. В Москву через Стокгольм шведскому послу в Москве для передачи М. Пеккала он послал секретную телеграмму, предупреждающую, чтобы делегация строго придерживалась инструкции, данной им перед отъездом из Хельсинки. В ответной телеграмме глава финской делегации успокоил президента Паасикиви сообщением, что советская сторона приняла за основу переговоров их проект, составленный самим президентом. Но это успокоило президента только на короткое время. Девятый вал клеветы, провокаций, слухов, домыслов обрушился на головы министров и президента, требуя прекращения переговоров и возвращения делегации домой. От такого нажима Паасикиви впал в транс, не зная, что делать. Чтобы спасти переговоры, Моисей еще раз посетил Паасикиви и в спокойной беседе посоветовал ему срочно вызвать из Москвы члена делегации, которому тот доверяет, чтобы получить от него правдивую информацию о ходе переговоров и посоветоваться. Паасикиви

ожил, обрадовался такому совету и решил вызвать в Хельсинки Кекконена и Сёдерйельма.

Прибывшие доложили, что переговоры проводятся на основе финского варианта проекта Договора. Советская сторона, по их словам, ведет себя корректно, доброжелательно относится к предложениям и замечаниям финской делегации.

Паасикиви в тот же день, 3 апреля, созвал заседание Государственного Совета, где прибег к поименному голосованию — кто за подписание Договора. Оказалось, что за подписание Договора проголосовали только министры от Демократического Союза народа Финляндии и один от Шведской народной партии. Большинство министров проголосовало против. Несмотря на такой исход голосования, Паасикиви заявил, что он все же присоединяется к предложению министров от ДСНФ и дает согласие на подписание Договора.

Общественность Финляндии сочла это героическим поступком Паасикиви.

4 апреля Кекконен и Сёдерйельм вернулись в Москву, имея на руках необходимые полномочия, а 6 апреля Договор был подписан.

На следующий день после подписания договора, на обеде в честь финляндской делегации, Сталин заявил, что «...этот Договор знаменует собой поворот в отношениях между нашими странами...»

Президент Паасикиви 9 апреля, выступая по радио о подписании Договора, подчеркнул, что «...со стороны Советского Союза в ходе переговоров были проявлены понимание точки зрения Финляндии и желание создать такой Договор, который был бы приемлем и для Финляндии... При его составлении не следовали образцу других стран и Договор составлен с учетом географического положения и особых условий нашей страны». По существу, это был успокоительный ответ всем противникам Договора.

Вскоре после торжественного обеда в Кремле в честь подписания Договора Министерство иностранных дел Советского Союза устроило прием для всех причастных

к такому событию с финской и советской стороны, с приглашением дипломатического корпуса.

После краткого выступления В.Молотова и небольшого концерта солистов Большого театра гости разошлись по обширным залам бывшего особняка Морозова. В одном из них я подошел к министру иностранных дел Карлу Энкелю, давнему моему знакомому, чтобы поздравить его с подписанием Договора. Большое количество царских орденов и медалей эффектно украшали его грудь. Я любопытствовал, за что Российская Империя пожаловала ему эти знаки отличия. Казалось, он только и ждал этого вопроса. Самым подробным образом он рассказал, когда и по какому поводу царь Николай II награждал его этими орденами. Из его рассказа я понял, а может быть он этого и хотел, что в его лице мы имеем настоящего русофила. Дай-то Бог! Ведь это министр иностранных дел Финляндии. Расставаясь, мы облобызались прямо на глазах у присутствующих, которые с любопытством оглядывали нас.

Представилась возможность поприветствовать и поздравить главу финской делегации на переговорах, премьер-министра Мауно Пеккала, также моим старым знакомым.

Встретился я и с членом делегации, первым заместителем председателя парламента Урхо Кекконеном. Он также подтвердил мне впечатление финнов о дружеском расположении Сталина и Молотова к финской делегации. Во время такого разговора к нам подошел первый заместитель министра иностранных дел Андрей Вышинский и, обменявшись приветствиями, предложил бокал красного шампанского и тост за успех переговоров.

В ответ на это Кекконен, изобразив испуганный вид и вполне вроде бы серьезно, спросил:

— Я не стану красным?!

Вышинский мучительно долго искал подходящий ответ и после паузы вымолвил:

— Не бойтесь, вас защитит договор Паасикиви!.. — и весело рассмеялся.

Откровенно говоря, я не понял ответа Вышинского. Что это за договор Паасикиви, о котором он упомянул? Решил

разыскать члена советской делегации на переговорах Александра Абрамова, заведующего отделом МИД СССР по Скандинавским странам, с которым часто встречался по работе.

Когда увидел его, попросил рассказать, что это за договор Паасикиви, который они недавно подписали в Кремле. На мой вопрос он улыбнулся и спросил, кто мне говорил о договоре Паасикиви.

— Вышинский, — ответил я.

Тогда Абрамов рассказал следующую историю. В день, когда был подписан Договор, был устроен торжественный обед для участников переговоров. Когда обед подходил к концу, Сталин обратился по старому грузинскому обычаю к самому младшему по возрасту, чтобы узнать его собственное и независимое мнение о только что подписанном Договоре. Младшим по возрасту оказался Кекконен, ему было 47 лет. Сталин спросил его, что думают финны насчет Договора?

Кекконен, чувствуя себя на этом обеде весьма свободно, заявил:

— А разве это Договор? Это же диктат Паасикиви!

— Вот и я говорю это же самое своим товарищам, но они мне не верят, — улыбнувшись сказал Сталин.

Домой с приема возвращался спокойный и удовлетворенный тем, что в заключении Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заложившем основу мирных добрососедских отношений между нашими странами на долгие годы, вложен труд и советских разведчиков.

Лето 1948 года было жарким и сухим. Таким оно оказалось и для советской разведки. По решению Политбюро разведывательное управление Министерства государственной безопасности СССР и Главное разведывательное управление Министерства обороны СССР были объединены. На их основе создан Комитет информации (КИ), председателем которого стал Вячеслав Михайлович Молотов. Наш начальник разведки П. Федотов стал его заместителем.

Осенью того же года П. Федотов пригласил меня к себе и сказал, что намерен назначить меня начальником от-

дела по разведке в Западной Германии с позиций Берлина. Он спросил, есть ли у меня на этот счет замечания.

Я ответил ему, что хотел бы продолжить работу по Скандинавии, где создал резидентуру из разведчиков, подобранных мною по своему методу, и хочется увидеть результаты своих трудов.

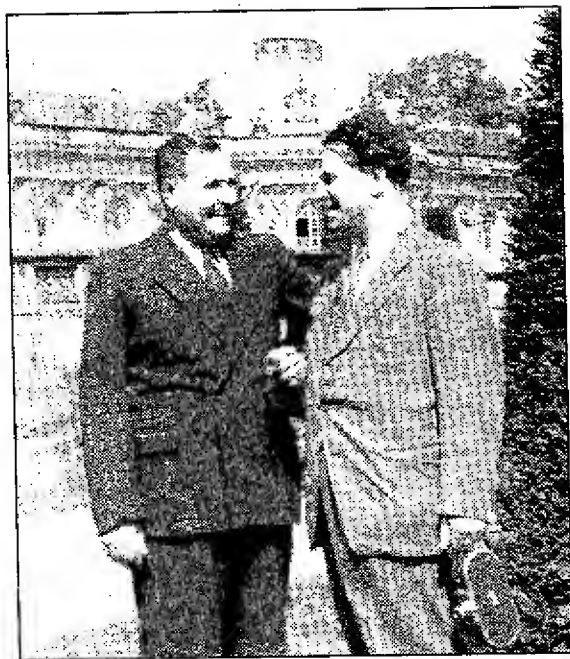
— Вот, наверное, из-за этой черты характера, — сказал Федотов, — вас и рекомендуют назначить на должность начальника отдела по Германии.

Особенно спорить с начальством вообще не рекомендуется, а в те, слава Богу, далекие годы было и весьма опасно.

Вскоре приказ о моем назначении был подписан Молотовым.

Прощай, Скандинавия!

Работа в Берлине
сопровождалась
ознакомлением
с богатым культур-
ным и историческим
наследием немецкого
народа.
Дрезден. 1951 г.

Венгрия. Будапешт. 1956 г.

В парке дома-музея
великого польского
композитора Ф.Шопена
в Желязова-Воле
под Варшавой.
1963 г.

Воспитание внуков — важное дело в жизни. 1973 г.

Генерал Е.Синицын беседует с Генсеком ЦК КПСГ Г.Гусаком. 1979 г.

И снова Берлин —
35 лет спустя,
но уже в качестве
туриста.
1986 г.

С выходом в отставку в 1981 году у генерала Синицына и его супруги появилось, наконец-то, время для прогулок по любимой Москве, городу их нелегкой, но интересной молодости

80 лет — не так уж и много.
когда полон оптимизма и творческих планов. 1989 г.

Примечания

- ¹ В ряде мест книги редакция решила сохранить авторские формулировки, характерные для более позднего времени. Например, в описываемые времена использовались термины «полпред», т.е. «полномочный представитель», а не «посол», а вместо «посольство» — «постпредство».
- ² Точнее было бы — «5-й отдел Главного Управления государственной безопасности НКВД СССР».
- ³ Паасикиви Юхо Кусты (1870–1956) — премьер-министр Финляндии в 1918 г. и 1944–1946 гг. С 1946 г. Президент Финляндии.
- ⁴ Таннер Вайне Альфред (1881–1966). В 1926–1927 гг. премьер-министр Финляндии; в 1939–1940 гг. министр иностранных дел. Осужден в 1946 году как военный преступник.
- ⁵ Шюцкор — военизированная организация, существовала в Финляндии с 1917 г. по 1944 г. Своего рода вспомогательные внутренние войска, близкие по своей идеологии к фашизму.
- ⁶ Куусинен Отто Вильгельмович (1881–1964). Один из руководителей Финл. революции 1918 г. и организаторов компартии Финляндии. В 1940–1958 гг. Председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР.
- ⁷ Каллио Кюэсти (1873–1940) — с 1922 по 1937 гг. трижды возглавлял правительство Финляндии. С 1937 по 1940 гг. Президент.
- ⁸ Рюти Ристо (1889–1956). В 1939–1940 гг. премьер-министр, 1940–1944 гг. — Президент Финляндии. В 1946 г. осужден как военный преступник.
- ⁹ Вуолиоки Хела (1881–1954) — известная финская писательница, участница движения Сопротивления в годы второй мировой войны.
- ¹⁰ Маннергейм Карл Густав (1867–1951) — главнокомандующий финской армии в 1939–1944 гг. Президент Финляндии в 1944–1946 гг.
- ¹¹ СДПФ — Социал-демократическая партия Финляндии.
- ¹² Фагерхольм Карл Август (р. 1901) — министр социальных дел Финляндии.
- ¹³ Рангель Йохан Вильгельмович (р. 1894) — премьер-министр Финляндии.
- ¹⁴ Гесс Рудольф (1894–1987). С 1925 года личный секретарь Гитлера, с 1933 года его заместитель по партии. В 1941 году прилетел в Великобританию с предложением о заключении сепаратного мира. На Нюрнбергском процессе (1946 г.) как военный преступник приговорен к пожизненному заключению.

- 15 Меркулов Всеволод Николаевич (1895—1953). С января 1941 г. нарком госбезопасности СССР. В результате объединения НКВД и НКГБ СССР с июля 1941 г. по апрель 1943 г. — зам. наркома внутренних дел СССР.
- 16 Геринг Герман (1893—1946). С 1933 года имперский министр авиации, организатор провокационного поджога рейхстага в 1933 году. Инициатор создания гестапо и концлагерей. На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни как военный преступник. Избежал казни, покончив с собой в тюрьме.
- 17 Жданов Андрей Александрович (1896—1948). С 1924 года секретарь Нижегородского, затем Горьковского крайкома ВКП(б). С 1934 секретарь ЦК, одновременно Ленинградского обкома и горкома партии. Член Политбюро с 1939 года. Член Военного совета Ленинградского фронта во время Великой Отечественной войны.
- 18 Чернышев Александр Иванович (1785/86—1857). Князь, в 1808—1812 гг. представитель царя Александра I при Наполеоне I. В 1832—1852 гг. — военный министр, в 1848—1856 гг. — председатель Госсовета.
- 19 Талейран Шарль Морис (1754—1838) — французский дипломат. Министр иностранных дел в 1797—1799 гг. — при Директории, в 1799—1807 гг. — в период Консульства и империи Наполеона I, в 1814—1815 гг. при короле Людовике XVIII. Один из самых выдающихся дипломатов, беспринципный политик.
- 20 Бертье Луи Александр (1753—1815) — маршал Франции, в 1799—1814 гг. начальник штаба армии Наполеона.
- 21 Императрица Мария-Луиза (1791—1847) — вторая жена Наполеона I, дочь австрийского императора Франца I. После крушения империи Наполеона — владетельная герцогиня Пармская.
- 22 Бернадотт Жак Батист (1763—1844) — маршал Франции, участник революции и наполеоновских войн. Уволен Наполеоном в 1810 году и избран наследником шведского престола. В 1813 году командовал шведскими войсками в европейской войне против Франции. С 1818 по 1844 год под именем Карл XIV Юхан, король Швеции и основатель династии Бернадоттов.
- 23 Коллонтай Александра Михайловна (1872—1952). Советский государственный и партийный деятель. Участница Октябрьской революции. Член ЦК партии. С 1923 года на дипломатическом поприще — полпред и торгпред в Норвегии, Мексике, снова в Норвегии, в 1930—1945 гг. посланник, а затем посол в Швеции.
- 24 Франко Франсиско (1892—1975) — глава испанского государства с 1939 по 1975 годы. Диктатор, пришедший к власти после гражданской войны 1936—1939 гг.
- 25 Ханссон Петр Альбин (1885—1946) — председатель Социал-демократической рабочей партии Швеции в 1925—1946 гг. В 1920—26 гг. — премьер-министр, в 1932—1946 гг. — министр обороны.

- ²⁶ Муссолини Бенито (1883–1945). Фашистский диктатор Италии в 1922–1943 гг. Режимы Муссолини и Гитлера развязали вторую мировую войну (1939–1945 гг.). В 1945 г. Муссолини был захвачен итальянскими партизанами и по приговору трибунала Комитета национального освобождения казнен.
- ²⁷ Вейонмаа Вяйне — глава парламентской фракции социал-демократов Финляндии (1943 г.).
- ²⁸ Кекконен Урхо Калева (1900–1986). С 1936 г. неоднократно министр в финском правительстве, в том числе и министр иностранных дел. В 1950–1956 гг. (с перерывами) премьер-министр, а с 1956–1981 гг. — Президент Финляндии.
- ²⁹ Пеккала Мауно (1890–1952) — общественно-политический деятель Финляндии, неоднократно занимал пост министра в правительстве Финляндии. В 1942 г. вышел из состава правительства и перешел в оппозицию, противник войны с СССР.
- ³⁰ Абакумов Виктор Семенович (1908–1954) — министр госбезопасности. Во время второй мировой войны — начальник Главного управления контрразведки (СМЕРШ). Арестован и расстрелян 19 декабря 1954 г.
- ³¹ Гроза Петру (1884–1958) — председатель коалиционного правительства демократических сил Румынии с 1945 по 1947 гг. Председатель Совета министров РНР в 1947–1952 гг. Председатель Великого национального собрания РНР с 1952 г.
- ³² Трумэн Гарри (1884–1972) — вице-президент США, ставший президентом (после смерти президента Ф. Рузвельта) в годы 1945–1953. С его именем связаны атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, а также создание НАТО и военная интервенция на Корейском полуострове.

Содержание

Инженером в Сибирь или сотрудником во внешнюю разведку?	3
В Москве и Хельсинки осенью 1939 года. Сталин на Политбюро	17
Снова в Хельсинки после «зимней войны»	57
Финляндия готовит реванш	96
Шифровка Сталину за одиннадцать дней до нападения Гитлера	117
Задание: в нейтральной Швеции работать против войны	136
Секретная встреча Коллонтай и Паасикиви	164
Любовная драма и любовный фарс в Швеции	169
Миллиард шведских крон на восстановление России	177
«Когда дипломаты вступают в дело — войне конец»	181
Новое качество разведки: «источники информации» становятся «источниками влияния»	198
Подготовка к решающим выборам в сейм. Жданов и Сталин о пути Финляндии	212
Выборы 1945 года: победа демократов впечатляющая, но не полная	226
Паасикиви перехитрил Жданова	239
Отозван из Финляндии по доносу	246
Попытка освободить Рауля Валленберга	255
От мирного договора к Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи	268
Примечания	284

Елисей Сеницын
Резидент свидетельствует

Ответственный за выпуск
О. Прудков

Редактор
Л. Белокуров

Технический редактор
Л. Сеницына

Корректор
Б. Тумян

Компьютерная верстка
Ю. Сеницына

Лицензия ЛР N 061647

Подписано в печать 29.11.96. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура "Journal". Усл. печ. л. 15,12.
Печать офсетная. Тираж 20000 экз. Заказ 2426.

ООО издательство "Гей"
Москва, Кутузовский проспект, 14

Отпечатано в ГИПП "Янтарный сказ"
236000 Калининград, ул. К. Маркса, 18.